

Региональная общественная организация
«Институт Петербурга»

**Сборник
воспоминаний и статей памяти
Ирины Михайловны Сергеевой**

Санкт-Петербург
2014

Редакционная коллегия:

А. В. Князькина

Н. В. Скворцова

А. И. Чепель

Контактные данные:

РОО «Институт Петербурга»

191123, Санкт-Петербург, Захарьевская ул., 14, пом. 43

E-mail: institute_spb@mail.ru

Веб-сайт: www.universpb.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

И. М. СЕРГЕЕВА. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Анкета участника Энциклопедии успешных людей 8

Универ, где учат взрослых 10

Гуманизация общества через краеведческое образование 15

ВОСПОМИНАНИЯ

В. И. Аксельрод

Памяти Ирины Михайловны Сергеевой 22

Н. Е. Абакумова

«Институт Петербурга» изменил мою жизнь. 23

З. А. Рудая

И. М. Сергеева как явление петербургской культуры 25

Т. Г. Смирнова.

Вспоминая друга, соратника, наставника... 29

Е. П. Стальмак

Главная миссия — обучать 32

А. Н. Тагирджанова

Меня выпустили, как джина из бутылки... 34

Т. В. Шельганова

Мгновенья встреч длиною в память жизни 38

А. И. Чепель

«Я никогда в жизни ничего не делала для галочки» 41

**ИНСТИТУТ ПЕТЕРБУРГА.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ ВЫПУСКНИКОВ**

<i>Н. Е. Абакумова</i> Проблемы железнодорожных школ в начале XX века	44
<i>Н. Н. Гольцов</i> Счастливая улица	47
<i>Н. М. Манизер</i> «Первая красавица первого выпуска Первого женского медицинского института» Вера Николаевна Осипова (1875–1954)	58
<i>А. А. Москвина</i> Красная Горка и Ино — слава и боль Балтики	65
<i>Е. В. Нестерук</i> Неизвестная часовня на Крестовском острове	77
<i>М. А. Печникова, А. З. Лихтмангоф</i> Санкт-Петербургские топонимы, связанные с медициной	88
<i>Л. Ю. Сапрыкина</i> Многомерный Казачий переулок	90
<i>М. Б. Шарпова</i> «Дом с ротондой», его дореволюционные владельцы и обитатели	103
<i>А. И. Чепель</i> «Карандаш» и бумага: конкурсное проектирование в творчестве архитектора А. Л. Лишневого	112
Краткие сведения об авторах	124
Список сокращений названий учреждений и организаций	125
Дипломные работы 2011–2013 годов	126

От составителей

Вот уже почти год наш «Институт Петербурга» живет без своего основателя и вдохновителя. 19 марта 2013 года не стало Ирины Михайловны Сергеевой. Более двадцати лет она по-женски чуткой и по-мужски твердой рукой вела каждодневную, многообразную и трудную работу Университета Петербурга, ставшего Делом ее жизни. Петербурговедение, изучение любимого города стало Делом жизни еще и тех многих, кому довелось пройти через «стены» Университета, кому посчастливилось встречаться, работать и дружить с Ириной Михайловной. И очень важно, что сегодня мы не теряем темп нашего развития, набранный за предыдущие годы, и удерживаем тот высокий уровень просветительской и исследовательской работы, который задала Ирина Михайловна. Ее светлой памяти посвящают этот сборник члены Института Петербурга, коллеги и представители краеведческой общественности города, выпускники и слушатели Университета Петербурга.

И. М. Сергеева

От первого лица

АНКЕТА УЧАСТНИКА ЭНЦИКЛОПЕДИИ УСПЕШНЫХ ЛЮДЕЙ¹

**Сергеева Ирина Михайловна,
председатель совета Институт Петербурга РОО**

Эксперт в области

Просветительская деятельность в сфере краеведения. Дополнительное образование взрослых.

Кредо/жизненная позиция

Несмотря на всевозможные препятствия, продолжать делать свое дело, пока оно востребовано рядовыми гражданами любимого города.

Образование, дополнительное обучение

Ленинградский Электротехнический институт (ЛЭТИ), Факультет автоматики и вычислительной техники (1962).

Вехи карьеры

После окончания института до 1991 года работала в вычислительных центрах промышленных предприятий Ленинграда. В 1991 году стала инициатором создания общественной организации «Институт Петербурга».

С момента создания организации возглавляет Совет РОО, являясь фактически исполнительным директором.

Общественная/политическая деятельность

Депутат районного совета (1990–1993), Член Общественной палаты Санкт-Петербурга (1997–2003).

Публикации

Материалы международных конференций по дополнительному образованию взрослых и петербурговедению, проводившихся в Петербурге в 2001, 2003 и 2005 гг.

¹ См.: Кто есть кто — без границ — Энциклопедия успешных людей : Электрон. ресурс. URL: http://kekmir.ru/members/person_81.html (28.01.2014)

Ордена, медали и другие награды

Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003), Анциферовским дипломом «За выдающийся вклад в краеведческое образование» (2004).

Семья

Замужем, двое сыновей, три внучки.

Самый ценный совет, который Вы получили в жизни?

Безвыходных ситуаций не бывает.

Для Вас нет ничего хуже, чем...

Предательство.

Что для Вас наивысшее счастье?

Когда люди говорят «спасибо» за то дело, которое мы делаем.

На какой идеал ориентируетесь, какие качества цените в людях?

Обязательность, уважение к людям вне зависимости от их социального положения и интеллектуального уровня.

Самое поразительное для Вас открытие?

Даже в пенсионном возрасте можно полностью поменять свою жизнь.

Что Вы считаете наиболее важным в воспитании детей?

Умение понять их.

Каким образом снимаете стресс?

В общении с интересными мне людьми.

Любимый афоризм, пословица?

Все, что ни делается — все к лучшему.

Какое событие в жизни показалось Вам наиболее важным?

Создание РОО «Институт Петербурга».

Ваше хобби?

Драматический театр.

Что Вам больше всего нравится в Вашей работе?

Постоянное ощущение востребованности самыми разными людьми того, что мы делаем.

Планы на будущее

Чтобы наше дело просуществовало как можно дольше.

УНИВЕР, ГДЕ УЧАТ ВЗРОСЛЫХ (интервью И. М. Сергеевой газете «Санкт-Петербургские ведомости», 07.10.2011 г.)¹

Двадцатилетний юбилей отмечает общественное объединение «Институт Петербурга», занимающееся просветительской работой на ниве краеведения. Не будет преувеличением сказать, что без деятельности его главного образовательного проекта — Университета Петербурга — невозможно представить себе культурную жизнь и потенциал нашего города. О том, как возникло это объединение и какой путь прошло за два минувших десятилетия, и шел у нас разговор в редакции.

— Ирина Михайловна, вы стояли у истоков этой организации. Как же все начиналось?

— Чтобы понять это, надо окунуться в переломные 1990–1991 годы, причем посмотреть глазами человека того времени. Потому что рождение Института Петербурга стало прямым следствием происходивших в ту пору революционных изменений в стране. Начнем с того, что многие предприятия разваливались, и инженерно-технические кадры оказывались без работы. Иногда — просто на улице. В таком положении довелось оказаться и мне. А поскольку я человек энергичный и не привыкла пасовать перед трудностями, эта ситуация стала для меня толчком к активным действиям.

Честно говоря, понятие «краеведение» было для меня очень далеким. Я просто всегда очень любила свой город, считала его необыкновенным. Он меня притягивал, но я никогда не пыталась погрузиться в его историю. Это уже потом мне встретились люди, которые серьезно занимались изучением истории Петербурга. Но до них была еще одна встреча...

— Которая определила все?

— Несомненно. В самом начале 1991 года мне встретилось в газете интервью довольно известного в ту пору предпринимателя Александра

¹ Интервью подготовил Сергей Глезеров. Электрон. версия (28.01.2014): http://www.spbvedomosti.ru/guest.htm?id=10280809@SV_Guest

Смолянского, в недавнем прошлом тоже инженера, в котором он высказывал разные интересные идеи о том, как должна меняться наша жизнь. Проектов у него было много, он принадлежал к числу тех людей, которые постоянно генерируют новые идеи, поддерживал любую инициативу (в том числе и материально), включая общественные проекты. И вот в своей беседе с корреспондентом, перечисляя значимые для города, на его взгляд, проекты, он заметил, что было бы неплохо, чтобы появилась организация, пропагандирующая знания о Петербурге.

Сказано было мельком, но мне эта мысль оказалась близка и понятна. Прочитав интервью, я тут же разыскала Смолянского. Сказала, что меня заинтересовала эта идея. Его же привлекло то, что я тогда была депутатом райсовета. Не бог весь какой статус, но на то время это были полезные связи. «Я думаю, что у вас это получится, — сказал мне при нашей первой встрече Александр Борисович. — Давайте попробуем».

— *Получается, Институт Петербурга возник практически с нуля...*

— Не забывайте — это был 1991 год. В то время казалось, что стоит только захотеть, и все получится. Первым нашим шагом стало объявление в прессе. Мы приглашали горожан вступить в общественную организацию, которая будет пропагандировать знания о Петербурге. Что стоит за этим, тогда мне самой было еще не до конца понятно. Мы обращались к категории самых обычных, как говорится, рядовых жителей города.

— *И они отозвались?*

— Да, откликнулось много самых разных неравнодушных людей. Одними из первых были инженеры Маргарита Яковлевна и Владимир Борисович Айзенштадты, к тому времени уже более двадцати лет серьезно занимавшиеся изучением города. Тогда же я познакомилась с исследователями из секции истории Старого Петербурга при Музее истории города — Еленой Иосифовной Красновой и Ларисой Ильиничной Бройтман. Появился писатель-краевед Юрий Раков.

Пришли совсем еще юный Дмитрий Шерих — библиограф, только что окончивший Институт культуры, и педагог-русист Валентина Ивановна Вербицкая. Заинтересовался новой организацией художник Владимир Борисович Зернов. Активное участие принял Владимир Ильич Аксельрод, руководивший клубом «Ты — ленинградец!» в тогдашнем Дворце пионеров и занимавшийся на тот момент созданием своего общественного движения «Юные за возрождение Петербурга». Именно он пригласил историка Петербурга Густава Александровича Богуславского, сыгравшего затем основополагающую роль в нашей деятельности.

С первых шагов создания Института Петербурга самыми активными его членами стали и активисты Клуба знатоков Ленинграда при обществе охраны памятников Владимир Михайлович Сыров и Виктор Сергеевич Мешкунов.

Вообще люди появлялись очень разные. Многие приходили и уходили, а некоторые оставались надолго и становились настоящими соратниками. Организация выросла исключительно на энергии и энтузиазме ее участников — не случайно, что появилась она именно в то особое, переломное время. Днем рождения Института Петербурга можно считать 9 апреля 1991 года, когда состоялось наше учредительное собрание, после которого началось активное обсуждение дальнейшей деятельности, положений устава будущей организации. 12 августа того же года нас зарегистрировали в управлении юстиции. А в октябре мы уже открывали Университет Петербурга.

— *Что представляло собой в ту пору петербургское краеведение?*

— В том широком смысле, как мы это сегодня понимаем, на тот момент оно отсутствовало. Активное книгоиздание прервалось в силу экономических причин, экскурсионная деятельность тоже исчезала: профсоюзы, которые всегда выделяли средства на их проведение, перестали существовать.

Но самое главное — в обществе стремительно менялась идеология. Прежняя, «советская школа» ленинградского краеведения, согласно которой наш город был исключительно «колыбелью трех революций», «музеем под открытым небом» и «городом-героем, выстоявшим в блокаду», фактически прекратила свое существование. Новая только зарождалась. Поэтому мы не опирались ни на что старое. Свою деятельность в начале 1991 года Институт Петербурга начинал с нуля.

— *Какие же цели ставили перед собой вы и ваши единомышленники?*

— Основную задачу мы видели в изучении и пропаганде истории и культуры Петербурга, в вовлечении в эту деятельность рядовых жителей нашего города. Кстати, название «Институт Петербурга» придумал Смоленский, державший все время в голове «Институт Франции». Он видел в нас организацию, которая будет заниматься всем, что связано с культурным наследием города.

Планы наши были грандиозными, наполеоновскими. Однако, когда мы обсуждали устав, ни о какой образовательной деятельности речи не было. Мы полагали, что главной будет издательская работа, возможно, выставочная деятельность, создание электронных баз

данных... А лекции и экскурсии были вписаны в самом конце мелким шрифтом. Тогда казалось, что это не будет востребовано.

— *А получилось наоборот?*

— Жизнь внесла свои коррективы. Именно в то время в Городском дворце пионеров шла работа по подготовке нового школьного курса — истории Петербурга. Программы уже были, но не было преподавателей. Требовались специальные курсы подготовки учителей. У города денег на это не было. Роль генератора идей и тут сыграл Александр Смолянский. Он сказал: «А ведь это прямая работа Института Петербурга. И вообще мне непонятно, почему вы предлагаете такой курс только для учителей. Такая программа будет интересна не только им. Моей маме, например, это тоже было бы очень интересно». Так родилась идея образовательной программы, предназначенной для самой широкой аудитории.

— *В результате она стала главной программой?*

— Она стала главной не случайно. Ведь Университет Петербурга, готовя учителей нового курса истории и культуры Петербурга, преследовал и еще одну цель — дать профессию представителям технической интеллигенции, оказавшимся тогда, в начале 1990-х годов, без работы, но совершенно не желавшим заниматься торговлей, чтобы выжить (другого вида деятельности на тот момент им не предлагалось). А дальше получилось просто: поскольку единственный доход нам приносил Университет Петербурга, то все остальные проекты зависели от него.

Благодаря доходу от деятельности Университета Петербурга появился наш чисто просветительский проект — литературно-музыкальные встречи супругов Айзенштадтов «Вечера на Фонтанке». Рассказ ведущих сопровождался живым исполнением литературных и музыкальных произведений артистами наших театров. Это давало возможность окунуться в атмосферу петербургского салона, в которой соединяются живое общение и соприкосновение с прекрасным.

Для посетителей этих вечеров даже в самые трудные годы они были бесплатными. Потребность в таком общении, особенно среди пенсионеров, была настолько велика, что в 1990-х годах «Вечера на Фонтанке» проводились два-три раза в месяц на разных площадках города. Впоследствии из этих встреч сложилась вышедшая в 2007 году книга Айзенштадтов «По Фонтанке».

— *А название «Университет Петербурга» как появилось?*

— Его автором был Густав Александрович Богуславский, имевший в виду университетский принцип преподавания. Именно Густав Александрович стал автором программы, составленной по заветам

выдающегося ученого Ивана Михайловича Гревса, основоположника экскурсионного метода в краеведении. В ее основе было восприятие города как многообразного, сложного и в то же время единого организма. Вот почему мы с самого начала привлекали в качестве преподавателей профессионалов своего дела в той или иной области знания. Каждый из них приходил со своей «золотой темой».

А те, кто выучивались у нас, несли в школу не только глубокие знания. Это были люди, влюбленные в город, и эту любовь они передавали ученикам. Поэтому в тех школах, где преподавали наши выпускники, этот предмет был одним из самых любимых.

— *За двадцать лет многое изменилось. Какова теперь роль вашей организации?*

— Сегодня мы уже не ориентированы на учителей, как прежде. В первую очередь потому, что теперь есть вузы, где готовят преподавателей истории Петербурга. А также, к огромному сожалению, еще и потому, что эти учителя сегодня уже мало востребованы. Не секрет, что во многих школах курс истории Петербурга серьезно сокращен, а часто вообще отсутствует в программе. Даже в гуманитарных гимназиях!

Зато сегодня, когда наш город становится объектом туристического бума, стала востребованной профессия экскурсовода. Знания, которые мы даем, — кстати, сегодня занятия проходят в помещении Детской библиотеки истории и культуры Петербурга на ул. Марата, 72, — дают людям реальную возможность пойти в эту сферу.

— *В чем, на ваш взгляд, главная заслуга объединения-юбиляра?*

— Мы привлекаем рядовых жителей, далеких по роду своей деятельности от истории города, людей, у которых есть поверхностный интерес к культурному наследию Петербурга, и возвращаем из них глубоко знающих, серьезных пропагандистов культуры нашего любимого города.

По моему глубокому убеждению, просвещать взрослых не менее важно, чем детей. Потому что детей воспитывают окружающие их взрослые, они влияют на их развитие и становление. Вот почему основную свою задачу мы видим именно в просвещении взрослых. Для всех, кто окончил Университет Петербурга, жизнь изменилась в корне: и для тех, кто поменял свою профессию, и для тех, кто остался в сфере своей прежней деятельности. В этом мы убеждаемся каждый год в январе, когда на ежегодные слушания Института Петербурга собираются сотни наших выпускников... Думаю, стоит напомнить горожанам, что занятия Университета Петербурга проходят в помещении Детской библиотеки истории и культуры Петербурга на ул. Марата, 72.

И. М. Сергеева
ГУМАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ
КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
(Доклад на Пярых всероссийских
краеведческих чтениях.
Москва. 27–28 мая 2011 г.)

Проводимая сегодня Министерством образования и науки реформа образования вызвала широкие дебаты в обществе, смысл которых заключен в принципиально различном подходе к сути образования. Разработчики реформы видят свою задачу в том, чтобы «вложения в образование через 5-7 лет принесли отдачу в виде ускорения темпов и улучшения качеств экономического роста» (Я. Кузминов). А потому в предлагаемой модели средняя школа должна обеспечивать знания информационных технологий, английского языка, основ экономики и права.

Но при таком сугубо «экономическом» подходе из сферы обязательного образования полностью исключается воспитательная функция. Это и беспокоит широкие слои общества, осознающие, что на «воспитании чувств» основывается сохранение человеческой культуры. Именно культура составляет морально-нравственный стержень общества, обеспечивающий развитие духовности, способствующий формированию личности, индивидуальности. Без сохранения культуры, на наш взгляд, не может быть решена важнейшая задача гуманизации общества.

Идеологи реформы объясняют нам, как важно подготовить выпускников школ к успешному «вхождению» в современный информационный мир, в котором первостепенное значение приобретают знания и умения. Вследствие реализации этой «идеи» гуманитарные науки, способствующие «воспитанию чувств», оказываются отодвинутыми на второй, а то и на третий план.

Можно предположить, что, по мысли реформаторов, нравственные основы человека должны быть заложены в семье, а духовное воспитание, видимо, возлагается на церковь. Но, к сожалению, семьдесят лет атеистической пропаганды и «специфического» подхода к мировому культурному наследию практически разрушили эти институты воспитания. Несмотря на то, что в последние два десятилетия эта ситуация меняется, сегодня нельзя полностью полагаться на них в процессе формирования основ гуманного общества.

Результатом такой реформы может стать деградация общества, что и вызывает негативную оценку предлагаемых новаций у мыслящей части граждан.

В ситуации, когда из области обязательного образования исчезает гуманитарная составляющая, общество, по нашему мнению, должно эффективнее использовать дополнительное образование, которое позволяет расширять круг знаний не только в профессиональных, но во всех сферах жизнедеятельности человека. Дополнительное образование не обязательно завершается выдачей диплома или аттестата, поскольку, что очень важно, главным стимулом выбора такого обучения становится личный интерес индивидуума.

Это могут быть занятия как в учреждениях дополнительного образования или в общественных организациях, являющихся юридическими лицами, так и в кружках или клубах по интересам, не имеющих статуса юридического лица. Форма такого образования тоже может быть различной: лекции, беседы, встречи с интересными людьми, экскурсии. Завершив свое обучение в одном из этих учреждений, человек может перейти в другое — и так в течение всей своей жизни. Существенно то, что это образование определяет духовное становление отдельной личности.

В европейских странах уже давно поняли значимость «образования длиною в жизнь». Еще в 2001 г. в Европейском Союзе был принят Меморандум непрерывного образования, разработана политика в области непрерывного образования. Правительства Германии, Финляндии, Швеции и других стран осуществляют государственную поддержку программ дополнительного образования.

К сожалению, в нашей стране такая форма образования, существующая де-факто, никак не замечается государством. В Законе об образовании (и в старой, и в новой редакции) понятие «непрерывное образование» вообще отсутствует, а параграф «дополнительное образование» сосредоточен на профессиональном дополнительном

образовании и детских развивающих программах. Правда, возможность существования общего (непрофессионального) дополнительного образования оговаривается, но при этом никак не регламентируются взаимоотношения учреждений, осуществляющих эту деятельность, с государственными структурами.

В научных статьях, диссертациях, на конференциях, посвященных дополнительному или непрерывному образованию, всегда речь идет только о профессиональном образовании, только о повышении квалификации или перепрофилировании.

Учитывая все то, что сказано в начале, мы хотим еще раз подчеркнуть социально-культурную значимость для общества именно общего дополнительного образования, в котором одно из первых мест, несомненно, принадлежит образованию краеведческому.

В своей работе «Город как предмет краеведения» И. М. Гревс писал: «... представляет важный предмет для самопознания края и необходимый элемент для познания страны (родиноведения): культура, мир человека, развитие его в личности и обществе, во всех сферах жизни внешней и внутренней, в деятельности и ее плодах, в сознании и его мотивах»¹.

Интерес к истории родного края, его особенностям, значимости его вклада в развитие культуры родины очень силен во всех уголках нашей необъятной страны. На основе этого интереса возможно создание разнообразных гуманитарных программ, внедрение которых в образовательный процесс будет способствовать решению задачи гуманизации общества.

Здесь необходимо отметить, что краеведческое образование, несомненно повышая общий гуманитарный потенциал обучаемого, привлекает своей возможностью при желании использовать полученные знания в профессиональной деятельности педагога или экскурсовода, — конечно, при условии овладения методическими навыками.

Реализуя завет основоположника петербургского краеведения И. М. Гревса, наша общественная организация «Институт Петербурга» в качестве учреждения дополнительного образования вот уже двадцать лет предлагает жителям Петербурга гуманитарную программу «Университет Петербурга», построенную на базе истории и культуры родного города.

¹Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение. СПб., 2010. С. 58.

Три факультета Университета Петербурга осуществляют обучение в разных возрастных группах по специально разработанным программам.

Детский факультет предлагает программу «Знакомство с Петербургом» для детей от 6 до 13 лет совместно с родителями, что, помимо методических задач, позволяет осуществить главную воспитательную функцию: совместное (родителей с детьми) «открытие» города. Занятия в зале перемежаются прогулками по изучаемым районам; игровая форма занятий, учитывающая возрастные особенности каждой группы, привлекает и детей, и родителей.

Для школьников 9–11-х классов в Институте Петербурга разработана двухгодичная программа Юношеского факультета, включающая адаптированную для старшеклассников лекционную программу, занятия в семинарах, экскурсии. Программа реализуется Санкт-Петербургским Городским Дворцом творчества юных.

Основным факультетом Университета Петербурга является Взрослый, на который приглашаются все жители города, независимо от их возраста и образования.

Член РОО «Институт Петербурга», известный историк и петербурговед Г. А. Богуславский на основе трудов И. М. Гревса и Н. П. Анциферова разработал лекционную программу, рассчитанную на два года, освещающую самые разные стороны жизни Петербурга за более чем 300-летнюю историю его существования.

Лекционная программа дополняется богатой экскурсионной программой, позволяющей заглянуть в музеи и библиотеки, широко известные и малоприметные уголки города.

Помимо лекций и экскурсий слушателям предлагаются занятия в семинарах, на которых желающих знакомят с методиками исследовательской, педагогической, экскурсионной деятельности. Семинары необходимы для тех, кто в дальнейшем собирается связать свою жизнь с тем или иным видом краеведческой работы.

Общественный характер нашей организации, осуществляющей учебный процесс, позволяет уйти от строгого штатного состава преподавателей. К чтению лекций приглашаются ведущие ученые разных учебных и научных учреждений города, благодаря чему достигается высочайший уровень практически всех лекций. Рядовые жители Петербурга (а именно они и становятся нашими слушателями) получают возможность личного контакта с уникальными представителями петербургской науки, петербургской интеллигенции, что дает им

осознание собственной причастности к знаменитой на весь мир петербургской культуре.

Приглашая лекторов, мы стараемся предлагать слушателям различные точки зрения на одни и те же события, на одних и тех же исторических деятелей. В зале звучат различные политические оценки разных периодов петербургской (читай — российской) истории. Разговор о многонациональном составе создателей нашего прекрасного города, его жителей, лекции о бытовой культуре горожан в разные исторические периоды, о представителях различных верований и конфессий, о религиях, исповедуемых разными группами населения, приучают наших слушателей к веротерпимости, толерантности.

Лекционная программа учитывает, что приходит в Университет Петербурга люди, как правило, в своей повседневной жизни далекие от краеведческой тематики, порой вообще далекие от гуманитарной деятельности. В то же время, разнообразная палитра направлений петербургской культуры, предлагаемых программой, привлекает к обучению людей и гуманитарных профессий.

Независимость нашей организации от государственных структур позволяет оперативно вносить изменения в программу, включая новые интересные темы, отслеживая современные тенденции в разных видах искусств.

В начале мы говорили о том, что главным достоинством дополнительного образования является возможность собственного выбора. Университет Петербурга предоставляет эту возможность не только при поступлении, но и в дальнейшем. Несмотря на то, что его деятельность осуществляется на самоокупаемости, ежемесячная оплата занятий позволяет слушателям прервать процесс обучения в любой момент. Статистика показывает, что до конца обучения (три раза в неделю в течение двух лет) доходят не более 40%, но эту цифру нельзя считать пессимистичной, т. к. даже за один-два месяца происходит приобщение к культурному наследию города.

Слушателям, которые после двух лет обучения хотят получить диплом Университета Петербурга, предлагается написать дипломную работу на тему, выбираемую ими в зависимости от собственных пристрастий. В период поиска и обработки материала к дипломной работе происходит практическое знакомство с исследовательской деятельностью.

Иногда тема диплома настолько захватывает, что человек продолжает ею заниматься, оставаясь в своей основной профессии.

Нами уже выпущены две книги на основе дипломных работ: П. М. Суворкова «Проспект Чернышевского» (автор продолжает работать программистом) и В. А. Смышляева «Сан-Галли — человек и завод» (автор занимается бизнесом). Готовятся к изданию еще две книги: А. Н. Тагирджановой «Мусульмане в жизни и культуре Петербурга (XVIII – XIX век)»¹ и М. А. Печниковой «Медицинская топонимика Петербурга».

Названия этих книг, написанных рядовыми петербуржцами, до прихода в Университет Петербурга никак не связанных с гуманитарными науками, наглядно демонстрируют, какой вклад в гуманизацию общества может внести краеведческое образование. Это — четыре работы, доведенные до публикации, а за двадцать лет существования через Университет Петербурга прошло почти две тысячи петербуржцев разных возрастов, разных профессий, разных социальных групп; библиотека дипломных работ насчитывает около 500 томов на самые разные темы.

И то, что все эти годы Университет Петербурга существует, невзирая на кризисы в экономике, на голой самокупаемости, говорит о том, что его программа пользуется спросом у жителей города. Это подтверждает нашу мысль о востребованности обществом общего (непрофессионального) дополнительного образования, в котором краеведческое образование, в силу своей привлекательности для разных слоев населения, может и должно играть главенствующую роль.

¹ Книга, подготовленная в рамках РОО «Институт Петербурга», вышла в издательстве «Полторак» в 2013 г.

Воспоминания

В. И. Аксельрод
ПАМЯТИ ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ СЕРГЕЕВОЙ

Уход из жизни Ирины Михайловны Сергеевой — невосполнимая потеря не только для ее близких, но и для всех выпускников созданного ею Университета Петербурга и многих тех, кто преподавал в нем. Региональная общественная организация «Институт Петербурга» была учреждена в начале 1990-х гг. по инициативе Ирины Михайловны.

Трудно переоценить сделанное ею для развития краеведения и более широко — культуры Петербурга за последнюю четверть века. Именно Ирина Михайловна в начале тех непростых 90-х годов прошлого столетия смогла объединить многих инициативных людей для реализации проектов, казавшихся иным скептикам утопическими. Вспоминаю нашу первую встречу в Аничковом дворце с И. М. Сергеевой и Г. А. Богуславским, положившую начало Университету Петербурга. Задуманный сначала для подготовки учителей нового учебного курса «История и культура Петербурга», он перерос в учреждение непрерывного краеведческого образования для петербуржцев с 6 до 60 лет. Я и мои коллеги по Дворцу творчества юных, многие методисты и педагоги районных учреждений дополнительного образования детей, первые выпускники Университета Петербурга до сих пор вспоминают лекции, экскурсии и семинарские занятия, проходившие поначалу в стенах городского Дворца творчества юных, и то блестящее созвездие преподавателей, которых сумела привлечь к работе в Университете Ирина Михайловна.

Я благодарен ей за то, что она поддержала инициативу вслед за Взрослым создать Юношеский факультет Петербурга для старшеклассников, проявляющих углубленный интерес к истории города, помогла в его становлении и развитии. А затем ежегодно, в рамках открытых чтений Института Петербурга, давала возможность юным исследователям, слушателям Юношеского университета Петербурга, выступать ситогами своих краеведческих изысканий, публиковать лучшие работы по итогам городских историко-краеведческих чтений в сборниках Института.

Н. Е. Абакумова
«ИНСТИТУТ ПЕТЕРБУРГА»
ИЗМЕНИЛ МОЮ ЖИЗНЬ

Мы с мужем стали слушателями «Университета Петербурга» в первый же год его создания общественной организацией «Институт Петербурга». Интерес к истории города, который нами двигал, как-то традиционно поддерживался старшими поколениями обеих семей — и мужа, и моей. Мы собирали книги по истории города, делали вырезки из газет по этой теме — в общем, повторяли путь тысяч и тысяч ленинградцев того времени. И, конечно, узнав о появлении краеведческих курсов, мы решили не упустить возможность систематизировать и расширить свои знания.

Может быть, в первые годы существования «Университета» последовательность читавшихся предметов и дисциплин была в чем-то и несовершенна, зато каких людей мы услышали, на какие закрытые экскурсии попали! Нам читали А. Н. Кирпичников, В. Г. Лисовский, Ю. М. Пирютко, Л. И. Бройтман, И. И. Лисевич, В. В. Колесов, Е. В. Анисимов, Ю. Н. Беспятых, Н. В. Благово, В. И. Старцев, В. А. Коренцвит, Н. В. Юхнева. Мы побывали в реставрированном тогда Шереметевском доме, в башне Адмиралтейства, во дворце Бобринских, в Каменноостровском дворце, в доме Абамелек-Лазаревых. Издесь я упомянула только «вершину айсберга» — и лекторов, и экскурсий было существенно больше.

Лекции нашего ректора Г. А. Богуславского отмечу особо — они были блестящи (надеюсь, спустя двадцать лет, это не сочтут за лесть). Эта же двадцатилетняя перспектива позволяет оценить громадный объем организационной работы, проделанной Ириной Михайловной Сергеевой для того, чтобы концепция петербурговедения Г. А. Богуславского начала реализовываться. Ведь всех упомянутых лекторов надо было пригласить, а все экскурсии — организовать. И сейчас в стенах Университета не «деньги решают все», в отличие от окружающего мира, но тогда особенно многое зависело от умения объяснить свою позицию, деловой хватки, в немалой степени — от обаяния. Этими качествами Ирина Михайловна обладала вполне.

В какой мере полученные в Университете знания нам пригодятся, догадываться было тяжело. Кажется, мечталось опровержении экскурсий. Судьба, однако, распорядилась по-другому. Начались сокращения на предприятиях, задержки зарплаты. Многие стали искать возможность приработка или овладеть новыми специальностями. Муж, не оставляя основной работы, начал «халтурить» на «стройках капитализма», а я решила поменять профессию кардинально — и стала преподавателем предмета «История и культура Санкт-Петербурга», только что введенного в школах. Методику этого курса в Университете нам читала Л. К. Ермолаева и читала великолепно. Я стала ученицей Любовь Константиновны и последовательницей ее концепции.

Подводя итоги учительской деятельности, могу сказать, что в целом она удалась. Педагогический опыт мой длился четырнадцать лет, за это время с низшего восьмого разряда я достигла тринадцатого, получила высшую учительскую квалификацию. Мои ученики успешно выступали на нескольких олимпиадах, а методические разработки частью опубликованы, частью использовались Л. К. Ермолаевой при составлении учебных пособий.

Ирина Михайловна знала, что я меняла профессию, и, «продвигая» «Институт Петербурга», пригласила нас — нескольких переучившихся в учителей инженеров — на радиопередачу Марины Федоровой «Открытый мир». Было это в конце 90-х гг., мы должны были поделиться своим опытом преодоления житейских трудностей. Я очень волновалась, но, слава богу, это был не прямой эфир. Жанр беседы с вопросами и ответами привел меня в чувство; кажется, Ирина Михайловна осталась довольна нашими выступлениями.

Повыходе на пенсию вместо методических разработок меня «обуял» дух исследовательской работы, захотелось отдать долг своей малой родине — железнодорожному поселку Сортировка в Невском районе. И. М. Сергеева мгновенно поняла мои проблемы и помогла самым действенным образом — составив от имени «Института Петербурга» множество отношений во всевозможные архивы. Поэтому первой, кого в нашей с О. Мавриной книге мы благодарим, является именно Ирина Михайловна. Но уже при верстке ее фамилию пришлось помещать в траурную рамку...

Книжка наша «Под стук колес. 100-летняя история железнодорожного поселка Сортировка» писалась в модном сейчас жанре «философии обыденного». Часть собранных во время работы архивных сведений не совпала с этим форматом и не вошла в основной текст. Для настоящего сборника я предлагаю материал, связанный с появлением железнодорожных школ в начале XX в.

З. А. Рудая
И. М. СЕРГЕЕВА
КАК ЯВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С Ириной Михайловной впервые мы встретились на конференции «Петербургские судьбы», которую проводил отдел петербурговедения библиотеки им. В. В. Маяковского 14–15 дек. 2005 г. Зал был заполнен краеведческой общественностью: библиотекарями, сотрудниками музеев, архивов. Я тогда только начинала работу в Центре петербурговедения и мало кого знала в лицо, но неповторимый облик Ирины Михайловны запомнился сразу: смуглое лицо, седая красивая короткая стрижка и выразительные горящие темные глаза. Лицо отражало живой ум и искренний интерес к происходящему, к каждому выступлению, будь то И. Л. Тихонов — директор музея СПбГУ, Л. С. Георгиевская — руководитель ЦГАЛИ, представители Артиллерийского музея, БАН, других организаций.

Конференция продолжалась два дня, и, как водится, на второй день слушателей собралось меньше. Но Ирина Михайловна пришла и с прежним интересом внимательно слушала всех выступающих. Как всегда, многие докладчики забывали о времени, когда до них доходила очередь; поэтому возможности для обсуждения практически не осталось, но Ирина Михайловна попросила слова и своим звонким молодым голосом заговорила о том, как важно сотрудничество между петербурговедцами, рассеянными по многим организациям города. Установление прочных связей между ними, — утверждала она, — важнейшая задача отдела петербурговедения.

С самой первой встречи стало понятно, что Ирина Михайловна — наш друг, к ней можно обратиться за советом, за помощью, и она с открытой душой сделает все, что в ее силах. В отделе петербурговедения из пяти сотрудников трое — выпускники Университета Петербурга¹.

¹ Учреждение дополнительного образования при общественной организации «Институт Петербурга».

Полученное там образование гарантирует ясный кругозор в необъятной сфере петербурговедения, системные знания, владение широким кругом источников, исследовательские навыки, умение работать в архивах. И еще очень редкую по нынешним временам черту: совесть исследователя, уважение к документу, неприятие компиляции, скольжения по поверхности давно известного. Эти замечательные качества двух первых сотрудников Центра С. А. Волковой и Е. И. Шубиной были очевидны. Поэтому, когда надо было найти нового специалиста, лучшее, что можно было сделать — это обратиться к Ирине Михайловне с просьбой рекомендовать еще одну свою выпускницу. Рекомендация Ирины Михайловны была точна — в яблочко: С. С. Бушина в полной мере обладала всеми перечисленными качествами.

В 2008 г. мы выдвигали Ирину Михайловну на премию им. академика Д. С. Лихачева в номинации «Пропаганда историко-культурного наследия России». Тогда довелось больше узнать о ней. Она была человеком перестройки, которому атмосфера гласности и демократии позволила раскрыться, реализовать свой гражданский темперамент. Теперь стало принято негативно относиться к той эпохе, но не Ирина Михайловна и подобные ей чистые люди виноваты, что плодами освобождения воспользовались воры и бандиты. Тогда инженер по вычислительной технике И. М. Сергеева стала депутатом районного совета, создала в многострадальном городе, который с трудом отвыкал называть себя Ленинградом, общественную организацию «Институт Петербурга», чтобы помочь согражданам вернуть утраченные культурные ценности.

Институт был создан как общественная инициатива в 1991 г. С тех пор прошло 23 года, он по-прежнему существует: без государственной поддержки, без спонсоров, на самоокупаемости. Институт Петербурга является редким у нас примером успешного осуществления возможностей гражданского общества. В статье, посвященной 20-летию Института, Ирина Михайловна вспоминала: «Желание постигнуть все разнообразие петербургской уникальной культуры и привело нас к созданию общественной организации, поставившей своей целью изучение и распространение знаний о Петербурге. Мы — это представители петербургской интеллигенции: инженеры, учителя, библиотекари, врачи — рядовые жители Петербурга»¹.

¹ Сергеева И. М. Уникальное явление петербургской культуры // Фон-танка: культурно-исторический альманах. 2011. № 10. С. 69–77.

Д. С. Лихачев утверждал, что настоящая культура всегда личностна. Секрет жизнестойкости Института — свободная личность и ответственность Ирины Михайловны, которая полагалась на себя, на своих единомышленников, не ждала, пока ее кто-нибудь погладит по головке за полезную для города инициативу и станет поддерживать морально и материально.

После создания Петербургского союза краеведов (2008 г.) встречи с Ириной Михайловной, ставшей членом правления, стали регулярными. Правление собиралось раз в месяц в Центре петербурговедения, и Ирина Михайловна была самым дисциплинированным и ответственным человеком в его составе, практически никогда не пропускала собраний, слушала выступающих, не отмалчивалась, всегда высказывала свое мнение. Когда для выбора дипломантов Петербургского союза краеведов надо было познакомиться примерно с дюжиной юношеских работ, Ирина Михайловна, разумеется, и здесь была первой и самой ответственной среди всех членов жюри.

Наша последняя встреча состоялась 16 января 2013 г. в здании «Радио России — Санкт-Петербург» на набережной Карповки. У входа вахтер сказал мне подняться по лестнице, не объяснив, куда повернуть, но я легко сориентировалась, услышав звонкий голос Ирины Михайловны. Был прямой эфир, который вела журналистка Анна Всемирнова, — обсуждали воспитание жителей, взрослых и детей, Петербургом. Ирина Михайловна с присущей ей страстностью говорила о том, что СМИ затоплены «чернухой», о том, что в городе происходит много интересного, познавательного, но как горожанину узнать об этом, когда все каналы вещания переполнены наездами, пожарами, убийствами, как будто ничему другому в жизни уже не осталось места... Вышли из здания мы с ней вместе, прошли по заснеженной улице до трамвайной остановки, вместе доехали до метро. По пути она увлеченно рассказывала о программе предстоящих ежегодных чтений Института Петербурга, предлагала придти послушать. До меня доходили разговоры, что Ирина Михайловна плохо себя чувствует, но в тот вечер мне показалось, что она выздоравливает, такой спокойной, доброжелательной, энергичной и увлеченной она была... Всего через два месяца ее не стало.

Недавно моя коллега рассказала, как в начале 90-х гг. она познакомилась с Ириной Михайловной во время автобусной экскурсии фирмы «Эклектика» в Финляндию. Узнав, что попутчица работает в библиотеке, Ирина Михайловна заговорила о необходимости создания

Центра петербурговедения. Она тогда вынашивала эту идею, обращалась с предложениями к академику Д. С. Лихачеву, мэру А. А. Собчаку, к библиотечной общественности города. Тогда осуществить ее идею не удалось, но имя «Центр петербурговедения» (не краеведческий отдел) было впервые произнесено. Идеи, как известно, становятся материальной силой: двенадцать лет спустя Центр петербурговедения был создан при библиографическом отделе библиотеки имени В. В. Маяковского. Сегодня у Центра немало партнерских организаций, но среди них детище Ирины Михайловны — Институт Петербурга — является первым и главным.

Т. Г. Смирнова ВСПОМИНАЯ ДРУГА, СОРАТНИКА, НАСТАВНИКА...

Первая встреча с Ириной Михайловной Сергеевой... Уже сложились традиции, каждый год Ирина Михайловна участвовала в составе жюри на ежегодных городских историко-краеведческих чтениях школьников Санкт-Петербурга, активно работала в составе методической комиссии и оргкомитета чтений. Маленькая, с короткой стрижкой, очень живая, необычайно внимательная, вдумчивая, даже немного колючая, когда дело касалось принципиальных вопросов. Сразу запомнились организованность, обязательность, справедливость, компетентность этого замечательного человека.

И вот, наконец, долгожданное событие! В 2011 г. на смену городским краеведческим чтениям пришла первая олимпиада по краеведению школьников Санкт-Петербурга. Первые результаты, отклики, впечатления, мнения. Все непросто. Олимпиада для разных возрастных групп, привлечение огромного количества педагогических, методических, краеведческих сил города, новые положения, правила, условия, режим организации и проведения. Участие более 200 знатоков города, возможность не только продемонстрировать исследовательские умения и навыки, но и знание объектов и пространства города, его музеев и экспонатов, умение слаженно работать в команде, не стесняться здесь и сейчас показать свои творческие способности и эрудицию, успешно решить все задания тестов по истории и культуре Санкт-Петербурга. 68 победителей и призеров! Второе и третье место на Всероссийской олимпиаде в Москве, все победные первые места на Всероссийских краеведческих чтениях, две премии Президента РФ на Всероссийском конкурсе исследовательских работ учащихся!

Закономерный результат многолетней плодотворной творческой работы сектора исторического краеведения и школьного музееведения Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных под

руководством Эльвиры Ильиничны Архиповой, огромного педагогического труда ученого, краеведа, незаменимого декана Юношеского университета Петербурга Владимира Ильича Аксельрода, всего коллектива сектора, наших коллег с кафедры культурологического образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного образования и, конечно, большой вклад наших друзей и партнеров. И, прежде всего, бессменного руководителя Региональной общественной организации «Институт Петербурга» И. М. Сергеевой.

В 2011/12 учебном году мне посчастливилось несколько раз встретиться с Ириной Михайловной. Одна из таких встреч была спланирована заранее. Это был ноябрь 2011 года. В Детской библиотеке истории и культуры Петербурга на ул. Марата был назначен городской семинар для методистов по краеведению и школьному музееведению учреждений дополнительного образования детей Санкт-Петербурга. По окончании семинара выступила И. М. Сергеева. Вспоминается теплая, дружеская, сердечная атмосфера в Белом зале библиотеки. Мои коллеги, а некоторые из них были первыми выпускниками Института Петербурга, с большим вниманием слушали Ирину Михайловну, вспоминали былое, говорили о будущем организации, о проблемах в краеведении, о нашем любимом городе, о перспективах исторической краеведческой науки.

Затем, в апреле, была напряженная работа на олимпиаде по краеведению, консультации и обмен мнениями по ее итогам и перспективам на будущее. Но особенно как-то запомнилась наша совместная работа по выходу в свет первого методического пособия по олимпиаде для методистов, педагогов, руководителей исследовательскими работами учащихся¹. Это был напряженный, конструктивный, творческий процесс в течение целого летнего месяца. Приходилось вычитывать, поправлять, спорить, доказывать, размышлять. Но какое это было удовольствие вместе работать! За это время мы очень сблизились, стали лучше понимать друг друга. Впоследствии часто общались, советовались, строили планы на будущее.

¹ Региональная олимпиада по краеведению школьников Санкт-Петербурга: рекомендации для методистов, педагогов-краеведов, учителей истории и культуры Санкт-Петербурга, научных руководителей исследовательских работ учащихся / Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных, авт.-сост.: И. Г. Васильева, Л. К. Ермолаева, С. Д. Мангутова, Т. Г. Смирнова. Н. Г. Шейко. СПб., 2012.

Эта большая работа не осталась незамеченной. В 2013 г. по приказу Министерства образования и науки РФ был проведен X Всероссийский конкурс методических материалов и изданий туристско-краеведческой направленности. Авторский коллектив методического пособия «Региональная олимпиада по краеведению школьников Санкт-Петербурга», рецензентом которого была И. М. Сергеева, стал победителем (первое место). Сейчас материалы этого издания опубликованы на сайте Федерального Центра детско-юношеского туризма и краеведения и доступны всем краеведам страны.

Нам есть чем гордиться! Я благодарна судьбе, что в моей жизни и профессиональной деятельности был такой наставник и удивительный человек — Сергеева Ирина Михайловна.

Е. П. Стальмак

ГЛАВНАЯ МИССИЯ — ОБУЧАТЬ!

Какие слова приходят на ум, когда думаешь об Ирине Михайловне Сергеевой? Требовательность, принципиальность, профессионализм. Судьбе было угодно свести нас в жюри Городских краеведческих чтений школьников Санкт-Петербурга. На протяжении многих лет Ирина Михайловна председательствовала в нашей секции «Многоликий Петербург» и все эти годы удивляла меня чрезвычайно серьезным отношением к делу. Работая в жюри, она видела свою миссию не только и не столько в оценке ученической работы, сколько в обучении тех ребят, которые волею случая оказались на нашей секции. Не было такой работы, для которой Ирина Михайловна не нашла бы ценных рекомендаций: как совершенствовать работу, в каком направлении развивать тему, как сделать исследование глубже и интереснее. Читая детские работы, Ирина Михайловна не ленилась проверить первоисточники, просмотреть литературу по теме в библиотеке, проконсультироваться с коллегами-специалистами. Я написала «не ленилась» и подумала о том, что лень — это вообще не об Ирине Михайловне. Она не пропускала ни одной работы, не оставляла ни одного вопроса без ответа, она все делала качественно и честно, за что бы ни бралась...

В детских работах Ирина Михайловна особенно ценила самостоятельность, необычность, попытку проанализировать исторический источник, прийти к своему собственному, пусть маленькому, но открытию. Такие работы всегда встречали ее самую искреннюю и горячую поддержку. Благодаря этим ценным и профессиональным советам ребята развивали тему, представляя каждый год все новые и новые открытия.

Многие ее боялись. Не только дети, но и научные руководители, ведь часто им при разборе работы доставалось больше, чем их ученикам. Ирину Михайловну часто упрекали в излишней принципиальности,

бескомпромиссности, давили на то, что перед ней — дети, вызвали к жалости, требовали скидок на то, что работы и доклады — ученические, но никто не смог бы упрекнуть Сергееву в несправедливой критике или предвзятом отношении к выступающим. Ее нельзя было уговорить, подкупить, упрямить, в оценке она всегда была независима. И, пожалуй, благодаря этой независимости и высочайшему профессионализму Ирине Михайловне действительно порой удавалось дать по-настоящему уникальный совет и справедливую оценку.

В апреле 2013 г. мы впервые за много лет работали в жюри без Ирины Михайловны. Она не дожила до чтений (а ныне — региональной олимпиады по краеведению) каких-то трех недель... Мы постараемся сохранить в жюри нашей секции лучшие традиции, привнесенные Ириной Михайловной. Мы будем справедливыми и принципиальными, и мы сделаем все, чтобы дети, работавшие на нашей секции, почувствовали, что такое настоящее исследование. А Ирине Михайловне — светлая память.

А. Н. Тагирджанова МЕНЯ ВЫПУСТИЛИ, КАК ДЖИНА ИЗ БУТЫЛКИ...

В феврале 2013 г. Ленинградский областной институт развития образования (бывший Ленинградский областной институт усовершенствования учителей) известил меня информационным письмом, что 11–12 апреля 2013 г. состоится XVI научно-практическая конференция «Личность. Общество. Образование». Я проигнорировала это приглашение, а в конце марта, после напоминания с просьбой подтвердить или отказаться от участия в работе конференции, позвонила в организационный комитет и сказала, что только что ушел из жизни человек (*личность*), который очень много дал нашему *обществу* именно в области *образования*. Я была обязана рассказать о председателе совета Региональной общественной организации «Институт Петербурга» Ирине Михайловне Сергеевой, и мне дали возможность выступить на одном из секционных заседаний. В течение десяти минут я говорила об Ирине Михайловне и ее детище — «Университете Петербурга». До и после выступления думала: «Почему так получается, что деятельность человека мы можем по-настоящему оценить только после его кончины?» Конечно, в жизни каждого бывают юбилеи и события, когда можно услышать слова благодарности. Понятно, Ирина Михайловна не была обделена вниманием, но от осознания этого не становилось легче.

Я хорошо помню тот солнечный теплый сентябрьский день 2002 г., когда приостановилась около большого уличного стенда с афишами. Мое внимание привлекла одна из них, но прочитать ее внимательно я не могла — мы с дочкой торопились в музыкальную школу. Проводив дочь, я вернулась к стенду, чтобы изучить объявление о приеме слушателей в «Университет Петербурга», и вспомнила, что несколько лет назад нечто подобное уже видела в уменьшенном виде в вагоне метро. Тогда я попыталась даже запомнить указанный номер телефона, т. к. первые три цифры совпадали с нашим домашним номером. Хотя было ясно, что

семья, главным образом, дети требуют моего ежечасного внимания и ничем другим заниматься я все равно не смогу. Теперь, записав номер телефона, я пришла домой.

В квартире было тихо. Старенькая свекровь чем-то занималась в своей комнате. Муж работал за письменным столом; чтобы нас прокормить, он освоил новые специальности переводчика и редактора. Сначала переводил и редактировал научные статьи своих коллег-физиков с русского языка на английский, а потом стал работать со статьями по химии, биологии и энтомологии. Я имела возможность заниматься хозяйством и наслаждаться материнством. Но из лаконичного текста, приглашавшего на лекции по петербурговедению, я поняла, что это мое и всегда моим было. Не знаю, как другим, а мне было сложно тратить деньги на себя. О домохозяйках часто говорят: «мужу в руку смотрит». В моем варианте это соответствует действительности. Промучилась сутки: сказать — не сказать, попросить — не попросить, смогу — не смогу. Я начала разговор и была приятно удивлена реакцией моего мужа Мухаммеда Абдурахмановича. Он сказал, что на днях слышал по радио выступление директора именно этих курсов и добавил: «Давай попробуем, надо же себя подстраховывать, мало ли что».

Помню, как позвонила по указанному телефону и почувствовала по голосу и дыханию ответившей мне женщины, что за минуту до этого она тоже была занята чем-то по хозяйству. Признаюсь, удивило, что организация использует чей-то домашний телефон. Я не знала тогда, что зовут эту женщину Ирина Михайловна Сергеева и что она станет человеком, круто изменившим мою жизнь.

С большим волнением через пару недель я шла на собрание и первую вводную лекцию. Меня беспокоило, с одной стороны, как муж со свекровью справятся без меня с детьми, а с другой — я в общей сложности более десяти лет «просидела» дома и это был своеобразный выход в свет. Лекция Густава Александровича Богуславского решила все. Теперь мне предстояло два раза в неделю спешить на лекции из дома и сломя голову бежать после занятий домой; сожалеть о том, что не могу попасть на все экскурсии в выходные дни; мучиться угрызениями совести, когда приходилось оставаться дома рядом с заболевшими детьми. «Может быть, надо было повременить, а я поторопилась и вот не доглядела за ними», — думала я ночами, хотя знала, что обратного хода нет и его не будет, потому что я этого не хочу.

История была любимым предметом в школе, а еще меня всегда интересовала история нашего города, его улиц, набережных, домов.

Я любила гулять по городу, ходить в музеи, с интересом читала в газете «Смена» заметки журналиста и краеведа Эд. Аренина. Собственные знания были достаточно поверхностными, поэтому я готова была поклониться в ноги тем людям, которые способствовали введению в школах уроков по краеведению, и по-хорошему завидовала сыну, что он изучает этот предмет. В отличие от сына, я теперь имела возможность слушать лекции лучших профессоров и специалистов разных областей, так или иначе связанных с историей Петербурга. Лекции для взрослой аудитории отличаются от лекций для студентов. Мы получали глубокие знания, а еще меня поражала интеллигентная, сдержанная рабочая обстановка маленького женского коллектива, возглавляемого Ириной Михайловной.

Занятия на первом курсе буквально пролетели, а второй курс начался с семинарского занятия. Это было единственное занятие, которое провела сама Ирина Михайловна. Речь шла о предстоящих дипломных работах, на столе лежал пока не включенный диктофон. Она предложила выступить каждому и сказать несколько слов о себе и своих планах. Я имела возможность почти два часа слушать тех, с кем давно привычно здоровалась, но не знала даже по именам. Потом рассказала о себе и честно призналась, что над темой дипломной работы еще не думала, но скорее всего она будет связана с историей нашей семьи. Дело в том, что в Петербурге обосновался мой прадед, который работал на химическом заводе.

Ирина Михайловна подвела итог и, вдруг обратившись ко мне, сказала: «А у меня для вас предложение. В прошлом году у нас была замечательная работа “Поляки в Петербурге”. Давайте продолжим традицию, напишите о татарах». Можно сказать, что с этой фразы началась моя исследовательская работа в архивах. Истории своего народа я практически не знала и стала заниматься ее изучением по первоисточникам. Теперь на занятия я приходила, как правило, прямо из архива. Меня буквально распирало он новых знаний и находок. Я убедилась, что Густав Александрович Богуславский был прав, когда порекомендовал мне определиться со временем, добавив: «Материала столько, что вы утонете». В какой-то момент Ирина Михайловна почувствовала, что процесс сбора материалов у меня затягивается, и порекомендовала, поставив точку, начать писать диплом. Она же удачно подкорректировала название темы: «О чем поведали архивы. Несколько фрагментов темы “Татары в Петербурге”». Моя работа получила высокую оценку, а через несколько месяцев состоялось выступление на

Двенадцатых открытых слушаниях «Института Петербурга». Потом была радость первой публикации, когда в журнале «История Петербурга» (1/2005) была напечатана статья «Татарское подворье — идея, реализованная столетие спустя». В ее основе лежала первая часть дипломной работы.

Ирине Михайловне я обязана и знакомством с доктором исторических наук Тамарой Михайловной Смирновой, руководителем научного центра «Петрополь», специалистом по проблемам многонационального и поликонфессионального Петербурга. Своими советами и консультациями Тамара Михайловна не в малой степени способствовала моей дальнейшей работе и публикациям.

Я вошла во вкус, буквально вылетела, как джин из бутылки, пропадала в архивах, стала много писать и публиковаться, подготовила несколько экскурсионных маршрутов. По мере углубления в тему, она несколько видоизменилась, я стала писать о мусульманах в Петербурге, о национальной интеллигенции.

Наши деловые контакты с Ириной Михайловной не прекращались. Я не только ежегодно обращалась за отношениями, без которых не могла работать в архивах и с редкими изданиями Публичной библиотеки (РНБ), но и советовалась, делилась сомнениями, а она приглашала принять участие в конференциях, умела дать хороший совет, мудро развеять сомнения, порадоваться очередной публикации. Я очень благодарна судьбе за то, что она подарила мне встречу с Ириной Михайловной.

Т. В. Шельганова
МГНОВЕНЬЯ ВСТРЕЧ
ДЛИНОЮ В ПАМЯТЬ ЖИЗНИ

Что остается? Голос, жест.
Дела и мысли, направление взгляда.
Круг жизни.

Ирину Михайловну я увидела впервые осенью 1992 года. Огромный круглый зал церкви «Всех скорбящих Радость» на Шпалерной улице был переполнен... Негде было сесть. Начались занятия на вновь набранном 1-м курсе «Университета Петербурга». Я так хотела учиться тут, но вот опоздала — все абонементы, оказалось, проданы. Мне посоветовали прийти через месяц — если кто-то откажется. Через месяц действительно места появились, и я стала посещать лекции.

Невозможно было не запомнить невысокую женщину, энергичную с очень молодым звонким голосом, которая руководила всем происходящим. Она представляла лекторов, объясняла правила обучения, радовалась вновь пришедшим, громко объявляла новости Университета... Плохо уже помнится, что и как было в тот далекий 92-й год. Вижу только огромный белый многоколонный зал с красными линиями скамеек и в этом круге — ее.

Круг людей, любящих город, свое дело, русскую культуру... Ирина Михайловна стала центром этого круга. И, может быть, не случайно, что начало Института Петербурга там — в стенах круглого храма.

В один из вечеров, посвященных театральной культуре Петербурга, встретила Антона Сергеева. Радостные расспросы, какими судьбами здесь очутился (из серии «Не мир тесен, а круг тонок»), и выяснилось, что Антон, собственно, сын Ирины Михайловны. С Антоном мы были знакомы уже несколько лет — учились в одной школе, знаменитой в свое время 27-й литературной. Антон был помладше. Я — третьекурсница литфака пединститута — ездила с их 10-м классом на практику

в Пушкинские Горы. Эти чудесные две недели работы в Заповеднике очень сплачивают людей, оставляя навсегда какой-то теплый след в жизни. Я и сейчас вижу Антона таким вот десятиклассником, поющим вместе с другими ребятами песни БГ под гитару.

Потом, спустя пару лет, я рассказала Ирине Михайловне про нашу школьную общность с ее сыном. Это как-то очень сблизило нас. Ирина Михайловна знала многих учителей и ребят — друзей Антона. И эти воспоминания были приятны. Ирина Михайловна стала еще и человеком моего личного круга — круга друзей школьной юности, которым я очень дорожила.

Так получилось, что на первом курсе Университета Петербурга я училась дважды. Вторая попытка по-настоящему пройти курс стала более удачной — после трех лет сиденья дома с детьми так хотелось учиться! Два года учебы в Университете помню очень явственно. Курс уже был не такой огромный — всего 50 человек. Занимались мы в помещении Юношеской Филармонии на Думской улице. Снова светлый красивый зал и красные ряды кресел. Каждый раз, поднявшись на последний этаж, входила в предбанник лекционного зала, зная, что услышу радостный голос Ирины Михайловны. Она радовалась нам как родным людям. Она рассказывала о новых книгах, которые всегда ждали нас, так, что невозможно было пройти мимо. Она так представляла новые экскурсии, что немислимо было не пойти на них... И дело не в каких-то ее агитационных возможностях, а в том, что Ирина Михайловна была сама искренне увлечена всем, о чем она говорила. Иногда было даже непонятно, как человек может столько лет жить в восхищении и заражать этим восхищением других.

Мне нравилось, что задуманный Ириной Михайловной учебный процесс был демократичным, качественным и настоящим. Она умела подбирать людей, она умела держать планку. Я сейчас даже не могу понять, как ей удавалось инициировать взрослых, загруженных работой и всякими делами людей, многие из которых просто пришли послушать интересные лекции, втягиваться в работу так, что мало кто заканчивал курс без написанного диплома. А если не получалось защититься вовремя, защищали диплом на следующий год. Как серьезно трудились над дипломами, как вдумчиво работали с нами наши кураторы! Как весело, ярко, творчески и трогательно проходил выпускной вечер каждого курса!

Я знаю, что очень много выпускников Университета, созданного Ириной Михайловной, несут огонь интереса и любви к Петербургу

другим людям, и, прежде всего, детям вот уже много лет. Я сама очень дорожу предметом «История Санкт-Петербурга» и делаю все возможное, чтобы доказать ученикам и их родителям, администрации школы, в которой работаю, что история города не менее важный курс, чем литература, русский язык и другие дисциплины. Так хочется, чтобы круг людей, который создавала и укрепляла Ирина Михайловна, не иссякал, а все время расширялся.

Мы часто встречались с Ириной Михайловной в театре на каких-нибудь интересных фестивальных показах. Было приятно вот так выхватить ее взглядом из публики, случайно увидеться, поговорить. Навсегда будет ассоциироваться у меня с Ириной Михайловной спектакль Театра Сатиры на Васильевском «Русское варенье» по пьесе Улицкой. Как-то, возвращаясь вместе с Ириной Михайловной с лекции по литературному краеведению, которую я читала раз в год на втором курсе Университета Петербурга, мы разговорились о театральных делах. Как сейчас слышу ее слова сквозь гул метро: «Такой интересный спектакль, играют его редко, и Антон хвалил... Сходи обязательно!»

Как-то так повелось, что после защиты диплома я раз в год читала свою лекцию. Не знаю, как так получилось, что мне выпала эта честь — с легкой руки Ирины Михайловны... Материал диплома показался интересным, своеобразным... Это уже происходило в библиотеке на улице Марата. В какой степени усталости после работы ни пришла бы я сюда, веселый взгляд Ирины Михайловны, подбадривающие слова. А потом в представлении меня слушателям столько гордости за меня, ее выпускницу... Это было так приятно и так нужно. Ведь нам всегда не хватает добрых простых слов и поддержки. Не представляю, как я начну когда-нибудь свою лекцию без вступительных слов Ирины Михайловны.

Я не смогла присутствовать на похоронах... А потом мне приснилось, что этих похорон и не было. Мы разговаривали с Ириной Михайловной, задорно звучал ее голос... Как оказалось, это было накануне ее дня рождения.

Может быть, прав поэт, написавший:

... На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все на берегу морском...

(Арс. Тарковский «Жизнь, жизнь»)

А. И. Чепель
«Я НИКОГДА В ЖИЗНИ
НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛА ДЛЯ ГАЛОЧКИ»¹

Придя в октябре 2003 г. на открытое занятие в Университет Петербурга, располагавшийся тогда в здании Городской Думы на Невском проспекте, я не предполагал, что эта встреча существенно изменит мою жизнь. Там я узнал, что в далеком 1991 году на берегах Невы была создана региональная общественная организация «Институт Петербурга» и ее важнейший образовательный проект — «Университет Петербурга», выпустивший уже не одну сотню обладающих глубокими всесторонними знаниями пропагандистов культуры нашего города. Со времени основания руководителем и душой предприятия была председатель совета РОО «Институт Петербурга» Ирина Михайловна Сергеева.

Ирина Михайловна обладала даром создавать вокруг себя атмосферу удивительной душевной теплоты, искренности. Она умела дружить — и практически с первых минут общения с нею слушатель, пришедший в Университет Петербурга, становился ее другом. В этом не было никакой наигранности — сердце Ирины Михайловны всегда было открыто людям, она была способна разглядеть в человеке его самые лучшие качества и ненавязчиво, но в то же время настойчиво, направляла каждого слушателя к совершенствованию, «разжигала» его интерес к Петербургу. Так, почти незаметно для себя, каждый из нас, учеников, становился членом постоянно растущей сплоченной «команды», нацеленной на всестороннее изучение петербургского феномена.

В деле просвещения все новых и новых адептов Университета на помощь Ирине Михайловне приходила подобранная во многом ее

¹ Второй, дополненный вариант воспоминаний, опубликованных в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (2013. 29 марта. № 58) под названием «Она никогда не прекращала учиться...».

усилиями когорты преподавателей, каждый из которых непременно должен был быть — и от этого принципа Ирина Михайловна не отступала — блестящим знатоком в своей области, самым лучшим и самым увлеченным своей темой. Такой подход безошибочно работал на результат: ученики под руководством мастеров своего дела писали выпускные работы высокого уровня — и это притом, что большинство слушателей по роду своей основной деятельности были далеки от истории города. Многие выпускники Университета Петербурга кардинально меняли свою жизнь, став вдохновенными экскурсоводами, прекрасными преподавателями, скрупулезными исследователями. А если и нет — они уже другими глазами видят Петербург, понимают и знают родной город.

Взяв на себя львиную долю организаторской работы, Ирина Михайловна не ограничивалась ролью руководителя. Она никогда не прекращала учиться — учиться наравне со слушателями. Ей все было интересно. «Жажда знаний» — это о ней. Выкраивала время — и тихонько устраивалась в последних рядах, увлеченно слушала лектора. Ирина Михайловна с юношеским задором вслед за экскурсоводом устремлялась как по мраморным лестницам невских дворцов, так и по дворовым рывтинам Петербурга Достоевского.

Как «Университет Петербурга» смог преодолеть все перипетии последних десятилетий, миновать все мины и рифы сурового океана российской действительности и остаться на плаву? Думаю, что не ошибусь, если скажу — дело в сильном и честном капитане. Ирина Михайловна как-то сказала мне простые вроде бы слова: «Я никогда в жизни ничего не делала для галочки». Вот и настоящий флотоводец не пытается пускать пыль в глаза, а с неослабевающим усердием заботится о жизни корабля, экипажа и пассажиров. «Болезнь за дело» — это тоже о ней, об Ирине Михайловне. На долгом пути случалось всякое, но самые сложные задачи были ей по плечу, и выход из, казалось бы, тупика всегда бывал найден. Только для следования заданным курсом зачастую приходилось жертвовать частичкой самой себя...

Все, кто знал Ирину Михайловну, были уверены, что, несмотря ни на что, ее хватит надолго. Казалось, эта хрупкая женщина, наделенная редкой силой и негибаемой волей, каждый раз будет встречать тебя у дверей лекционного зала — всегда с улыбкой, всегда с добрым словом, всегда с открытой душой. Очень горько, что судьба распорядилась иначе. Осталось ее детище — единственный в своем роде Университет Петербурга, который продолжает согреть своим теплом всех, кто нуждается в этом.

Институт Петербурга.

***Исследовательские
статьи выпускников***

Н. Е. Абакумова
ПРОБЛЕМЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ
ШКОЛ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Наступивший XX век Россия встретила без единой системы начального школьного образования. Начальные училища открывались не только министерством народного просвещения, но и другими государственными структурами, а также местным самоуправлением — земствами. Судя по архивным данным, в 1904 г. приступило к созданию своих учебных заведений и министерство путей сообщения, в том числе и на Николаевской железной дороге. Их появление должно было решить, прежде всего, социальную проблему: школ министерства народного просвещения не хватало для того, чтобы все дети железнодорожников, включая живших на линейных станциях дороги, могли получить начальное образование.

В РГИА хранятся документы комиссий МПС, оценивающие первые итоги существования школ железнодорожного ведомства — с 1904 по 1913 г. Отчеты ряда комиссий и министерские указания, связанные этой тематикой, дали материал для настоящей работы¹.

Какие же основные проблемы обозначили проверяющие?

Первой по важности следует упомянуть озабоченность состоянием семьи, в которой ребенок воспитывается. Отмечалось, что распространяющееся среди рабочих пьянство, в том числе среди женщин, приводит к тому, что «женщина не держит семью»; в употреблении спиртных напитков были замечены даже некоторые учащиеся. Тема эта не стала проходной, она воплотилась, в конечном итоге, в приказ министра путей сообщения, в котором борьба с пьянством возлагалась именно на учебный отдел, «так как эта борьба должна начинаться со

¹ РГИА. Ф. 238. Оп. 2. Дд. 53 (1902–1907), 127 (1907–1909), 141 (1908–1909); Ф. 273. Оп. 2. Д. 764 (1914).

школы»¹. Рекомендовалось устраивать игры, катки, чтобы дети дольше оставались в школах, а не в пьющей семье, делали уроки под присмотром дежурного учителя. «Воспретить детям посещение стационарных буфетов и платформ, которые являются их любимым местом для прогулок и на которых они ничего хорошего для себя не приобретают. <...> Так как большинство заведений для общественных развлечений не считается с тем, что позволительно и непозволительно смотреть детям, и продают билеты всем спрашивающим, то воспретить учащимся посещение клубов, маскарадов, кинематографов без особого разрешения заведующих училищами, а посещение портерных, трактиров и т. п. заведений — воспретить совершенно»².

Отметим в скобках, что начальные училища, о которых мы рассказываем, были двухклассными, с четырехгодичным курсом обучения. Слово класс обозначало разновозрастную группу учащихся: основой его формирования был не возраст, а уровень «незнания». В первый класс начального училища могли поступать дети от 7 до 13 лет, и поэтому можно предположить, что портерные посещали не семилетки.

Следующая проблема, выделенная в результате проверок, затрагивала предметную сетку обучения. Было предложено увеличить число часов, отведенных на ручной труд и физические упражнения учащихся.

В школах, «где применяются занятия гимнастикой и физические игры на открытом воздухе и где организовано занятие ручным трудом — наружный вид детей гораздо бодрее и учатся они с большей охотой и успехом». Отметим, что занятия ручным трудом начинались с работы с картоном, продолжались работами по дереву, среди создаваемых на уроках изделий много кухонной утвари.

При сравнении положения дел в железнодорожных училищах Прибалтики и европейской России предпочтение отдавалось Прибалтике, где было распространено интернатное пребывание детей. В России многие дети, будучи связаны с расписанием поездов на линии, вынуждены были вставать в 4-5 часов утра и возвращаться домой к 8-9-ти вечера. Предлагалось «принять возможные меры к организации снабжения таких детей чаем или горячей пищей»³.

¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 2. Д. 764. Доклад ревизора образовательных учреждений В. В. Скрыдлова. 1914.

² Там же.

³ Там же. Ф. 238. Оп. 2. Д. 127. О физическом развитии и питании учеников железнодорожных училищ. 1907–1909.

Школьные программы не были строго закреплены, ведомственность школы допускала вариативность курсов. Так, ревизор образовательных учреждений МПС В. В. Скрыдлов предлагал сократить в преподавании Закона Божьего изучение Ветхого завета, «из истории же Церкви <...> ограничиваться историей распространения христианства на Руси, обращая главнейшее внимание учащихся и создавая им наиболее яркие образы Святителей и печальников земли Русской»¹. В другом месте доклада В. В. Скрыдлова предлагалось подумать об организации на железной дороге детских садов для детей с 4-5-ти лет. Отметим, что для начала XX в. идея детских садов была весьма и весьма новаторской. От себя замечу, что сообщения и отчеты В. В. Скрыдлова не только стилистически безупречны, но и, как сказали бы сейчас, четко социально ориентированы. Их пронизывает именно забота о подрастающем поколении, о судьбах ребятешек.

Жалование учителей начальных училищ, в своем основном составе — женщин, было небольшим, но отнюдь не на грани бедности. Так, из трех учительниц училища на Фарфоровском посту (открыто в 1906 г.) одна получала тридцать рублей в месяц, две — по сорок рублей. Чтобы оценить размер жалованья, приведу цены на некоторые продукты (цены 1912 г.): хлеб ржаной — 2 копейки, говядина 1-го сорта — 17 копеек, сахарный песок — 18 копеек. Цены даны за фунт (0,409 кг).

История железнодорожных начальных училищ в России была короткой — чуть более 10 лет, поэтому она не сохранила для нас громких имен *методистов* образования, как например, С. Рачинского и Н. Столпянского — в жизни сельской народной школы. Но хочется упомянуть людей, чья профессиональная деятельность *начиналась* в железнодорожных школах. Так, в железнодорожном училище в Бологом в 1904–1906 гг. руководил хором А. Александров, будущий автор музыки песни «Священная война» и нашего гимна. А один из величайших российских педагогов А. Макаренко начал свой учительский путь именно в железнодорожном училище под Полтавой в 1914–1916 гг.

¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 2. Д. 764. Доклад ревизора образовательных учреждений В. В. Скрыдлова. 1914.

Н. Н. Гольцов СЧАСТЛИВАЯ УЛИЦА

Есть в Кировском районе Петербурга короткая улица с необычным названием — Счастливая. Тихая улица в Дачном обрела это название в январе 1964 г. Она представляет собой широкую аллею, ведущую от бульвара Новаторов к линии Балтийской железной дороги. До 1964 г. это был рабочий «проезд к автобусной станции»: на пересечении с проспектом Народного Ополчения расположилась тогда конечная станция нового автобусного маршрута № 73¹. Улица эта настолько широка, что над ней предполагалось провести эстакаду пресловутого «надземного экспресса» перед пересечением путей Балтийской железной дороги.

Наверное, «Счастливой» улицу делает открытая в 1960-х гг. женская консультация № 20. В 1999 г. на углу пр. Народного Ополчения было выстроено современное здание, в котором разместилась часть этой консультации.

Название улицы не новое — тем же решением исполкома Ленгорсовета от 16 января 1964 г., которым рабочему проезду было присвоено это наименование, была упразднена существовавшая в Петергофском пригородном участке с начала 1900-х гг. Счастливая улица.

Об этой «первой» Счастливой улице, ровеснице XX в., и пойдет речь.

К концу XIX в. окраины столицы превратились в промышленные зоны. Окрестности старинной Петергофской дороги не были исключением. Здесь с начала XIX в. располагался казенный металлургический и механический завод, в 1868 г. выкупленный предпринимателем Н. И. Путиловым и вскоре ставший крупнейшим промышленным предприятием столицы.

¹ Ленинград. 1964 : Краткая адресно-справочная книга. Л., 1964. Маршрут автобуса № 73: пр. Стачек — пр. Героев.

Путиловскому заводу и другим промышленным предприятиям и ремесленным заведениям требовались рабочие руки. Скуденность населения вблизи от предприятий за Нарвской заставой была напрямую связана с ограниченным развитием пассажирского сообщения на петербургских окраинах. От Нарвских ворот до Путиловского завода быстрее можно было добраться пешком, чем по конно-железной дороге, да и проезд стоил 6 копеек.

Приезжавшие на заработки крестьяне ютились возле «своих» заводов и фабрик. Жилья постоянно не хватало, и цены на него были высокими.

Владельцы дач вдоль Петергофской дороги с конца XIX в. начали разбивать свои «недвижимые имения» на мелкие участки, прокладывая новые улицы и переулки, строили деревянные бараки и сдавали внаем примитивное жильё «без удобств». Так на грани веков возникло большинство улиц, отходящих от Петергофского шоссе.

Вновь проложенные улицы и переулки, вдоль которых строились доходные дома, именовали обычно сами землевладельцы, используя в основном родовые фамилии или дорогие им имена (достаточно назвать Григоровскую и Ушаковскую улицы, ныне это соответственно улицы Гладкова и Зои Космодемьянской).

Названия улиц и других городских объектов всегда были показателем своего времени, географических особенностей и образа жизни местных обывателей. Переименования, особенно в советское время, исказили народные, привычные слуху и обычно точные «беспартийные» названия.

Почти все улицы за Нарвской заставой в советское время были переименованы, не изменилось лишь наименование проложенной на даче Овсянниковых в конце 1890-х гг. Новоовсянниковской улицы (в створе сохранившего название аполитичного Огородного переулка), другая же улица в имении Овсянниковых так и осталась Новопроложенной до своего исчезновения.

Одна из улиц за Нарвской заставой получила необычное наименование — Счастливая. Она была проложена параллельно теперешней Краснопутиловской улице от проспекта Стачек через сквер с памятником до середины следующего квартала. Дача, на которой она появилась, сменила нескольких владельцев.

Загородные земельные участки вдоль Петергофской дороги между речками Таракановкой и Красной начал раздавать император Петр III. Находившаяся по левую сторону Петергофской дороги на 8-й версте от

города «дача», как называли с петровских времен до XX в. жалованные имения, в 1762 г. была пожалована генерал-полицмейстеру Петербурга И. И. Юшкову, вскоре продавшему ее кн. М. А. Гагарину. В конце XVIII – начале XIX вв. владельцами были купец Изерман и его наследники, затем купец Александрин¹.

С 1830-х гг. эта «Загородная дача» на Петергофской дороге принадлежала штаб-лекарю, «статскому советнику и кавалеру, правителю канцелярии Главного медицинского управления Морского министерства» Григорию Яковлевичу Гуслистому, затем его сыновьям и внукам.

В 1900 г. очередным владельцем «имения под названием “Загородная дача”, под № 98-м», клином выходящего на Петергофскую дорогу, стал И. Я. Вейнрауб². Имение площадью 10 десятин 950 кв. саженей и «ценою по купчей крепости — 110.000 руб.», как указано в оценочной ведомости, он приобрел для спекулятивной распродажи мелкими участками³. С этой же целью в начале 1900-х гг. он стал владельцем и совладельцем еще нескольких загородных дач по Петергофскому шоссе⁴.

План дачи Вейнрауба по Петергофскому шоссе, № 98 был утвержден 13 марта 1901 г. А в июле 1903 г. эту дачу, оцененную в 82500 руб., приобрел статский советник Григорий Иванович Росовский как «залогодержатель этого имущества»⁵. Росовский отметил, что в 1901 г. «г-н Вейнрауб часть этой дачи разделил на участки с положением новой улицы, назвав ее Счастливою».

¹ См.: Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. СПб., 2002. С. 97.

² Исаак Яковлевич Вейнрауб в одних документах указан как «киевский I-й гильдии купеческий сын», в других — «окончивший Харьковский университет», т. е. он вообще не имел чина. (ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 2263. Л. 1, 5. Далее название этого архива не указывается.). «Весь Петербург на 1901 г.» сообщил: «Вейнрауб, Исаак Як., пом. прис. пов. Кирочная, 30–4».

³ Ф. 224. Оп. 3. Д. 2263. Л. 5. (Впрочем, Вейнрауб был не первым владельцем, продававшим здесь имения участками: еще в 1899 г. свою дачу «на 8-й версте под № 83» по Петергофскому шоссе (напротив имения Гуслистых) начала распродавать по участкам дочь потомственного почетного гражданина С. А. Москвина, проложив переулоч шириной 6 саж., под названием Москвин (Ф. 256. Оп. 26. Д. 153. Л. 1).

⁴ Ф. 224. Оп. 1. Д. 3303. Л. 1; Там же. Д. 3296; Ф. 256. Оп. 26. Д. 59; Ф. 513. Оп. 169. Д. 228, 379-а.

⁵ Ф. 256. Оп. 29. Д. 12. Л. 3 об. Ниже цитируются Л. 2, 2 об.; 9, 9 об.; 1, 1 об.; Л. 9.

«Проселочная дорога, проходящая мимо владения ст. сов. Г.И.Росовского, проложена по земле крестьян Вологодско-Ямской слободы, для сокращения пути от деревни на Петергофское шоссе (взамен более дальнего пути по Краснокабацкой дороге), имеет ширину от 2,5-3,5 саж. и является дорогой общественного пользования. Длина этой дороги более одной версты, а потому ширина ее д.б. не менее 10 саж., для чего необходимо сделать соответствующую прирезку из участка г.Росовского по всей длине упомянутой дороги», — сообщила уездная управа.

Новый землевладелец Росовский продолжил распродажу по участкам, но они раскупались неохотно, несмотря на рассрочку платежа. К 1908 г. было продано всего 5 участков «мерю земли» от 168 до 462 кв. сажени. Поэтому в конце 1908 г. Росовский представил новый план «с показанием добавочного раздела части земли, находящейся между Счастливою ул. и существующею проселочною дорогою, идущей с Петергофского шоссе в слободу Вологодскую Ямскую, причем одни участки должны выходить на Счастливую улицу, другие же на проселочную дорогу». Предприниматель согласился на расширение последней до 10 сажени и добавил, что обязуется «линию построек <...> определить в 2,5 сажени расстояния от края проселочной дороги». Он находчиво объяснил, что добавочный раздел был сделан «в целях желая нуждающихся в приобретении земельных участков и не располагающих большими средствами на покупку крупноземельных участков». Территория имения была разбита теперь на 34 участка. 15 апреля 1909 г. новый план был утвержден.

Хотя «проселочная дорога» на плане 1877 г. названа Царскосельской улицей, даже в 1896 г. на рукописном плане Петергофского участка пристав участка не указал такой улицы — она по-прежнему была полевой дорогой¹.

В начале XX в. рядом со Счастливой улицей, между Царскосельским переулком и Царскосельской улицей, «на обресе шоссе» соседнего участка по Петергофскому шоссе под № 96, была сооружена небольшая деревянная часовня. Землю под ее постройку в 1890-х гг. пожертвовало Общество крестьян Вологодско-Ямской слободы, выделив клочок общественной земли. С тех пор Царскосельская ул., начинаясь от участка № 96 по Петергофскому шоссе, открывалась по левой стороне

¹Ф. 224. Оп. 3. Д. 2440. Л. 1.

под № 2–96 шатровой часовней подворья Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря. Деревянная часовня преподобной Евфросинии Полоцкой (стоявшая возле нынешнего дома № 74 по Комсомольской пл.) оживила занятую огородами местность на повороте шоссе.

В сентябре 1909 г. личный почетный гражданин Семен Михайлович Михайлов представил проект перестройки часовни, согласованный с Духовной консисторией, но губернская земская управа ответила, что не может разрешить перестройку часовни на прежнем месте. «В случае перестройки часовня должна быть отодвинута, как то требуется законом, на расстояние 5 саж. от внешнего ребра боковой шоссеиной канавы...»¹. Сооружение новой часовни было отложено, а на монастырском подворье был построен лишь деревянный двухэтажный дом, в котором, по воспоминанию современника, «монашки занимались шитьем одеял». Часовню заложили в конце 1911 г. и возвели по другому проекту. После перестройки в 1918 г. она была преобразована в храм, просуществовавший до 1935 г. Надо отметить, что возле этого исторического места в конце 2007 г. в доме на пр. Стачек, № 74 была открыта домовая церковь преподобной Евфросинии Полоцкой при Кировском районном обществе инвалидов².

В 1905 г. Счастливая улица даже попала в «Дневник приключений» газеты «Петербургский листок»: «10-го декабря, вечером, рабочий Путиловского завода Александр Тимофеев, 19 л., находился в гостях у своего товарища, тоже рабочего этого завода, Николая Спиридонова, 18 л., в д. № 4 по Счастливой улице (Пет. уч.). Товарищи сидели вдвоем в отдельной комнате, Спиридонов, шутя, прицелился из револьвера в Тимофеева и нечаянно произвел выстрел. Пуля попала в лоб Тимофееву и вышла из затылка. Раненого отправили в Путиловскую больницу, где он на другой день в 5 час. утра умер»³. Трудно поверить, но в конце 1905 г. 18-летний юноша-путиловец жил за Нарвской заставой в отдельной комнате и зарабатывал столько, что мог купить приглянувшийся ему револьвер.

¹Ф. 256. Оп. 29. Д. 128. Л. 6; Весь Петроград на 1915 год. Пг., 1915. С. 482.

²Питкянен Л. Г. Записная книжка № 1. С. 10. (Архив семьи Питкянен); Святыни Санкт-Петербурга: Энци. христианских храмов / Авт.-сост. Антонов В. В., Кобак А. В. 3 изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 370.

³[Б. а.] Нечаянное убийство // Петерб. листок. 1905. 13 дек. С. 4.

Жизнь другого жителя улицы сложилась иначе. В 1904 г., 4 октября, на Счастливой улице («Счастливенькой», как он ее называл), в семье путиловского слесаря, в которой было 9 детей, родился Дмитрий Андреевич Кокряков. Этому известному хулигану со Счастливой было суждено стать выдающимся конструктором морских торпед. В годы гражданской войны семья была вынуждена уехать из голодного Петрограда. Окончив институт лишь в 1934 г., Дмитрий Андреевич был направлен на завод «Двигатель», в конце 1930-х стал главным конструктором завода и одним из авторов парогазовой торпеды 53-39, за которую в 1943 г. ему и другим разработчикам была присуждена Сталинская премия. В 1948 г. он был назначен главным инженером филиала «торпедного» НИИ-400 в Ораниенбауме. В 1964 г. за создание самой скоростной в мире перекисно-водородной торпеды 53-65 директор и главный конструктор ораниенбаумского филиала НИИ-400 М. П. Максимов и Д. А. Кокряков были удостоены Ленинской премии¹.

В 1905 г. на Счастливой улице появился дом «Общества собственников жилищ...», о котором вспоминал инженер Л. Г. Питкянен, мальчиком бывавший в одной из его квартир у крестного отца, мастера Пушечной мастерской: «Семья жила на Счастливой улице, на втором этаже хорошего деревянного дома, одного из лучших за Нарвской заставой <...>. Светлая, чистая, хорошо обставленная, но без модных претензий, трехкомнатная квартира крестного и тети Шуры была для нас, детей, одним из любимых мест посещения<...>. Впечатление усиливали городской водопровод и чистейший ватерклозет <...>. Уже при входе в подъезд дома блеск и чистота коридора и лестницы на второй этаж внушали уважение.

Сама Счастливая улица тоже запомнилась. С левой стороны стояли четыре богатых деревянных двухэтажных дома. Первый дом красивого лилового цвета имел все окна со сплошными зеркальными стеклами. В третьем доме № 6 жил крестный с тетей Шурой. С правой стороны было всего три дома. Далее Счастливая улица уходила в огороды, вдали угадывалась Вологодско-Ямская слобода².

¹ Калинин Ю. Тандем: Секретный дед // Нева. 2005. № 7. С. 243, 245.

² Ф. 256. Оп. 29. Д. 12. Л. 1, 4: «по акту, утвержденному 30 июля 1904 г., участок № 6 и часть смежного участка № 8 мерою всего 462 кв. саж. перешли к «Обществу собственников жилищ в С.-Петербурге»»; Питкянен Л. Г. Родные места, родные люди / Публ. Н. Н. Гольцова // Невский архив: Ист.-краеведч. сб. СПб., 2013. Вып. X. С. 39–40.

Не миновали Счастливую улицу и предреволюционные события: ранней весной 1917 г. «поздно вечером большевики, вернувшись с демонстрации, собрались в доме на Счастливой улице — обычном месте собраний районного комитета. Надо было установить единый план действий. Первым вопросом у всех было: как снять с работы три тысячи солдат, оставшихся еще в мастерских завода? Кто-то предложил взорвать электростанцию, вывести из строя турбины...»¹.

В 1919 г., в дни осеннего наступления войск генерала Н. Н. Юденича на Петроград, юная улица в прямом смысле погибла в огне гражданской войны. 11 октября Юденич «прорвал линию фронта и стал быстро продвигаться вперед. По плану обороны необходимо было разобрать дома, которые мешали путиловским артиллеристам вести огонь по врагу из дзота на нынешней Комсомольской площади. Для этого решили снести дома на Счастливой улице, расположенной недалеко от завода. На ней стояло около десятка деревянных двухэтажных домов. Член штаба обороны Петрограда Петерс распорядился здания сжечь <...> День и ночь над Нарвской заставой полыхало зарево. На месте Счастливой улицы дымились груды обгоревших бревен. Женщины со слезами на глазах грузили свои пожитки на телеги и тачки. Штаб обороны распорядился переселить их в опустевшие квартиры богачей на Фонтанке, Садовой, Миллионной»².

«Когда в октябре 1919 г. сожгли Счастливую улицу, сожгли и два дома <...> на Петергофском шоссе. Хозяйка булочной, хромая, с финской фамилией; я помню этот зеленый двухэтажный дом на Петергофском шоссе, по левой стороне», — вспоминал Л. Г. Питкянен³.

Бывший комсомолец Никитин припомнил, как летом 1919 г. «был брошен клич организовать ряд рот исключительно молодежных. Областной комитет нам дал задание в 200 человек <...>. У нас было организовано 350 товарищей. Был брошен клич создать самокатные роты молодежи. Комиссаром отряда был наш молодой парень Канкин. В эту самокатную роту мы отдали наилучшую молодежь.

¹ Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. 1801–1917. М., 1961. С. 548–549.

² Костюченко С., Хренов И., Федоров Ю. История Кировского завода. 1917–1945. М., 1966. С. 103–105.

³ Питкянен Л. Г. Записная книжка № 1. С. 10. (Архив семьи Питкянен).

Когда были организованы эти отряды, масса комсомольцев оставалась на предприятиях. Этим комсомольцев быстро организовали на ряд работ. Комсомол верфи участвовал в разломе и поджоге Счастливой улицы. На участке, где аллейки идут, были расставлены орудия, сделаны бойницы, с тем, чтобы можно было задержать врага, направлявшегося из Лигова. Часть молодежи ушла на подкрепление рабочих, которые бросали <...> заводы и уходили на линию огня в Пулково <...>. Остальные комсомольцы, которые оставались в тылу, насыпали песком мешки, делали козлы, перекрывали их проволочными заграждениями, разносили, ставили их на улицах, чтобы строить баррикады, так, чтобы улица все время шла зигзагами, а не прямо, помогали раскапывать огороды. Что могли, увезли на продовольствие, часть оставили. Дома были подожжены. Они стояли на виду, служить могли как бы целью. Поэтому был привезен ряд бочек с керосином, и дома загорелись. На горячих камнях этих домов строили окопы»¹.

После гражданской войны некоторые дома на Счастливой улице пытались восстановить. «Откомхоз! Обрати внимание на огромное недостроенное двухэтажное деревянное здание, что за Нарвской заставой, по Счастливой улице. С крыши срывается толь. Леса расхищаются на дрова. Плачет забытое здание, а мимо проходящие спрашивают: “Где же хозяин?”» — обращается в 1925 г. корреспондент «Красной газеты» к городским хозяйственным органам².

В 1927 г. городской кооператив «Нарвский металлист» (второй по мощности после кооператива «Металлострой» на Васильевском острове) решил построить на Счастливой улице новые дома. «“Нарвский металлист” восстанавливает дом на Ушаковской улице, на 12 квартир, и дом на Обводном канале, на 23 квартиры. Кроме того, получив после долгих мытарств участок свободной земли на б. Счастливой улице, кооператив приступает к постройке четырех деревянных домов по 12 квартир в каждом», — сообщила «Ленинградская правда»³.

Архитектурно-планировочный отдел Ленсовета с середины 1930-х гг. разрабатывал генеральный проект планировки Ленинграда. Работами в Кировском районе занимались архитекторы М. П. Лохманов и М. М. Долгрина, сообщившие, что «предстоит разработать детальный

¹Четыре поколения (Нарвская застава). Л., 1933. С. 462.

²Рабкор А. Шонбелов. Плачет дом // Красная газета. 1925. 2 июля. С. 6.

³[Б. п.] Сами строим // Ленингр. правда. 1927. 6 июля. С. 4.

план планировки основной площади Автово»¹. Осенью 1939 г. газеты подытожили: «С 1936 г. идет строительство жилгорода в Автове. Уже заселено 13 корпусов»². Несколько зданий было возведено на трассе бывшей Счастливой улицы, которой на плане города 1939 г. уже нет³.

Застройка кварталов Автова продолжилась, но осенью 1941 г. к несчастливой Счастливой улице вновь приблизилась линия фронта.

В сентябре в жилых корпусах 1-го микрорайона Автово разместились штабы 101-го армейского гаубичного и 47-го корпусного артиллерийских полков тяжелой артиллерии. Штаб 47-го полка находился в д. № 3, к. 1, кв. 1 по ул. Зенитчиков, напротив бывшей Счастливой улицы. Огневые позиции полков были разбросаны от Окружной железной дороги до Красенького кладбища. Позиции 47-го пушечного артполка размещались также в порту и на Вольном, Резвом и Гладком островах.

Бывший начальник штаба 47-го полка В. П. Гордеев вспоминал: «В марте 1942 г. полк был преобразован в 14-й гвардейский, а спустя некоторое время на огромном пустыре — против нынешнего дома № 3 по улице Зенитчиков — ему было вручено гвардейское знамя. Командир полка подполковник Н. П. Витте от имени всего личного состава части дал клятву сражаться по-гвардейски, бить врага до полной победы». 3 мая 1942 г. вместе с 47-м артиллерийским полком на плацу перед штабом гвардейское знамя из рук члена Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецова получил и 101-й армейский гаубичный, получив звание гвардейского 12-го артиллерийского полка⁴.

В апреле 1942 г. командующим группой войск Ленинградского фронта был назначен артиллерист генерал-лейтенант Л. А. Говоров, перед которым Верховный Главнокомандующий поставил задачу «не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией немцев; превратить Ленинград в абсолютно неприступную крепость; накопить

¹ Архитектура Ленинграда. 1937. № 3 (5). Декабрь. С. 67.

² Нарвская застава — Кировский район: Цифры и факты // Ленингр. правда. 1939. 29 сент. С. 3.

³ Счастливая улица появляется в последний раз в адресной и справочной книге «Весь Ленинград» на 1935 год. (Л., 1935. С. 585).

⁴ Гордеев В. П. Чтоб город защитить... // Огневой меч Ленинграда. Л., 1977. С. 133–134; Буров В. А. Блокада день за днем. Л., 1979. С. 182.

силы внутри блокады для будущих наступательных операций»¹. Из различных полков и групп был создан единый артиллерийский корпус контрбатарейной борьбы, и к осени интенсивность обстрелов уменьшилась в несколько раз.

9 августа 1942 г. «в белоколонном зале Филармонии впервые исполнялась Седьмая симфония Шостаковича. Но прежде чем взмахнул палочкой дирижер, заговорил артиллерийский оркестр Ленинградского фронта. Артиллеристы получили приказ — навязать немцам дуэль, взять огонь на себя. Пушки и гаубицы у Автова вели огонь, пока не отзвучал последний аккорд симфонии в филармоническом зале. В тот вечер ни один немецкий снаряд не упал на улицы Ленинграда»².

После победы Счастливую улицу не застраивали. Построенные перед войной на проспекте Стачек и улицах Якубениса (ранее Царскосельской, ныне Краснопутиловской) и Зайцева монументальные здания трех кварталов нового Автова, пострадавшие от обстрелов (в них размещались воинские подразделения и их штабы), были постепенно восстановлены рабочими, которым предстояло жить в них, и военнопленными.

В 1954 г. Счастливая улица промелькнула на театральном небосклоне. 18 марта в театре им. Ленинского Комсомола состоялась премьера нового спектакля «На улице Счастливой», поставленного к XII съезду ВЛКСМ. «Пьеса ленинградского драматурга Ю. Принцева рассказывает о молодежи, возвращенной Великим Октябрем. Спектакль поставил засл. деятель искусств Грузинской ССР и засл. артист Узбекской ССР, лауреат Сталинской премии Г. Товстоногов», — объявила о премьере газета «Ленинградская правда»³.

Площадь с рабочим названием «Круглая», спроектированная до войны, начала застраиваться по новому проекту в 1955 г. с дома № 59. В 1958 г. в честь 40-летия комсомола площадь назвали Комсомольской, в ее центре поставили закладной камень памятника первым комсомольцам. К 1960 г. по проекту арх. В. А. Каменского и С. Г. Майофиса на площади было завершено сооружение трех громадных зданий, оформивших парадный въезд в новое Автово.

¹Руководители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 516.

²Молотков Г. Дома ведут огонь... // Строит. рабочий. 1966. 26 янв. С. 1.

³[Б. п.] «На улице Счастливой» // Ленингр. правда. 1954. 18 марта. С. 4.

16 января 1964 г. Счастливую улицу упразднили, а в секторе, ограниченном новой площадью, проспектом Стачек, улицами Краснопутиловской и Зенитчиков (с бывшей Счастливой улицей в центре), к 1967 г. был разбит сквер. В канун 50-летнего юбилея Ленинского комсомола, 27 октября 1968 г., в центре сквера (а не в центре Комсомольской площади, как было задумано ранее), у трассы сожженной Счастливой улицы, был торжественно открыт памятник «Героическому комсомолу»¹. У подножия памятника была замурована капсула с письмом в будущее, обращенное к комсомольцам 2018 года — года 100-летия Ленинского комсомола. Оно начиналось словами: «Вспомните нас на столетнем празднике вечной и свободной молодости Земли, мы к нему тоже причастны. Вспомните! — без памяти нет грядущего».

«Без памяти нет грядущего», — повторим и мы.

¹ Авторы проекта — скульпторы В. И. Гордон и В. Г. Тимошенко, художник О. И. Кузнецов, архитекторы В. Б. Фабрицкий и И. П. Шмелев.

Н. М. Манизер
«ПЕРВАЯ КРАСАВИЦА ПЕРВОГО ВЫПУСКА
ПЕРВОГО ЖЕНСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА»
Вера Николаевна Осипова (1875–1954)

Вера Николаевна Осипова родилась шестого июля 1875 г. в Тифлисе в семье фельдшера аптечного магазина Вукола Ефремовича Сухова и его жены Марии Степановны (урожденной Алексеенко)¹.

Отец Вукола Ефремовича, Ефрем Никитич Сухов, был крестьянином Рязанской губернии. В возрасте 21 года он попал на военную службу на Кавказ, где участвовал в блокаде и штурме ставки имама Шамиля (1859). В 1856 г. у Ефрема Никитича и его жены Акилины Филипповны родился сын Вукол. Так как после военной службы здоровье Ефрема Никитича оказалось расстроеным, он остался на Кавказе.

Родители Марии Степановны, Степан Ефимович² и Аграфена Лаврентьевна Алексеенко, рано умерли, оставив дочь сиротой. В 1873 г., когда Марии было 15 лет, друзья выдали ее замуж за Вукола Сухова, а в 17 лет у нее родилась дочь Вера (Вера Вуколовна Сухова). Кроме Веры, в семье было еще три сына и три дочери, и Вера с ранних лет следила за поведением и учебой младших братьев и сестер. Вместе супруги Суховы счастливо прожили 62 года.

Расставшись с работой аптекаря, Вукол Ефремович в 1879 г. поступил канцелярским служащим в Управление государственными

¹ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 8611. Л. 2. Документы о смене отцом Веры Николаевны имени, а детьми отчества не сохранились.

²С. Е. Алексеенко также служил на Кавказе.

имуществами, лесами, делами сельского хозяйства и промышленности при Главном управлении Наместника Кавказского, а в 1884 г. был допущен к исправлению должности Казначей Совета Закавказского Девичьего института. В 1898 г. он ушел из института и поступил в интендантство, был переведен на Дальний Восток, в Порт-Артур. После окончания войны с Японией служил в Иркутске в Окружном интендантском управлении начальником отдела. Так как его очень ценили на всех этапах службы, то в 1912 г. он был произведен в действительные статские советники. Мария Степановна занималась домашним хозяйством. С 1917 г. родители Веры Николаевны жили вместе с ее семьей на Боткинской улице в доме № 9 (в настоящее время д. № 17). Мария Степановна умерла в 1936 г., Вукол Ефремович — в 1941 г. во время блокады Ленинграда.

В 1891 г. Вера окончила Тифлисское женское учебное заведение св. Нины (имевшее права семилетней женской гимназии) с присуждением ей «в награду за отличные успехи и поведение вместо медали золотого креста»¹. Восьмой дополнительный класс 1-й Тифлисской великой княгини Ольги Федоровны женской гимназии Вера окончила в следующем 1892 г. и была удостоена звания домашней наставницы, что позволило ей преподавать в воскресных школах и тем самым помогать родителям². Зимой она давала вечерние уроки, а летом, как правило, уезжала репетитором с какой-нибудь грузинской семьей за город. Позднее Вера стала преподавать в воскресных школах. Она интересовалась естественными науками и мечтала о высшем образовании, что в то время для женщины можно было осуществить только за рубежом. На учебу за границей средств не было.

В 1895 г. Вера приехала в Петербург. Поселилась на Большом проспекте Петроградской стороны в доме № 33³ и поступила на Бестужевские курсы, где занималась психологией у профессора

¹ Аттестат об окончании Тифлисского женского учебного заведения св. Нины от 5 июня 1891 года № 23. (Семейный архив. Далее документы из этого архива указываются без дополнительных указаний на место их нахождения).

² Аттестат об окончании VIII дополнительного класса 1-й Тифлисской великой княгини Ольги Федоровны женской гимназии от 6 июня 1892 года № 791.

³ Адрес установлен по письму.

А. И. Введенского¹, что ее, однако, не удовлетворяло. От Вячеслава Авксентьевича Манассеина, видного русского терапевта и общественного деятеля, она узнала, что скоро в Петербурге откроется женский медицинский институт, в который можно будет поступить. И тогда не придется ехать за границу.

Вера поступила в открывшийся в 1897 г. Женский медицинский институт, который окончила в 1902 г., получив звание лекаря с отличием². Одновременно она сдала также экзамены на степень доктора медицины (Л. 3). Вера Николаевна оказалась в составе первого выпуска института. Надо сказать, что она была одной из самых молодых студенток и выпускниц, так как многие девушки не один год ждали возможности получить высшее образование. Вера была очень хороша собой с черными волнистыми волосами и синими, как южное небо, глазами. Сокурсницы называли ее первой красавицей первого выпуска Первого женского медицинского института. В сентябре 1947 г. в связи с 50-летием Первого Ленинградского медицинского института имени академика И. П. Павлова (так стал называться Женский медицинский институт) Вера Николаевна была приглашена на Юбилейную научную сессию института. Еще во время учебы Вера Николаевна начала заниматься в клинике нервных и душевных болезней, в лаборатории медицинской и экспериментальной психологии под руководством Владимира Михайловича Бехтерева³.

¹ Введенский Александр Иванович (1856–1925) — русский философ и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства. В 1890 г. возглавил кафедру философии в Санкт-Петербургском университете. «Введенский преподавал на Высших женских курсах (к зданию которых примыкал дом, в котором он жил) с 1889 по 1918 г. с перерывом в 1907–1908 учебном году и во втором семестре 1910–1911 учебного года». (Малинов А. В. А. А. Введенский в студенческом фольклоре : Электрон. ресурс. URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Veche%20%E2%84%9617-18.pdf>)

² ПФА РАН. Ф. 952. Фонд Осипова Виктора Петровича (1871–1947). Оп. 1. Ед. хр. 12. Биографические материалы проф., д. мед. наук Осиповой Веры Николаевны Осиповой, жены В. П. Осипова. Л. 1. Далее указания на листы этого дела — в тексте).

³ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — выдающийся русский медик-психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик. В 1907 г. основал в Санкт-Петербурге психоневрологический институт, ныне носящий имя Бехтерева. Подробнее см.: Чудиновских А. Г. В. М. Бехтерев: Жизнеописание. Киров, 2000.

Тогда же ею была выполнена первая научная работа о влиянии настроения на качество и скорость ассоциаций (Л. 2).

В 1902 г. Вера Николаевна вышла замуж за ассистента профессора В. М. Бехтерева в Женском медицинском институте Виктора Петровича Осипова. Брак был очень счастливым. В этом же году в Петербурге, на Каменноостровском проспекте, в доме № 62, где они жили, родилась дочь Веруся, в 1904 г. — Лена, в 1905 г. — Нина и в 1907 г. — Женя. Вера Николаевна рассказывала своим дочерям, что только через четыре года после свадьбы она увидела, что кроме Виктора Петровича есть и другие люди. Как и Виктор Петрович, Вера Николаевна активно занималась воспитанием детей и заботилась при этом не столько об их «манерах», сколько о том, чтобы у них были «хорошие сердца» и чтобы они «не ходили манекенами»¹. Хотя дети отнимали много времени, Вера Николаевна продолжала работу. С 1902 по 1906 г. она была сверхштатным ординатором в клинике профессора В. М. Бехтерева при кафедре нервных и душевных болезней Военно-медицинской академии. С переездом семьи в Казань, где Виктор Петрович в 1906 г. стал профессором психиатрии Казанского университета, Вера Николаевна начала работать там же, в психофизиологической лаборатории при кафедре психиатрии, одновременно занимая место школьного врача при казанской 4-й женской гимназии².

В Казани Вера Николаевна была связана со многими общественными организациями. Так она стала членом Семейно-педагогического кружка, который был создан для проведения культурных семейно-педагогических мероприятий. Вера Николаевна читала доклады, помогала в организации детских вечеров, содействовала материальному обеспечению кружка³, а через год ее выбрали Товарищем председателя кружка.

В феврале 1907 г. В. Н. Осипову предложили в действительные члены Казанского общества невропатологов и психиатров⁴. В этом же году Вера Николаевна основала «Общество женщин-врачей» (Л. 4).

¹ Письмо В. Н. Осиповой В. П. Осипову из Петербурга в Казань от 18 мая 1907 г.

² Уведомление Казанского учебного округа от 12 декабря 1906 года № 114.

³ Прощальный адрес членов Казанского семейно-педагогического кружка.

⁴ См.: Невролог. вестник. 1907. Т. 14, вып. 2. С. 268.

Когда появилась мысль о необходимости создания в Казани «Общества борьбы с детской смертностью», она приняла в его учреждении самое деятельное участие и в первые же годы, 14 февраля 1910 г., была избрана в почетные члены¹. В течение ряда лет Вера Николаевна выполняла обязанности Товарища председателя². Последним начинанием общества, осуществленным также с ее помощью, была организация помощи бедным детям тех, кого призвали на войну.

Вера Николаевна не была лечащим врачом, но никогда не отказывала в помощи, что часто бывало в летний период, когда врачей поблизости не было. Делала это она с чувством большой ответственности, особенно если заболевание было серьезным, — постоянно навещала больного, оставаясь около него даже до утра, пока не добивалась выздоровления. В 1914 г. Вера Николаевна защитила диссертацию на ученую степень доктора медицины³.

Когда в 1915 г. Виктор Петрович был назначен профессором на кафедру душевных болезней Военно-медицинской академии, семья возвратилась в Петроград. Вера Николаевна заняла место школьного врача в двух гимназиях, позднее ставших политехническими школами, и продолжила научную работу (Л. 1). После Октябрьского переворота она работала врачом-психологом для трудных детей в Центральном распределительном пункте и помощницей заведующей лабораторией психологии детства в одном из старейших музеев России — Центральном педагогическом музее⁴. Центральный распределительный пункт помещался в Европейской гостинице. Работы было много, иногда приходилось оставаться там ночевать.

В 1920 г. Бехтерев пригласил Веру Николаевну в организованный им два года назад Институт по изучению мозга — сначала лаборантом по разделу умственной гигиены, затем заведующей лабораторией

¹Извещение об избрании В. Н. Осиповой 14 февраля 1910 года в почетные члены Казанского общества борьбы с детской смертностью.

²Прощальный адрес членов Казанского общества борьбы с детской смертностью от 20 апреля 1915 года.

³Влияние нервно-психического тона (настроения) на скорость зрительных впечатлений. Экспериментальное исследование. Казань: Типо-литография Император. Казан. ун-та, 1914.

⁴ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 750. Л. 32, 166, 201.

психологии детства¹. В Институте мозга она была утверждена действительным членом Института и профессором по разделу педологии. Руководство института не раз отмечало организаторские способности Веры Николаевны, умение пробуждать в молодых сотрудниках интерес к научным исследованиям. Эта же способность позволила ей в течение ряда лет успешно осуществлять руководство Аспирантской комиссией института в качестве ее председателя. Одновременно Веру Николаевну пригласили заведовать Психотехническим кабинетом 7-го пункта охраны здоровья детей и подростков в Выборгском районе города. В течение двух лет она вела также диспансеризацию ребят для учета детей-эпилептиков в детском нервном отделении Патологорефлексологического института.

Вера Николаевна Осипова проработала в Институте мозга более 25 лет. Ею были созданы лаборатория по изучению психологии детства, отдел общей психологии и особая лаборатория по изучению зрительного восприятия². Она вела большую работу по педологии слепого ребенка, что нашло свое отражение в составленном ею сборнике статей, в докладах на конференциях по слепоте и в Наркомате по социальному обеспечению. Всероссийское общество слепых избрало Веру Николаевну своим почетным членом (Л. 1). В дальнейшем эта работа была продолжена учениками. В соответствии с оценкой ее печатных трудов в 1933 г. Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР присудил В. Н. Осиповой звание действительного члена.

В 1936 г. ей была присуждена ученая степень доктора педагогических наук за работы по экспериментальной психологии без защиты диссертации³. Таким образом, Вера Николаевна была и

¹См.: Ананьев Б. Г. О жизни и научной деятельности профессора доктора В. Н. Осиповой // Тр. Ин-та по изучению мозга им. В. М. Бехтерева. 1947. Т. 15. Вопр. эксперим. исследований психофизиологии и клиники чувствительности. С. 6–7.

Лаборатория психологии детства была позднее переименована в лабораторию возрастных форм поведения и затем стала сектором педологии и психологии (Л. 1).

²Ананьев Б. Г. О жизни и научной деятельности профессора доктора В. Н. Осиповой. С. 7.

³Копия Диплома доктора наук ДТ № 002869 от 5 марта 1936 года. Решением квалификационной комиссии НКПроса РСФСР от 15 января 1936 (протокол № 1/30) Осиповой В. Н. присуждена Ученая степень Доктора педагогических наук.

доктором медицинских, и доктором педагогических наук. В 1940 г. она была утверждена в ученном звании профессора психологии¹. Где бы ни работала Вера Николаевна, она постоянно приглашалась для чтения лекций по психологии. Так было на педологическом факультете Минского педагогического института и в Институте гигиены в Киеве (Л. 4)². Руководство Высшего Белорусского Педагогического института выразило ей благодарность в письменном виде, а Киевский институт избрал ее первым почетным членом Педологического общества. Во время Советско-финской войны 1939–1940 гг., по предложению Союза высшей школы, она была председателем комиссии по проведению докладов и лекций в госпиталях города Ленинграда (Л. 3). В годы Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 г., будучи эвакуирована в Самарканд, работала в клинике.

Участница международных врачебных съездов в Будапеште (1908) и Лондоне (1911), Вера Николаевна была также одним из организаторов Всероссийского съезда по семейному воспитанию, а после Октябрьского переворота — психоневрологических съездов и Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (Л. 5)³.

В 1942 г. она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», в 1945 г. за выдающиеся научные заслуги — орденом Трудового Красного Знамени и в 1946 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (Л. 6 об.).

С 1944 г. Вера Николаевна заведовала отделом психологии Института мозга, а после его преобразования в 1948 г. в Институт физиологии центральной нервной системы АМН СССР занимала должность старшего научного сотрудника в лаборатории сравнительной патологии до 17 сентября 1949 г., когда вынуждена была оставить работу из-за тяжелой болезни.

Умерла Вера Николаевна Осипова 27 января 1954 г. и похоронена рядом с Виктором Петровичем на академической площадке Богословского кладбища в Санкт-Петербурге.

¹ Выписка из протокола № 30 от 21 сентября 1940 года Высшей Аттестационной комиссии Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР: § 34. Об утверждении Осиповой Веры Николаевны в ученном звании профессора по специальности «психология».

² Также: Осипова Е. В. Мои воспоминания. Л., 1974. С. 63. Машинопись.

³ Также: Ананьев Б. Г. О жизни и научной деятельности профессора доктора В. Н. Осиповой. С. 8.

А. А. Москвина **КРАСНАЯ ГОРКА И ИНО —** **СЛАВА И БОЛЬ БАЛТИКИ**

Остров Котлин, на котором располагается город Кронштадт, согласно заключенному в 1323 г. Ореховскому договору, служил границей между Новгородом (а позже и Россией) и Швецией. После Столбовского договора, заключенного 9 марта 1617 г., он почти на сто лет отошел к шведам и снова стал территорией России уже в XVIII столетии, когда Петр Великий в 1703 г., после ухода шведских кораблей на зимовку в незамерзающие гавани, распорядился возводить на Котлине первые укрепления.

Город начинался с фортов — это была самая настоящая крепость. Первый форт был построен уже к 1704 г. на искусственно насыпанном острове, на отмели, проходящей от материка на север и оканчивающейся возле Котлина. Петр I лично исследовал отмель у южного берега Котлина в октябре 1703 г. и собственноручно изготовил модель форта, переданную А. Д. Меншикову с распоряжением «к маю 1704 года фортеции быть!» И в том же 1704 г. форт был построен. 7(18) мая крепость была освящена и получила название Кроншлот («коронный замок»). Архитектором стал Доменико Трезини. Этот день принято считать днем основания города Кронштадт. Известна знаменитая инструкция Петра I: «Содержать сию цитадель с Божиюю помощью аще случится хотя до последнего человека». Расположение форта и города оказалось более чем удачным — за всю историю существования мимо них не прошел ни один неприятельский корабль! Работы на форту Кроншлот продолжались до 1724 г., когда он приобрел форму вытянутого пятиугольника бастионного начертания в 120 орудий. В последующие годы шло активное строительство фортов на острове и на берегу, благодаря чему был создан надежный заслон. Уникален тот факт, что все форты были сооружены на искусственных насыпных островах.

В 1723 г. 7(18) октября состоялась торжественная закладка на острове Котлин крепости, призванной, по указанию Петра I, «заключать

в себя весь город и все портовые сооружения, и служить делу обороны со всех сторон». Крепость и город получили название «Кронштадт» — «город-крепость». С 1720-х г. Кронштадт стал главной военно-морской базой Балтийского флота. Крепость, окружающая Кронштадт с моря и суши, была завершена постройкой в 1747 г. Она представляет собой уникальный комплекс фортификационных сооружений, возведенных в различное время. В 1706 г. на западной оконечности острова был возведен форт «Александр-шанц», в 1722 г. был сооружен форт-остров «Цитадель» («Петр I»). В дальнейшем были построены форты «Константин», «Павел I» («Рисбанк»), «Александр I» («Чумный»), «Риф», «Тотлебен» и «Обручев», а также комплекс северных и южных номерных фортов. Работы по возведению и модернизации уже построенных укреплений велись на протяжении всей истории Кронштадта (вплоть до 1950-х гг.). Над планированием и сооружением укреплений трудились выдающиеся русские военные инженеры И. А. Заржецкий, Л. Л. Карбоньер, А. А. Фуллон, Г. Е. Паукер, В. П. Лебедев, А. А. Шишкин и многие другие. Крепость полностью выполнила задачу, поставленную Петром Великим, — и в начале XVIII в., отбивая один за другим шведские десанты, и в середине XIX в., во времена Крымской войны, когда англо-французский флот не решился штурмовать грозные форты, и во время Великой Отечественной войны кронштадтская артиллерия спасала блокированный Ленинград.

Важную роль в героической истории Кронштадта сыграли также и береговые укрепления, без которых представить себе успешную оборону просто невозможно. Форты «Красная Горка» и «Ино» заслуживают отдельного рассказа.

Место, на котором в 1907 г. начались работы по возведению морской крепости «Красная Горка», известно многим по картине Ивана Айвазовского «Петр I при Красной Горке, зажигающий огонь на берегу». Корабли Петра I в 1710 г. ожидали здесь наступления благоприятной ледовой обстановки перед решающим переходом к тогда еще шведскому Выборгу. В основу картины легла история о том, как царь лично нашел укрытие ото льда и подал сигнал флоту. В петровское же время на Красной Горке появился маяк. Само название — «Красная Горка» — происходит от обрывистых берегов, сложенных из заметного издалека красного песка¹.

¹ См.: Сыров А. А. Забытые достопримечательности южного берега Финского залива. От Санкт-Петербурга до Кургальского полуострова : Путеводитель. М., 2011.

С берега Красной Горки очень хорошо просматривается акватория Финского залива вплоть до северного берега. Поэтому, когда возникла необходимость сооружения на берегу залива дальнотойной морской батареи, выбрано было именно это место.

Первые шаги по сооружению мощного артиллерийского форта относятся к началу XX в. В сентябре 1909 г., после составления первых чертежей, была осуществлена выборка грунта под котлованы и заложены фундаменты под артиллерийские орудия, чтобы, в случае надобности, орудия можно было установить в кратчайший срок. Строительство велось под руководством Аполлона Алексеевича Шишкина и было полностью закончено к 1915 г. В основу проекта был положен «проект русского форта» Константина Ивановича Величко, известного военного инженера, автора многих научных трудов по фортификации, одного из создателей русской фортификационной школы. В строй форт вошел чуть ранее, в 1914 г. Новый форт был назван «Алексеевским» (в честь наследника престола), располагался на плавном берегу изгибе и имел отличную естественную маскировку — густой сосновый бор. На северном берегу, на мысе Инониemi, согласно проекту располагался брат и почти близнец форта «Алексеевский» — форт «Николаевский» (названный в честь самого императора). Названия «Алексеевский» и «Николаевский» не прижились, и в истории форты остались под именами «Красная Горка» и «Ино». Расстояние между берегами Финского залива в этом месте составляет 21 километр, что позволяет перекрыть водное пространство даже усилиями орудий одного из фортов. Трагический опыт обороны Порт-Артура показал, что наличие береговых батарей может стать решающим моментом сражения и что любая приморская крепость должна иметь надежные сухопутные укрепления. Форты «Ино» и «Красная Горка» стали даже не столько фортами, сколько небольшими самостоятельными крепостями.

Форт «Красная Горка» в техническом отношении представлял собой длинный (почти километровый) карьер, проходивший параллельно берегу. За толстыми бетонными стенами располагались казематы, казармы и артиллерийские погреба. Крупнокалиберные орудия размещались как в броневых башнях, так и на открытых позициях. Артиллерия «Красной Горки» могла посылать тяжелые снаряды на расстояние до 50 километров. Личный состав насчитывал почти две тысячи человек. Форт был оснащен электростанцией, телефонной сетью и собственной системой водоснабжения. Подвоз боеприпасов осуществлялся по железной дороге. Большое внимание

при строительстве уделялось маскировке — орудийные позиции были прикрыты поясом железных «кустов», выкрашенных под цвет растительности. С суши форт прикрывала линия обороны с пулеметными и орудийными гнездами, бронированные бункеры, рвы, проволочные заграждения и, позднее, минные поля. В 8 километрах к западу от форта на берегу Финского залива дополнительно были возведены две батареи шестидюймовых орудий Канэ¹ и большой бетонный КП. Они получили общее название форт «Серая Лошадь», происхождение этого названия до сих пор не выяснено. Укрепления были предназначены для прикрытия подходов к «Красной Горке». В основном задача форта сводилась к открытию огня при появлении противника — для того, чтобы дать возможность приготовить к стрельбе сложные двенадцатидюймовые орудия «Красной Горки». Также группа батарей «Серой Лошади» была призвана решать задачу уничтожения возможных десантов. Однако в боевых действиях Первой мировой войны «Красной Горке» поучаствовать не довелось — германские корабли в Финском заливе так и не появились. Им помешали минные поля, густо расставленные на входе в залив, а также береговые артиллерийские позиции Гангута и Ревеля.

Первые выстрелы береговая батарея произвела летом и осенью 1918 г., когда артиллерия «Красной Горки» часто открывала огонь по береговому форпосту Пуумола, призванному защищать форт «Ино» от возможного десанта. В 1918 г. «Ино» был взорван, а Пуумола захвачена финскими войсками. Впоследствии батареи Пуумолы эпизодически обстреливали советские корабли.

После Октябрьской революции форт «Красная Горка» участвовал практически во всех заметных военных действиях в районе Финского залива. В 1918 г. по причине опасной близости германской армии и белогвардейских войск все сооружения и батареи форта были заминированы, велась подготовка к взрыву, но тогда взрыв осуществлен не был. Отменил решение военсовета лично В. И. Ленин, однако мины и заряды убраны не были, и 19 августа 1918 г. во время сильнейшей грозы заряды сдетонировали. На воздух взлетели артиллерийские погреба 6-ти и 10-дюймовых орудий. Одно из последних пришло в полнейшую негодность. Были сильно повреждены жилые дома гарнизона,

¹Канэ Густав (1846–1913) — французский инженер, специалист в области артиллерийской техники.

дальномеры и орудия соседних батарей. Куски бетона весом до пяти тонн разбросало в радиусе 70–100 метров. Часть личного состава, находившаяся в казематах боезапаса, погибла. Рассматривалась версия о прямом попадании молнии, на этом настаивал инженер-электрик форта Гилевич. Комиссия согласилась с его доводами, и широкого расследования случай не получил. Комендант форта, отставной поручик Неклюдов, во время трагедии на форт отсутствовал. Впоследствии, в июне 1919 г., он сыграет заметную роль в мятеже на «Красной Горке» и даже пошлет английскому адмиралу Коуэну радиogramму: «Красная Горка в Вашем распоряжении». Уже в наши дни исследователь В. Ф. Ткаченко, опираясь на поздние исследования, убедительно доказал, что причиной взрывов стала все же диверсия. Возможно, взрыв должен был стать сигналом к началу мятежа. Однако по неизвестным причинам мятеж в указанном году не состоялся и случился только год спустя, когда Петроград подвергался серьезной угрозе со стороны белогвардейских частей, наступавших вдоль побережья Финского залива. Тогда, 11 июня 1919 г., большевики прислали на форт группу агитаторов. Не успевшие даже начать свою деятельность агитаторы были арестованы, так как в основном на форту находились все же белогвардейцы, — это и стало сигналом к началу мятежа. Мятеж был очень быстро подавлен, несмотря на то что к восставшим на «Красной Горке» присоединились форты «Серая Лошадь» и «Обручев». Линкоры Балтийского флота «Андрей Первозванный», «Петропавловск» и крейсер «Олег», стоявшие возле Толбухина маяка, провели мощную артподготовку штурма, состоявшегося 15 июня. К ночи оставшиеся на форту мятежники были арестованы и в большинстве своем расстреляны. Мятеж был подавлен. Серьезных повреждений от взрывов форт не получил, но ремонт «Красной Горки» продолжался до октября. В конце октября того же года «Красная Горка» вступила в артиллерийскую дуэль с английским монитором «Эребус», выполнявшим огневую поддержку наступления армии Юденича. Форт повреждений не получил, а монитор должен был покинуть свои позиции после того, как несколько снарядов легли у самого его борта. В этом сражении «Красная Горка» и «Кроншлот» стали единственными укреплениями, оказавшими противодействие иностранному флоту.

Во время Гражданской войны форт «Красная Горка» входил в систему оборонительных сооружений «Красного Петрограда». На форту тогда насчитывалось 25 орудий различного калибра. Форт принимал активнейшее участие в подавлении Кронштадтского мятежа в

1921 г., во время Зимней войны с Финляндией орудия форта «Краснофлотский» (как в то время называлась «Красная Горка») причинили значительный ущерб артиллерийским батареям и железнодорожным узлам финской стороны.

Трудно переоценить роль укреплений «Красной Горки» в сражениях Великой Отечественной войны. Несмотря на то что в 1941 г. командование отдало приказ взорвать форт, личный состав позволил себе ослушаться. Таким образом, был создан знаменитый Ораниенбаумский пятак. Размер его четко ограничивается радиусом действия огня артиллерии главного калибра «Красной Горки». Орудия «Красной Горки» — в основном калибра 305 мм — были в числе важнейших составляющих обороны Ленинграда. Батареи вели борьбу с осадной артиллерией немцев, обстреливали скопления вражеской пехоты и танков, поддерживали действия наших соединений. Радиус действия его орудий (25 км) поистине определял дальность расположения позиций противника, не позволяя ему приближаться к Ленинграду. Вокруг форта были проложены железнодорожные пути для перемещения крупнокалиберных орудий. Два бронепоезда — «Балтиец» и «За Родину» — вели контрбатареиную борьбу с немецкими дальнобойными орудиями. Другой силы, кроме береговой и корабельной артиллерии Балтийского флота, способной защитить город, не было. Успешные действия форта «Красная Горка» во время обороны Ленинграда доказали высочайший уровень проектирования и военного строительства в последние предреволюционные годы. Героические усилия защитников Ораниенбаумского пятака позволили советской армии сохранить контроль над частью акватории Финского залива, непосредственно прилегающей к Ленинграду, создавать напряженное положение в тылу немецких войск и, в итоге, сохранить историческое наследие Ораниенбаума. Ораниенбаумский плацдарм удерживался до начала наступления и соединения советских войск в январе 1944 г. Именно отсюда началась операция «Январский гром», имевшая результатом полное освобождение Ленинграда от блокады¹.

После войны форт «Красная Горка» некоторое время поддерживался в состоянии боевой готовности. В 1960-х гг. здесь проводились испытания крылатых ракет. Позднее, в связи с развитием ракетного

¹ См.: Гришина Л. И., Файнштейн Л. А., Великанова Г. Я. Памятные места Ленинградской области. Л., 1973.

оружия, артиллерия была демонтирована, уникальные башенные установки «Красной Горки» и «Серой Лошади» были разобраны, а сам форт превратился в склад недорасстрелянных боекомплектов. Также — и это было очень важно — здесь размещался флотский экипаж. В 1975 г. усилиями ветеранов совместно с командованием ВМФ на форту был создан мемориал и Музей береговой обороны. На месте захоронений защитников форта были установлены гранитные плиты, на площадках 10-дюймовой батареи разместили три орудия — 100, 130-мм, и 6-дюймовое орудие Канэ, а на участке уцелевшей железной дороги — два артиллерийских железнодорожных транспортера. В Ленинградской области это было единственное место, где можно было посмотреть и прикоснуться к настоящим береговым орудиям. К сожалению, в роковые 1990-е гг. мемориал прекратил свое существование. Подразделения ВМФ в 1999 г. подверглись расформированию и также ушли с форта. «Красная Горка» осталась без последних защитников и была жестоко разграблена. Охраны на форту не предполагалось, несмотря на то что с 1990 г. «Красная Горка» являлась одним из объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Разграбление не прекращается и поныне, так как никто не может противостоять вандалам и мародерам, которые ничем не гнушаются ради сиюминутной примитивной наживы. Первой пропала латунная бескозырка, установленная на месте братской могилы, затем — снаряды и детали, которые можно было открутить без специальных инструментов. Дальше — больше. От башенных установок остались лишь бетонные колодцы, потрескавшиеся блоки и груды развалин, все металлические части безжалостно вырезаны. Мародеры не пощадили даже мемориальные орудия. Воры не поленились срыть грунт и срезать броню сводов. Часть объектов музея пока находится на своих местах, но без определенных и решительных действий их ждет печальная судьба¹.

Пока еще остались некоторые фрагменты фортификационных сооружений, два железнодорожных транспортера в очень печальном состоянии, а также две пушки — Б-13-2с и Б-34. После многочисленных обращений к президенту России все это было просто обнесено колючей проволокой. Единственная сохранившаяся в России (за исключением установленных на крейсере «Аврора») 152-миллиметровая пушка Канэ неизвестным образом оказалась в Москве. Петербург лишился еще

¹ См.: История форта «Красная Горка» («Алексеевский») // Северные крепости: Сайт. URL (26.01.2014): <http://www.nortfort.ru/kgorka>

одного ценного экспоната. А ведь это — такой же антикварный предмет, как сабля Бушуева¹ или револьвер Кольта. В Москве же, в музее на Поклонной Горе, хранятся два транспортера с «Красной Горки». Один транспортер ТМ-3-12 в результате вмешательства общественности был перевезен в музей Октябрьской железной дороги на бывшем Варшавском вокзале. В 2007 г. командование военно-морской базы выдало предписание о разборке и продаже двух мемориальных транспортеров в частную коллекцию. Еще два ТМ-1-180 были все же разрезаны и сданы в металлолом, хотя реальная стоимость таких экспонатов неизмеримо выше стоимости металла, из которого они сделаны. Необходимо также помнить, что нигде в мире — ни в Европе, ни в Америке — подобных транспортеров не существует. В свое время в продаже транспортеров для музея в Финляндии представителю этого музея было по непонятной причине отказано.

Собственно форта «Красная Горка» уже, к сожалению, не существует. Осталось место, овеянное славой.

В 2007 г. военные моряки совместно с муниципальными властями поселка Лебяжье, Ломоносовского района и Ленинградской области в целом предложили создать на месте легендарного форта музей. 9 мая на митинге, проходившем на «Красной Горке», помощник Главкома ВМФ сообщил о готовности командования оказывать всяческое содействие в организации музейного комплекса. Однако начинание это осталось без внимания. Весной 2012 г. теми же муниципальными властями был взят курс на окончательное уничтожение шедевра русской фортификации, а также исключения его из списков ЮНЕСКО. Иначе как варварством и вандализмом назвать это нельзя. О создании музея, понятное дело, речи нет никакой. Зато существовал проект создания на территории бывшего форта элитного коттеджного поселка. К сожалению, это может оказаться правдой, и это в духе времени. Это гораздо проще, чем провести работы по созданию поистине уникального музея, реставрации выживших экспонатов, организации экскурсий и военно-патриотического воспитания. По оценкам специалистов, для восстановления «Красной Горки» и создания музея ничего архисложного не требуется². Восстановление подачи электричества, просушка казематов, косметический ремонт, очистка территории, реставрация батарей... Музей стал бы уникальным в

¹Бушуев Иван Николаевич — создатель златоустовской гравюры на стали.

²См.: Амиранов Л. И., Ткаченко В. Ф. Форты Кронштадта. СПб., 2007.

своем роде памятником воинской славы. За сохранение и восстановление героической крепости борются как ветераны, так и добровольцы из военно-исторических клубов; их же усилиями создана небольшая экспозиция. Хотя о создании большого музея речи как не было, так и нет, радует даже тот факт, что оставшиеся экспонаты находятся под охраной и доступны к осмотру через заграждение из колючей проволоки. Хочется верить, что и в этой битве — пожалуй, самой сложной за всю свою историю — форт «Красная Горка» выйдет победителем.

История форта «Ино» гораздо короче — ему было отпущено всего четыре года жизни, — но не менее трагична.

В целом он повторял «Красную Горку», отличие заключалось в составе вооружения и расположении батарей. На вооружении форта имелось более чем 40 орудий калибром до 12 дюймов. На форту были устроены две береговые батареи на четыре 152-миллиметровые пушки Канэ, две батареи на восемь 254-миллиметровых орудий и восемь 279-миллиметровых гаубиц, дальность стрельбы которых составляла от 15 до 18 километров.

Основная проблема, с которой столкнулись строители, была проблема территории — в то время район нынешнего поселка Приветнинское, где находится форт, относилась к Финляндии. Постройка форта началась в 1909 г., когда 28 октября была заложена первая 10-дюймовая батарея. К январю 1910 г. относится устройство гавани и железнодорожной колеи. Основные черты форт приобрел в 1912 г., тогда были доставлены первые 12-дюймовые орудия. Башенная 12-дюймовая батарея являла собой колоссальный бетонный массив с двумя башнями по два орудия в каждой. Толщина стен свода батареи составляла 2 метра 13 сантиметров. Внутри находились орудийные погреба, казематы, казармы, подземная железная дорога для подвоза снарядов, электрический подъемник. До наших дней сохранились даже трубы пароводяного отопления.

Все батареи — 12, 10 и 6-дюймовые — были оборудованы паровоздушной системой отопления, на них были установлены броневые двери. На форту были оборудованы бронеконкретные помещения для дальномеров, прожекторные вышки, проложены около 3 км железных и 7 км грунтовых дорог. Все, или почти все необходимое для нормальной работы форта было сделано. Форт походил на небольшую крепость — все сооружения и службы были окружены стрелковым валом с бетонированными опорными пунктами. Рядом с валом находились бетонные же укрытия для 76-миллиметровых

противоштурмовых полевых орудий, которые в случае необходимости можно было выкатывать на специально оборудованные позиции.

Полную боевую готовность форт приобрел к 1 января 1917 г. Численность гарнизона составляла 5500 человек. Предполагалось, что во взаимодействии с фортом «Красная Горка» форт «Ино» сможет надежно перекрывать акваторию Финского залива. «Ино» входил в общую систему обороны Петербурга на суше и был прикрытием и опорой сухопутной армии на северном берегу Финского залива. Расположение его, как и форта «Красная Горка», на расстоянии около 70 км от столицы давало возможность обезопасить Кронштадт от бомбардировки дальнобойными орудиями противника. Только два этих форта, владевшие мощными и дальнобойными орудиями, могли противостоять прорыву флота противника. Работа артиллерийских батарей, имеющих круговой обстрел, должна была оказать значительное сопротивление даже крупному вражескому десанту. Продвижение возможного десанта должна была затруднить и изрядно пересеченная местность. В задачи форта, помимо этого, входил обстрел района постановки мин, на случай попытки траления¹ его противником.

О значимости форта «Ино» для защиты Петербурга говорит следующий факт. Когда в 1916 г. решался вопрос передачи 254-миллиметровых орудий для морской позиции Соммерс-Лавансаари, временно исполняющий обязанности коменданта крепости Кронштадт генерал-майор Данилов писал главнокомандующему армиями Северного фронта: «Какое-либо ослабление важнейших фортов крепости “Красная Горка” и “Ино” совершенно недопустимо и может закончиться катастрофой, так как на них базируется главнейшая оборона Кронштадта»².

В 1918 г., после предоставления Финляндии независимости, ситуация вокруг форта «Ино», находившегося на ее территории, обострилась. Советское правительство пыталось оставить форт за собой, уступив Финляндии порт Петсамо. Переговоры успехом не увенчались, а после оставления Балтийским флотом Ревеля и Гельсингфорса германские и финские войска попытались захватить «Ино». В случае, если бы им это удалось, в распоряжении противника

¹Траление — поиск и уничтожение обнаруженных мин для обеспечения безопасности плавания кораблей и судов.

²Михаленя К. К. Форт «Ино». Строительство и разрушение. Ч. 1 // Цитатдель. 1996. № 2.

появились бы 12-дюймовые орудия форта, которые могли бы значительно осложнить положение советского государства. 24 апреля 1918 г. финские парламентарии прибыли на форт с требованием сдать его. К тому времени замки с 12 и 10-дюймовых орудий были уже сняты и увезены в Кронштадт, а сами батареи подготовлены к взрыву. В батарее, погреба и орудийные пункты было заложено более 300 пудов взрывчатки. Комендант Кронштадтской крепости К. А. Артамонов предполагал взорвать форт в том случае, если не сможет удержать сухопутную оборону по причине недостатка в пехотных частях. Финский отряд, осаждавший форт, насчитывал более 2000 человек и имел полевую артиллерию. Командование Балтфлота распорядилось удерживать форт любой ценой и всеми средствами. 5 апреля стороны подписали соглашение, обязывающее гарнизон форта «не выходить за пределы провололочной ограды, не допускать на территорию форта никого, кроме парламентариев, в случае проникновения на форт финских красногвардейцев, их разоружать, не открывать огня по разездам и одиночным белофиннам, не пытающимся проникнуть на форт»¹.

Советское правительство опасалось, что активные действия защитников форта могут спровоцировать воюющие стороны к расторжению Брестского мира, и требовало разрешать все конфликты мирным путем. Когда 8 мая правительство Германии потребовало передать форт «Ино» Финляндии, Совнарком запретил оказывать форту всяческую поддержку гарнизоном или с кораблей Балтийского флота. Таким образом, форт должен был удерживаться собственными силами. В случае «невозможности удерживаться благодаря фактическому напору со стороны противника форт должен быть взорван со всей артиллерией». Гарнизону предписывалось эвакуироваться в Кронштадт. Однако, еще не зная об этом решении, К. А. Артамонов 14 мая 1918 г. взорвал форт по собственной инициативе, не запрашивая начальника морских сил. Аргументы его были достаточно убедительными, мнения о необходимости взрыва придерживался и старший морской начальник в Кронштадте С. В. Зарубаев².

После взрыва все сооружения форта были сильно разрушены, хотя некоторым орудиям удалось уцелеть. Достоверно известно, что они производили выстрелы по советской территории. Сохранилось также много

¹ См.: Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф. Форты Кронштадта.

² Михаленя К. К. Форт «Ино». Строительство и разрушение. Ч. 2 // Цитатдель. 1997. № 1.

вспомогательного оборудования и механизмов. Это позволило финнам существенно укрепить свою береговую оборону. Однако особых работ финская сторона на форту не производила, опасаясь неразорвавшихся зарядов, заваленных при подрыве форта¹.

Это же обстоятельство останавливало и советскую сторону. После войны на форту была устроена 152-миллиметровая батарея, но она была утилизирована уже в 1962 г.

Сейчас форт «Ино» выглядит практически так же трагично, как и «Красная Горка». Развалины, поросшие кустарником и деревьями, заброшенные шахты. Убежища опорных пунктов, капониры и полукапониры разрушены. Однако профиль позиций хорошо просматривается и сейчас, несмотря ни на что.

Так же как в случае с «Красной Горкой», создание музея под открытым небом привлекло бы сюда множество людей, интересующихся героической историей нашей родины. Оба форта являются шедеврами русского морского фортификационного искусства. Придание им статуса, способствующего сохранению и реставрации, бережное отношение — не просто пожелание, а необходимость. Сейчас обоими фортами занимаются только энтузиасты и члены клубов военных реконструкций, то есть те, кто кардинально повлиять на ситуацию не может. Серьезной речи о создании музеев, подобных шведским и финским, — например, на острове Куйвасаари, где бережно хранятся, среди прочих, и орудия с форта «Ино», — увы, нет². Зато ведется речь о застройке дачных участков на обоих фортах, и иначе как надругательством над памятью предков, защищавших в разное время наш город, назвать это нельзя. Самый большой ущерб фортам нанесли не военные действия, а мародеры — в мирное время.

Как ни тривиально это прозвучит, но хочется надеяться, что разум и любовь к родной истории все же возьмет верх над желанием сиюминутной наживы, а разграбление и так уже почти уничтоженных памятников прекратится. Величественные останки фортов «Ино» и «Красная Горка» пока еще можно спасти. Создание музея-заповедника может стать выходом из почти безнадежного положения. Хочется верить, что оба форта, наконец, обретут заслуженный статус и станут музеями фортификационного искусства и военной славы, а не памятниками «иванам, не помнящим родства».

¹ См.: Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф. Форты Кронштадта.

² См.: Ткаченко В. Ф. Форт «Ино». Строительство. Служба. Уничтожение. СПб., 2009.

Е. В. Нестерук
НЕИЗВЕСТНАЯ ЧАСОВНЯ
НА КРЕСТОВСКОМ ОСТРОВЕ¹

А. Блок

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась все суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шальный ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет о прошлых снах.

Часовня на Крестовском острове

Что-то очень важное для Александра Блока заставило его при публикации опустить дату написания этого романтического стихотворения (6 марта 1910 г.), но отметить место действия, впрямую не отраженное в тексте, — часовню, главную «доминанту» низкого берега Крестовского острова².

¹ Второй, испр. и доп. вариант статьи, опубликованной в № 12 альманаха «Фонтанка» за 2012 год.

² См. примечания к стихотворению в кн.: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в двадцати томах. Т. 3. Стихотворения. Кн. 3. (1907–1916). М., 1997. С. 595.

Что это была за часовня, как она выглядела, где находилась? Поиски ответов на эти вопросы стали целью моего исследования.

Среди многочисленных островов, на которых расположен Санкт-Петербург, только три зовутся «Островами» с большой буквы. Каждый петербуржец былых времен прекрасно понимал, что речь идет о центральных островах Невской дельты — Каменном, Елагином и Крестовском (в советское время — Кировские острова). Историк Григорий Александрович Немиров отмечал, что «в Писцовых книгах 1500 г. на Невском взморье обозначены три крупных острова: “Васильев” (ныне Васильевский с о. Голодай), “Фомин” (ныне Петроградский с Аптекарским и Петровским) и некий “Сандуй”»¹. Он предположил, что это необычное название «пять веков назад имел единый остров, объединявший нынешние Елагин, Каменный и Крестовский острова». «Сандус» по-вепски означает «спелые травы». Возможно, на всех трех островах с давних времен располагались покосы. Во всяком случае, на Крестовском это было именно так.

На «Плане Крестовского острова владения князя Белосельского-Белозерского»² наряду с лесами, садами и пашнями показаны и покосы. В пользу приведенной версии происхождения названия Сандуй можно привести и такой факт: в деле правления Городского Кредитного общества за 1865 г. отмечаются доходы Белосельских-Белозерских от продажи сена — 1600 рублей (наряду с доходом от аренды дач, торговли на немецкий праздник Куллерберг, доходами за зимовку лодок на берегах, на право перевозов и т. д.)³.

Крестовским островом на протяжении всего периода после основания Петербурга владели: А. Д. Меншиков, сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна, затем опять А. Д. Меншиков, Б. Х. Миних, графы Разумовские (сначала Алексей Григорьевич, затем Кирилл Григорьевич, от которого остров перешел его наследнику — сыну Петру Кирилловичу). В 1803 г. «Действительный тайный советник граф Петр Кириллович сын Разумовский продал Действительному тайному

¹ Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга, 1703. СПб., 2004. С. 344.

² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 302. Л. 10. Карта эта до сих пор не датирована. Скорее всего, она появилась не ранее 1877 г. и не позднее 1887 г., так как на ней отмечен ряд улиц, впервые получивших названия в 1877 г. (например, Надеждинская ул., Александровский пр.) и переименованных в 1887 г. — Холмогорская и Архангельская улицы соответственно.

³ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1190. Л. 19.

советнику и Ордена Иоанна Иерусалимского командору князю Александру Михайловичу сыну Белосельскому крепостное свое неделимое имение за 120 тысяч рублей ассигнациями¹. Это была первая в истории острова продажа. Все предыдущие владельцы получали его в подарок или по наследству. И вплоть до революции 1917 г. остров принадлежал князьям Белосельским-Белозерским — именно так стал именоваться князь Александр Михайлович с 1799 г.²

Изучение истории Крестовского острова потребовало внимательного рассмотрения доступных исследователю карт Петербурга. В Атласе Цылова 1849 г. на берегу реки Чухонки обозначена каменная часовня, тогда как на плане Шуберта, опубликованном в 1828 г., никакой часовни еще нет³.

Михаил Иванович Пыляев в книге «Забывтые окрестности Санкт-Петербурга» о часовне не упоминает, но современный автор комментариев пишет, что «в память Александра Михайловича на Крестовском острове воздвигнута часовня», а также указывает ее предполагаемый адрес: Александровский проспект (ныне пр. Динамо), 14⁴. Но Александр Михайлович умер в 1809 г., когда Александровский проспект, называвшийся «Дорога к дачам на гулянье», был местом общественных увеселений⁵. Размещение часовни в таком бойком в то время месте представляется не совсем логичным. Кроме того, богадельня, находившаяся позднее по этому адресу, именовалась «Богадельня в память князя Эспера Александровича⁶ и матери его княгини Анны Григорьевны Белосельских-Белозерских», а церковь при богадельне и рукодельной

¹ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 573. Л. 3.

²В 1799 г. император Павел I повелел кн. А. М. Белосельскому, как старейшему в роде князей Белозерских, именоваться князем Белосельским-Белозерским, каковой титул был подтвержден Александром I в 1823 г. за его сыном, Эспером Александровичем.

³См.: Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга / сост. Н. Цылов. — Репр. воспроизв. изд. 1849 г. М., 2003; Шуберт Ф. Ф. Подробный план столичного города С.-Петербурга 1828 года ген.-майора Шуберта. СПб., 1828.

⁴Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С. 487.

⁵Подробнее см.: [Б. а.] Крестовский остров // Отечественные записки. 1820. Ч. II. № 4. Август. С. 197–207. Электрон. версия (27.01.2014): <http://otzapiski.ru/node/96>

⁶В документах встречается два варианта написания этого редкого имени: Эспер и Эспер.

школе для девочек появились только в 1899 г. «тщанием княгини Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской»¹. Эта домовая церковь была освящена протоиереем П. А. Росляковым в честь Рождества Христова². Во всяком случае, никаких подтверждений того, что какая-либо часовня была посвящена памяти Александра Михайловича, обнаружить не удалось.

Поиски часовни, продолженные в Российском Государственном историческом архиве, принесли некоторые результаты. В одном из дел Канцелярии обер-прокурора представлено прошение княгини Елены Павловны Белосельской-Белозерской «о дозволении построить каменную церковь и при ней небольшую часовню на Крестовском острове» при ее даче³. Далее Елена Павловна просит «дать возможность исполнить священную <...> волю покойного супруга», князя Эспера Александровича, и открыть «со временем при церкви этой какое-либо богоугодное заведение»⁴. Письмо это датировано 12 сентября 1846 года. А уже 27 августа 1847 г. в рапорте преподобного Антония, митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского, содержались сведения о том, «что владелица Крестовского острова, княгиня Белосельская-Белозерская на том острове устроила каменную часовню, в которую 18 числа мая 1847 г. внесена икона Св. мученика Эспера в серебряной позолоченной ризе и десять простых икон из домово́й Ея светлости церкви»⁵. Однако там же сообщается, что «о построении упомянутой часовни ни Благодичинный, ни Колтовской причт прежде никаких сведений не получали». Приведены также пространные выяснения о соизволении на постройку этой часовни, в процессе которых было выявлено, что княгиня Белосельская-Белозерская «имела счастье через попечителя своего князя Александра Ивановича Чернышева представить фасады церкви и часовни Государю императору» и они были удостоены одобрения Николая I. В дальнейшем, при отъезде за границу, Елена Павловна «удостоилась лично получить соизволение Его Императорского Величества на предполагаемое сооружение»⁶.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4320. Л. 428.

² См.: Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Ист.-церков. энцикл.: В 3 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 206.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38551. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же.

Одобрение было получено, часовня построена, но как она выглядела и кто ее автор, узнать пока не удалось. Есть только несколько упоминаний — так, в «Клировых ведомостях церкви Спасо-Преображения состоящей в Колтовской слободе в г. С.-Петербурге» за 1847 г. читаем: «Домовых в сем приходе церквей две, а сверх того одна часовня зданием каменная, построенная с высочайшего разрешения в 1846 г. на Крестовском острове княгиней Белосельской-Белозерской в виде монумента в память покойного супруга ея генерал-майора князя Еспера Александровича Белосельского-Белозерского. Часовня так мала, что служение в ней быть не может»¹.

В книге очерков В. Я. Курбатова «Петербург» есть описание вида, открывавшегося с Большого Петровского моста. В 1913 г. он пишет, что с Малой Невки можно было видеть на Мезенской (ныне Азовской) улице «прелестную гранитную часовенку, что придает пейзажу необычный для Петербурга и России вид». Часовня была разрушена, и теперь, с нового уже Большого Петровского моста, можно видеть только кроны деревьев. Ничто больше не напоминает о бывшей здесь некогда загадочной часовне.

¹ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1128. Л. 312.

М. А. Печникова, А. З. Лихтшангоф **САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ** **ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С МЕДИЦИНОЙ**

Первые официальные петербургские топонимы были утверждены «Комиссией о Санкт-Петербургском строении» 20 апреля 1738 г., хотя некоторые названия даже старше самого города. В XVIII и начале XIX в. появилось множество наименований, связанных с характером деятельности промышленных и торговых предприятий, различных учреждений, с фамилиями владельцев фабрик, зданий, земельных участков, с особенностями ландшафта. В середине XIX в. обозначения петербургских объектов были упорядочены сенатскими указами или постановлениями Городской думы. После 1917 г. начался новый этап петербургской топонимики, характеризующийся идеологическим подходом. Часть возникших в советское время топонимов заменена в последние годы на исторические названия¹.

В истории российской медицины Санкт-Петербург занимает особое место. Формирование системы военного и гражданского здравоохранения, медицинского образования, медицинской науки в России началось тогда же, когда был создан Петербург, и, как и последний, тесно связано с личностью Петра I. Медицина — врачи, сестры милосердия, больницы, аптеки, институты и академии — оказала немалое влияние на формирование облика Петербурга, стала неотъемлемой частью городской среды². Немало городских топонимов связано с трехвековой историей медицины и здравоохранения Санкт-Петербурга. Они представляют значительный интерес для истории медицины, однако нам не

¹ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Ред. Владимирович А. Г. СПб., 2002.

² Базанов В. А., Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф. Медицинские памятные места Ленинграда. Л., 1971. Будко А. А., Шабунин А. В. История медицины Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 2003. Грекова Т. И., Голиков Ю. П. Медицинский Петербург. СПб., 2001.

удалось найти научных работ, посвященных медицинской топонимике города в целом.

Целью настоящего исследования была суммация и классификация данных о петербургских топонимах (названиях магистралей, площадей, мостов и др.), связанных с медициной и здравоохранением. При этом учитывались как существующие ныне (скажем, Аптекарский пр.), так и утраченные (к примеру, Оспенный пер.) названия, как явно (вроде пр. Медиков), так и неявно (например, Надеждинская ул.) относящиеся к избранной теме. Хотя ставилась задача сбора как можно более полной информации¹, при таком обилии объектов неизбежно наличие пробелов, особенно по части окрестностей Петербурга.

Не всегда удавалось точно установить причину появления того или иного медицинского топонима. Медицинскими считались топонимы, связанные с именами людей, имевших законченное медицинское образование или работавших в медицине. Скажем, не учитывались названия, данные в честь Я. М. Свердлова (в течение года был учеником аптекаря), Н. И. Кибальчича или В. В. Куйбышева (оба отучились по году в Военно-медицинской академии). К сожалению, далеко не всегда удавалось установить четкую связь многочисленных Мариинских, Ольгинских, Ксеньевских и т. п. улиц с наличием в их районе благотворительных медицинских или медико-социальных учреждений, хотя имеются основания такую связь предполагать. Мы включали такие топонимы в список только при наличии конкретной информации об этом. Поиск медицинских топонимов был ограничен современной границей города. Они, как и следовало ожидать, были обнаружены во всех 18 городских и пригородных районах.

Иногда связь с медициной у рассматриваемого топонима была не прямой, а косвенной. Например, Железноводская ул. названа по г. Железноводску, имя которого прямо связано с лечебными минеральными источниками горы Железной, поэтому данный петербургский топоним опосредованно является медицинским. А вот вроде бы по-медицински

¹ При работе использовались следующие справочники: Алексеева С. В. и др. Городские имена сегодня и вчера. СПб., 1997. Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. Петербург в названиях улиц. СПб., 2009. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? СПб., 1998. Елохина Т. И. Улицы Санкт-Петербурга. СПб., 1993. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Ред. Владимирович А. Г. СПб., 2002, а также сайты <http://slovari.yandex.ru/dict/petertoponim> и <http://www.ensspb.ru>. Кроме того, использовалась современная электронная карта города.

звучащие Лабораторные шоссе, улица и переулок получили свои имена по артиллерийской лаборатории, и к медицине, следовательно, отношения не имеют.

Выявленные медицинские топонимы мы сочли целесообразным разделить на следующие пять групп.

1) Названия, данные в честь медицинской профессии в целом. Примеры: пр. Медиков, Сестринская ул., Лечебная ул. Всего: 8 объектов, 9 топонимов.

2) Названия, данные в честь известных ученых и других деятелей в области медицины или оказавших влияние на развитие медицины. Примеры: ул. Академика Павлова, пр. Мечникова. Всего: 29 объектов, 75 топонимов.

3) Названия, данные в честь медиков вне связи с их профессиональной деятельностью. Примеры: ул. Чехова, пр. Щорса, о. Голодай. Всего: 35 объектов, 46 топонимов.

4) Названия, данные в честь медицинских учреждений. Примеры: многочисленные Аптекарские, Госпитальные, Больничные улицы, проспекты, площади, набережные, мосты, даже каналы и дачи. Всего: 100 объектов, 149 топонимов.

5) Названия, данные в честь медико-социальных, благотворительных учреждений. Примеры: Инвалидный пер., Эмануиловская ул. Всего: 11 объектов, 15 топонимов.

Наименование городских объектов в честь профессий — давняя топонимическая тенденция — и европейская, и российская. Однако, как правило, это относится к ремесленным профессиям, представители которых селились кучно. Представители же свободных профессий, в число которых входит и медицинская, этим не отличались, поэтому улиц Кузнечных или Пряильных гораздо больше, чем Врачебных или Художественных. Вот, скажем, проспект Медиков, проложенный в 60-х годах от наб. Карповки до Аптекарской наб. и в 1970 г. получивший современное название. Действительно, он проходит по территории Аптекарского острова, а вблизи проспекта или на нем самом расположено немало учебных и научных заведений медицинского профиля. Не менее известна и пл. Военных Медиков, на которой в 1996 г. создан мемориал «в целях увековечения памяти военных медиков, павших на полях сражений». Однако мало кто сейчас помнит Дохтуров переулок, проходивший в 1920–70-х годах между нынешними проспектами Ириновским и Ударников.

Во второй раздел вошли топонимы, связанные с именами выдающихся медиков, а также с именами известных ученых и общественных

деятелей, которые, не будучи медиками по образованию, оказали, тем не менее, значительное влияние на развитие медицины и медико-социальной помощи. Иногда называемый объект был непосредственно связан с жизнью и работой увековечиваемого деятеля (например, ул. Академика Павлова, Боткинская ул., Пироговская наб.), а иногда связан лишь опосредованно, через существовавшие там учреждения (например, ул. Рентгена, пр. Мечникова).

Вспомним две улицы Академика Павлова — в Петроградском и Красносельском районах. На первой из них расположен Институт экспериментальной медицины, в создании которого И. П. Павлов принимал активное участие и в котором затем руководил отделом физиологии. У России есть всего два медицинских нобелиата: И. П. Павлов и И. И. Мечников, имя которого носит проспект в районе Пискаревки. В 1898 г., в честь столетия Военно-медицинской академии было решено увековечить память о двух самых выдающихся ее врачах: Самарская улица стала Боткинской, а часть Арсенальной набережной была переименована в Пироговскую. Именем Н. И. Пирогова назван также переулок, отходящий от Вознесенского пр. Имя невролога и психиатра В. М. Бехтерева носит небольшая улица в Невском районе, где расположен организованный им Психоневрологический институт. Когда-то в городе была и набережная Бехтерева.

Особо следует выделить топонимы, связанные с именами святых Пантелеимона и Сампсония, известных при жизни, в первую очередь, именно безвозмездной медицинской деятельностью. На месте современного собора еще Петром I была заложена деревянная церковь во имя Сампсония Странноприимца, поскольку в день этого святого русские войска одержали победу при Полтаве. По собору получили наименования Большой и Малый Сампсониевские проспекты, а также три моста, сад и кладбище. Совершенно аналогичным образом в 1718 г. для рабочих Партикулярной верфи была построена часовня во имя св. Пантелеимона, в день памяти которого русский флот одержал победы при Гангуте и у острова Гренгам. По Пантелеймоновской церкви получили название улица (ныне Пестеля), переулок (ныне Соляной) и мост.

Хотя В. Рентген — физик, значение его открытия для медицины огромно, поэтому улицу Рентгена на Петроградской стороне, где были устроены Рентгено-радиологический и Радиевый институты, тоже следует включить в рассмотрение.

Кроме перечисленных, в Петербурге увековечены имена доктора Н. С. Короткова, открывшего метод измерения артериального давления, руководителя Боткинской больницы профессора Г. А. Ивашенцова,

организатора в России сети школ для слепых К. К. Грота, земского врача В. В. Цимбалина, физиологов Л. А. Орбели и М. Н. Шатерникова и других.

Медицинские работники всегда были весьма активны в социокультурном плане, поэтому немало топонимов связано с их деятельностью вне рамок профессии: медики-писатели, медики-политики, революционеры, государственные деятели, военачальники... А поскольку профессия неплохо кормила хорошего врача, то на карте Петербурга появлялись имена и врачей земле- и домовладельцев.

Среди русских врачей-писателей самый знаменитый, конечно, А. П. Чехов. В 1923 г. его имя получил Эртелев переулок. Кроме того, улица Чехова имеется в Стрельне, а ранее существовали Чеховские улицы в Московском и Кировском районах. От Песочной наб. до наб. Карповки проходит небольшая улица Даля. Вклад этого питомца медицинского факультета Дерптского университета в познание и формирование русского языка трудно переоценить. Занятия Университета Петербурга проходят на улице, названной в честь врача, одного из лидеров Французской революции Ж. П. Марата. Улицы Марата есть также в Павловске, Володарском, Петро-Славянке. Немало существующих и утраченных топонимов появились в честь революционерки В. К. Слуцкой, дантиста по образованию. Сейчас сохранились улица Веры Слуцкой, проходящая через все Колпино с севера на юг, и Слуцкая улица в Павловске, однако до 1944 г. ее имя носили 15-я линия Васильевского острова, да и весь город Павловск — Слуцк.

С. Л. Перовская — русская революционерка, одна из руководителей «Народной воли», фельдшер по образованию, была повешена за убийство Александра II. Малая Конюшенная ул. вернула себе исконное имя, а вот в Павловске улица Софьи Перовской есть и сейчас. Не все знают, что brave красные командиры Н. А. Щорс и А. С. Раков были военными фельдшерами на фронтах Первой мировой. Их имена до 1991 г. носили Малый проспект Петроградской стороны и Итальянская улица соответственно. Тифлисскую фельдшерскую школу окончил и будущий нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. С 1918 по 1944 год Владимирские проспект и площадь носили имя С. М. Нахимсона — революционера и фронтового зауряд-врача.

Историческое название острова Декабристов — Голодай — результат народного переосмысления фамилии землевладельца, английского врача Томаса Холлидея, который практиковал в Петербурге в XVIII веке. На острове имелись Голодаевские улица, переулок и проезд. Из врачей-землевладельцев стоит также назвать елизаветинского архиатра

И. Г. Лестока (переулок и мост), профессора Повивального института А. И. Замшина (улица в Полнострове), владельца модной водолечебницы Афанасьева (улица в Озерках), врача Реймера (несуществующий ныне проспект у Кушелевки), доктора Столярова (переулок в Озерках).

Названия, данные в честь медицинских учреждений — самая многочисленная группа рассматриваемых топонимов. Во-первых, следует отметить наличие в городе двух кустов «аптекарских» топонимов. Первый сформировался вокруг основанного еще Петром Аптекарского огорода — ныне Ботанического сада: Аптекарский остров, Аптекарская набережная, Аптекарский проспект, Аптекарский мост, запроектированные 1-я, 2-я и 3-я Аптекарские улицы, а второй куст — вокруг Главной аптеки: Аптекарский переулок, Аптекарская площадь. Здание Главной сухопутной аптеки было построено Д. Трезини и позже перестроено Дж. Кваренги. В нем же работала во 2 половине XVIII в. Медицинская коллегия — тогдашнее министерство здравоохранения России.

Больничная горка — такое название получила возвышенность, на которой стоит Стрельнинский деревянный дворец Петра I в связи с тем, что с 1786 г. в нем располагался военный госпиталь. Существовавшие в прошлом Больничные улицы и переулки вошли в состав нынешних улицы Книпович и Железнодорожного пр. в Невском районе, ул. Чекистов в Красносельском районе и ул. Сантьяго-Де-Куба в Выборгском районе. Названия их, разумеется, связаны с располагавшимися по соседству или проектировавшимися стационарами. Был даже засыпанный в 1960-х гг. Больничный канал, названный по находящейся поблизости, на пр. Стачек, психиатрической больнице Всех Скорбящих. Сюда же отнесем Барачевскую улицу, которая проходила параллельно Рыбачьему пр. и связанную с местонахождением барачной (инфекционной) больницы. По земскому лазарету получил имя Земский переулок, ныне — ул. Оскаленко (Приморский район), по больнице Марии Магдалины — Магдалинский переулок (Василеостровский район), по знаменитой Максимилиановской лечебнице для приходящих, основанной в 1850 г., назван Максимилиановский переулок (ныне Пирогова), по лазарету Семеновского полка — Лазаретный переулок (оба в Адмиралтейском р-не), по Военно-сухопутному госпиталю — Сухопутный переулок (Центральный район).

Петропавловская улица и мост на Петроградской стороне названы по находящейся рядом Петропавловской больнице, построенной еще в 1830 г. (ныне клиника Медицинского университета имени Павлова). Санаторные аллея, улица и два переулка имеются на Каменном острове, в Ушкове, Левашове и Александровской. Иногда встречаются такие

экзотические топонимы, как Проезд к профилакторию или Мертвая аллея. Нередко связь топонима с медицинским учреждением неочевидна и раскрывается только при детальном рассмотрении; примеры: Морская ул. (ныне — академика Лебедева), Офицерская ул. (ныне Боткинская): обе названы по госпиталям, ул. Максима Горького в Стрельне (названа по больнице имени писателя) и др.

Первый Адмиралтейский госпиталь был заложен Петром I на Выборгской стороне в 1715 г. Два года спустя был открыт Сухопутный военный госпиталь, который вместе с Адмиралтейским образовал единый трезиниевский ансамбль. Позднее при них открыты госпитальные школы, преобразованные затем в Медико-хирургическую — Военно-медицинскую академию. Именно давней историей этих военно-медицинских и медико-образовательных учреждений и объясняется высокая концентрация медицинских топонимов в этой части Выборгской стороны (1, 2 и 3 Госпитальные улицы — ныне Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Госпитальная пл., Боткинская ул., Пироговская наб., Мертвая аллея, Морская, Офицерская, Клиническая улицы, пл. Военных Медиков и т. д.).

Санкт-Петербург всегда был «военной столицей», в нем стояло множество гвардейских воинских частей, поэтому сеть госпиталей постоянно расширялась. Эти госпитали составляли заметные для обывателя объекты, а потому приводили к появлению в местах их расположения Госпитальных, Сухопутных, Лазаретных и прочих аналогичных улиц и переулков. Особенно много подобных топонимов в районах размещения Семеновского, Измайловского и Преображенского полков. Так, Госпитальными улицами и переулками были нынешние: Бронницкая улица, Митавский пер., Дойников пер., Виленский переулок, ул. Радищева. Через Лиговский канал и Большую Невку были перекинуты Госпитальные мосты, а через р. Волковку — Холерный. В настоящее время Госпитальные улицы и переулки существуют в Центральном районе, а также в Ломоносове, Павловске, Пушкине, Кронштадтской колонии, Зеленогорске.

Особо следует выделить ряд больниц, возникших на базе общин сестер милосердия, и связанных с ними топонимов. Это Покровская, она же Княгининская, она же Сестринская, а ныне Детская улица, Евгеньевская улица, Елизаветинская улица (ныне не существует). Целый куст медицинских топонимов связан с Полюстровскими источниками минеральной воды, целебные свойства которых обнаружил лейб-медик Петра I Л. Блюментрост. Это сам район Полюстрово (от латинского слова *paluster* — болотистый), Полюстровские набережная, проспект,

парк и сад, а также Минеральная, Ключевая и Курортная улицы, Тепловодский проспект.

Большая и Малая Монетные улицы в начале позапрошлого столетия именовались Оспенными, так как в здании, позднее отданном Александровскому лицу, располагался Оспопрививательный дом. Любопытно, что Надеждинская улица (ныне — ул. Маяковского) получила это название в связи с надеждой на выздоровление пациенток Александринской женской больницы для чахоточных. Инструментальная улица находится на Аптекарском острове и получила такое имя, поскольку на ней находился казенный завод хирургических инструментов (ныне — объединение «Красногвардеец»).

Мы колебались, считать ли медицинскими группу топонимов, связанных с фамилией братьев И. и Н. Ждановых (река Ждановка, Ждановские улица, набережная и мосты). Конечно, их нельзя назвать медиками, однако в этом районе они построили химико-аптекарский завод, на котором вырабатывали как химикаты, так и лекарственные препараты, включая знаменитое дезинфекционное средство — «ждановскую жидкость», а также разбили аптекарский сад. Исходя из этого, мы решили включить их в данный раздел.

В последнюю главу мы включили топонимы, связанные с учреждениями медико-социального, а не чисто медицинского или чисто социального характера, то есть предназначенными для оказания помощи лицам, страдающим какими-либо недугами или имеющим физические недостатки.

Скажем, Богадельная улица — это одно из старых названий ул. Пролетарской Диктатуры, дано по богадельне, находившейся в д. 3. Инвалидный переулок — это Летняя аллея на Каменном острове, здесь находился построенный еще в XVIII веке Инвалидный корпус для матросов. На нынешней ул. Аккуратова в Коломягах находился Мариинский приют «Общества призрения калек и идиотов несовершеннолетнего возраста», состоявший под патронажем великой княгини Марии Павловны, поэтому улица именовалась Мариинской. Интересно, что и сейчас в этом здании располагается школа для трудных подростков. А «Евангелический приют во имя святого Эммануила для детей-идиотов и эпилептиков» (ныне — детский дом № 53) дал название Эмануиловской улице, идущей от пр. Энгельса до Ярославского пр.

Таким образом, всего выявлено и рассмотрено 294 медицинских топонима, относящихся к 179 существующим ныне или утраченным объектам. В настоящее время в Санкт-Петербурге существует 93 медицинских топонима.

Л. Ю. Сапрыкина **МНОГОМЕРНЫЙ КАЗАЧИЙ ПЕРЕУЛОК**

«Прямые улицы не бывают так красивы, как извилистые». Эта фраза принадлежит известному архитектору П. Ю. Сюзору, и с ним трудно не согласиться.

В Петербурге извилистых улиц не встретишь, но переулки и улицы, имеющие коленообразную форму, встретить можно. Таковы Малый проспект Петроградской стороны, Митавский и Днепровский переулки. Но Большой и Малый Казачьи переулки, пожалуй, уникальны: их конфигурация очень необычна, они связывают три важные магистрали: Загородный проспект, Гороховую улицу и набережную реки Фонтанки. Переулки насыщены памятниками истории, дома органично вписаны в панораму города.

Впервые название Казачий, или Казацкий переулоч стало упоминаться в конце XVIII в. Наименование произошло от находившегося на Фонтанке Донского Казачьего подворья. На плане города 1796 г. на отрезке от нынешней Гороховой улицы до поворота обозначена церковь св. Мученика Севастьяна, а за ней Казачий двор. О пребывании казаков на Фонтанке писала газета «Санкт-Петербургские ведомости»: «У Семеновского мосту, на Донском Казачьем подворье, продаются самые лучшие красные Донские вина, ведро по 6 рублей»¹.

К началу XIX в. казаки стали готовиться к переезду, продавать имущество, и опять «Санкт-Петербургские ведомости» не преминули отразить эти события. «В прежнем Козацком доме, что в Московской части в 4 квартале, близ Семеновского мосту, отдаются в наймы разные покои, так же оранжереи и парники»².

Из-за своей необычной двойной конфигурации переулоч иногда называли Кривым (первая треть XIX в.). Это были три отрезка под одним именем, но с разной нумерацией.

¹Иванов А. А. История Петербурга в старых объявлениях. М., 2008. С. 308.

²Там же. С. 450.

От Гороховой улицы до поворота шел Казачий переулок № 1. От Фонтанки до Казачьего переулка № 1 — Казачий переулок № 2. А от поворота до Загородного проспекта — Казачий переулок № 3. В 1880 г. первый и третий переулки объединили в Большой Казачий переулок, а Казачий переулок № 2 стал Малым Казачьим.

С 1925 по 1993 г. оба переулка носили одно наименование — переулок Ильича — по находившемуся в доме № 7 мемориальному музею-квартире № 13, где в 1894–1895 гг. жил В. И. Ульянов (Ленин). В 1993 г., когда в Петербурге стали возвращать улицам старые наименования, по инициативе казаков, проживающих в нашем городе, переулкам вернули прежнее имя¹.

Переулок только с виду простоват, но это настоящая ловушка, которая захлопывается в центре, при слиянии всех трех отрезков. Именно здесь разыгрывается главная партия, проявляется характер квартала, даже его интеллект. Это квартал, который весь в себе, а не наружу. Он не любит пускать к себе посторонних. Возможно, причиной тому тяжелое окружение переулка. На Гороховой, 38 Достоевский поселил Парфена Рогожина. В непосредственной близости от переулка, на Фонтанке, находилась знаменитая Обуховская больница, в 17 «нумере» которой сидел сошедший с ума пушкинский Германн из «Пиковой дамы». Да и обитатели Казачьего переулка, не вымышленные, а настоящие, также были людьми не однозначными.

И хотя домов здесь немного (шесть по четной стороне, семь по нечетной), но в переулок обязательно надо придти, чтобы увидеть разнообразие открывающихся перспектив, оценить архитектурные особенности и взаимосвязь его домов, понять уникальность Большого и Малого Казачьих переулков.

Большой Казачий пер., 1 — Гороховая ул., 61. Пятиэтажный угловой дом, построенный в 1901–1902 гг. техником И. Н. Иорсом для потомственного почетного гражданина Михаила Ивановича Дернова и его супруги Екатерины Александровны, на имя которой дом и был записан. Здание имеет важное градостроительное значение, от него открывается впечатляющий вид на соседние дома. Фасад обильно украшен лепным декором, первый этаж прорезают огромные витринные окна, сложной конфигурации купол венчает угловой эркер с тонко прорисованным флюгером.

¹ См.: Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. Петербург в названиях улиц. Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. М., 2009. С. 241.

В конце XVIII в. на участке стоял деревянный дом купца Сергея Касимцева, перешедший в 1804 г. к портному Михаилу Перхину. При новом владельце, известном мореплавателе Ю. Ф. Лисянском, в 1822 г. был построен новый каменный дом, которым он владел до 1832 г. На тот момент дом был трехэтажным, здесь у Лисянского родился сын Платон, в дальнейшем адмирал русского флота. Юрий Федорович Лисянский, участник морских боев со шведами, совершил вместе с И. Ф. Крузенштерном, с которым подружился еще во время обучения в Морском Кадетском корпусе, кругосветное путешествие, побывав у берегов Аляски. В честь Лисянского назван мыс, пролив и полуостров у побережья Аляски.

Большой Казачий пер., 2 — Гороховая ул., 63. В 2009 г. на пустующем участке по проекту архитектора В. Н. Питанина был построен шестиэтажный дом, где расположился бизнес-центр класса А компании «Петербург-Газ». Угловой фасад дома выделен полукруглым эркером с голубоватыми светоотражающими стеклами, венчается эркер лучковым фронтоном с лепным декором в виде крылатых львов, уверенно держащих лапы на морском якорю. Фасады дома по Гороховой улице и Казачьему переулку украшены такого же тонированного стекла эркерами и небольшими балконами.

Существовавший на этом месте четырехэтажный дом исчез в конце 1970-х, перед Олимпиадой-80. С 70-х гг. XVIII в. на этом участке был каменный дом, принадлежавший жене чиновника Главной полиции И. Г. Вязминой. В 1782 г. дом был продан секретарю Государственного банка для дворянства В. В. Цыгорову. С 1831 по 1837 г. в доме Цыгорова снимал квартиру овдовевший к этому времени архитектор Василий Петрович Стасов с детьми. В 1874 г. новый владелец дома, потомственный почетный гражданин В. Г. Петров, перестраивает здание. Новый четырехэтажный дом имел скошенный угол, фасад украшали небольшие балконы¹.

Елена Захарова, жившая в этом доме до его расселения, письменно сообщила автору статьи: «Про наш старый дом я помню вот что: Дом начали расселять в 1979 г., чтобы затем поставить на капитальный ремонт. Мы были последними жильцами, выехали в ноябре 1979 г. <...> Лестница была широкая и ступеньки не высокие. Первая часть

¹Об истории домов № 1 и 2 по Б. Казачьему пер. см. также: Бройтман Л. И. Гороховая улица. СПб., 2010. С. 312–318.

лестницы — от входа до маленькой площадочки; вторая часть лестницы — от этой площадочки до площадки, на которой были двери в квартиры. Так и шла лестница — широко, неспешно, как-то по-барски. От этого и лестничный пролет был очень широкий — почти шириной в сам дом <...> Вход с лестницы был прямо в комнату, видимо, ранее служившую бальной залой. Комната была огромная, абсолютно круглая, с тремя высокими окнами напротив входной двери. Окна имели полуметровой ширины подоконники, на которых и моя мама, и я любили летом лежать и книжки читать<...> Огромные круглые комнаты явно повторялись и на других этажах, потому что сам дом был сделан как “раскрытая книга” — где “крылья” дома шли не под прямым углом, а под развернутым).

Большой Казачий пер., 3. Очень скромный четырехэтажный дом. Фасад его оштукатурен и однотонно окрашен в желтый цвет, из декоративного убранства только классицистические наличники окон третьего этажа и чугунный зонтик на декорированных кронштейнах. В 80-е гг. XIX в. дом принадлежал 2-й гильдии купцу И. Е. Матвееву. В глубине двора тогда же был построен двухэтажный каменный флигель (сохранился). Сам хозяин занимал шестикомнатную квартиру, в небольшой трехкомнатной квартире проживал редактор газеты «Новое время» М. Ф. Федоров. В 1896 г. имущество перешло во владение санкт-петербургского ремесленника И. М. Матвеева, который частично перестроил дом и дворовые флигели, но этажность дома оставил прежней. С 1898 по 1915 г. участком с постройками владел коллежский советник В. Д. Иванов. В доме проживали дворяне, купцы, ремесленники, мелкие служащие. После кончины В. Д. Иванова до 1917 г. домом владели его наследники¹.

Большой Казачий пер., 4. Выразительный по силуэту шестиэтажный дом построен в 1914–1915 гг. архитектором С. Г. Гингером². Фасад дома украшают две граненые башни, которые вносят некую суровость в облик здания. Первые два этажа с огромными витринными окнами облицованы гранитом. Дом имеет подвесной двор-курдонер, дворовый фасад украшен барельефным лепным декором, изображающим древнеримских всадников и юных ваятелей.

¹ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 6020.

²Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : Справочник / Авт.-сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков. СПб., 1996. С. 97. Далее атрибуция зданий соответствующего периода дается по этому справочнику.

Большой *Казачий пер.*, 5 – 1832, арх. В. Е. Морган; 1905, техник И. И. Гаврилов (перестройка). Пятиэтажный доходный дом принадлежал ветеринарному врачу Николаю Николаевичу Кривоногову. Интересно декоративное решение фасада здания: на высоту четырех этажей дом облицован декоративным кирпичом в два цвета, между окнами третьего и четвертого этажей обильный лепной декор в виде гирлянд.

В первой трети XIX в. на участке стоял трехэтажный каменный дом первой гильдии купца Ф. П. Никифорова. Во дворе были построены двухэтажные каменные службы. Интересно, что и квартиры в этом доме снимали только купцы. После смерти Никифорова в 1869 г. дом был выставлен на продажу. В 1873 г. его приобрел статский советник Ю. Ф. Эдельберг, проживавший на Б. Конюшенной ул., 6. В доме снимали квартиры ремесленники: обойщик, бронзовщик, портной, скорняжных дел мастер, словом — мелкая сошка. Существующий дом был перестроен и надстроен для Н. Н. Кривоногова. А после его кончины в 1913 г. дом перешел его племяннику, тоже Николаю Николаевичу Кривоногову¹.

Большой Казачий пер., № 6, 8. Интересна история этих двух соседних домов, построенных практически одновременно одним архитектором — П. Н. Батуевым.

Большой двойной участок, протянувшийся чуть ли не до Загородного проспекта, в первой трети XIX в. принадлежал купцу Д. Д. Дмитриеву. На участке дома № 6 в первой трети XIX в. стоял двухэтажный, с мезонином, смешанной постройки дом, в котором с 1828 по 1832 г. снимала квартиру Ольга Сергеевна Павлицева, сестра А. С. Пушкина. Венчание с Н. И. Павлицевым в 1928 г. было тайное, против воли родителей невесты, которым не нравилось, что жених был моложе невесты на пять лет и не богат. Вместе с Павлицевыми в Казачий переулок переехала и няня Пушкиных — Арина Родионовна, но прожила на новом месте недолго, скончалась в том же 1828 г. В скором времени Н. И. Павлицев покинул Петербург, получив место управляющего канцелярией генерал-интенданта действующей армии Ф. И. Ангеля в Варшаве. Сохранились письма Ольги Сергеевны к мужу, где она описывает петербургскую жизнь с холерной эпидемией, жалуется на грубость домовладельца Дмитриева, который угрожал прибить Жанно (собачку), а заодно и прислугу, и вообще запрещал ей пользоваться

¹ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1623.

катком, залитым зимой в саду дома. В квартире частыми гостями были А. Мицкевич, В. Жуковский, М. Глинка, Е. Баратынский, П. Вяземский.

Существующий ныне пятиэтажный дом № 6 построен в 1901–1903 гг. инженером П. Н. Батуевым для коммерции советника М. В. Захарова. Фасад дома обильно украшен лепным декором, имеет оригинальное завершение башенками-куполами. На лестнице в верхних фрамугах окон сохранились цветные витражи, изображающие розы и лесные ягоды. На первой лестничной площадке у лифта, на одной из метлахских плиток пола сохранилась реклама с адресом торговой фирмы «С. М. Линднер», продававшей отделочные и строительные материалы.

Этот довольно внушительных размеров дом с двумя внутренними дворами (по старой нумерации дом № 4) — один из петербургских адресов Василия Васильевича Розанова, русского религиозного философа, публициста, литературного критика. Здесь, в квартире № 12, писатель жил с семьей в 1905–1910 гг. «Квартиры в Петербурге у нас были большие, часто менялись, так как отец не переносил ремонтов в квартире, и поэтому, когда вставал вопрос о необходимости ремонта, — подыскивалась новая квартира, и мы вновь переезжали», — вспоминала старшая дочь философа Татьяна Васильевна Розанова¹.

Именно в эти годы у Розанова, постоянного сотрудника газеты «Новое время», довольно высокие гонорары, он много издается. Жизнь в Казачьем переулке наполнена каждодневным литературным трудом, сюда на его знаменитые «воскресенья» собираются представители литературы и искусства: А. Белый, В. Иванов, Ф. Сологуб, А. Ремизов. Семья была вынуждена покинуть квартиру в Казачьем переулке из-за случившегося осенью 1910 г. недуга Варвары Дмитриевны, жены философа. «Писательство есть Рок. Писательство есть *fatum*. Писательство есть несчастье», — запишет Розанов позже, 3 мая 1912 года².

Доходный дом № 8 по Большому Казачьему переулку получил свой неоклассицистический вид в 1904 г., после перестройки инженером П. Н. Батуевым для 2-й гильдии купчихи Эмилии Шрейбер³. От этого

¹Розанова Т. В. Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье / Вступ. ст., примеч. М. М. Павловой // Рус. литература. 1998. № 3. С. 209–232.

²Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В. В. Собрание сочинений. М.; СПб., 2010. Т. 30. Листва. С. 82.

³ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9298.

дома Большой Казачий переулочек делает поворот влево к Загородному проспекту.

Жизнь обитателей дома № 8 (по прежней нумерации № 6) предстает перед нами на страницах книги «Дневник актрисы», написанной народной артисткой СССР Татьяной Васильевной Дорониной. В этом доме 12 сентября 1933 г. она родилась. Здесь, в большой коммунальной квартире, где кроме семьи Дорониных проживало еще семь семей, прошли детство и юность актрисы. «В комнате стояло огромное трюмо светлого дерева, висела люстра с длинными звенящими висюльками на пять лампочек, на стене висела картина с цыганками, в углу стоял большой буфет, тоже светлый со стеклянными дверцами»¹. Имущество, некогда принадлежавшее прежним владельцам всей квартиры, досталось соседям после уплотнения. В книге красочно описан довоенный и послевоенный Ленинград, Казачий переулочек, бани в Казачьем, булочная напротив, в доме № 9.

Большой Казачий пер., 7 — Малый Казачий пер., 4. Скромного вида и один из старейших домов в переулке. До сих пор сохранился каменный трехэтажный корпус с треугольным фронтоном по Малому Казачьему переулку, построенный в 1825 г. для купца Архипа Гаврилова. Существующий дом и дворовые флигели были перестроены архитектором В. А. Лучинским в 1901 г. для полковника Василия Михайловича Цыркова. Дом много раз менял владельцев. Квартиры были небольшие и стоили недорого. В первом этаже имелись торговые помещения: пивная, овощная, мелочная лавки².

В феврале 1894 г. из Лештукова переулочка в квартиру № 13 переезжает присяжный поверенный Владимир Ильич Ульянов (Ленин), будущий создатель и руководитель советского государства. Здесь по апрель 1895 г. он снимал комнату в трехкомнатной квартире у Фердинанда и Шарлотты Боде. О жизни Ленина в Казачьем переулочке рассказывает экспозиция музея, который был создан как «красный уголок» в 1924 г. после смерти вождя, а с 1938 г. стал музеем.

Большой Казачий пер., 9 — Малый Казачий пер., 3 — один из интереснейших домов в переулке, построенный в 1905–1906 гг. архитектором А. М. Шильцовым. Огромный дом включает в себя старую

¹Доронина Т. В. Дневник актрисы; Монологи. М., 2005. С. 8–15.

²ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4839.

постройку 1830-х гг. по Малому Казачьему переулку. С годами довольно обширный участок застраивался. В 1870 г. здесь были построены трехэтажный каменный дом, трехэтажный каменный флигель и одноэтажные каменные службы в глубине участка. Это недвижимое имущество принадлежало купчихе Н. С. Гречишкиной. Дом был населен крестьянами, мещанами, купцами. Менялись владельцы, постройки ветшали. Резкие перемены в жизнь дома внес 1905 г., когда этот обширный участок купил санкт-петербургский мещанин Ф. И. Кривдин. При нем возводятся новые корпуса, перестраиваются и надстраиваются старые. Фасад дома по Большому Казачьему переулку богато декорировали лепниной, вся архитектурная партия сосредоточилась в угловой части здания, где рисунок выпуклых балконов повторен в изгибах оконных переплетов.

В доме имелись квартиры разного достоинства. Так, за двенадцатикомнатную квартиру № 26 на втором этаже некая П. Т. Матвеева платила 2 тысячи рублей в год. Имелись и 15-тикомнатные квартиры с тремя входами, двумя прихожими, двумя коридорами, ванными и т. д. Стоили такие квартиры 3600 рублей в год. Сам домовладелец занимал две четырехкомнатные квартиры четвертого этажа. В 1906 г. был достроен до шести этажей надворный флигель и закончена постройка лицевого флигеля по Большому Казачьему. Несмотря на то, что в доме продолжали идти отделочные работы, он стал активно заселяться. В первом этаже с угла была открыта булочная, в шестиэтажном надворном флигеле была швейцарская и дворницкая, в первом этаже — типография товарищества «Дело», слесарная мастерская, два каретных сарая.

Из-за материальных затруднений в декабре 1906 г. Кривдин был вынужден расстаться со своим домом. Его приобрел флигель-адъютант, полковник, граф Андрей Петрович Шувалов. Сам домовладелец проживал в гостинице «Европейская». При Шувалове в корпусе по Малому Казачьему переулку был открыт трактир без крепких напитков Павлова, а в 1915 г. две большие квартиры второго этажа, № 66 и 74, были отданы под лазарет для офицеров и чиновников 9-го корпуса государственного ополчения. В квартирах № 67, 68, 75 третьего этажа находилась торговая школа К. С. Тиберга (всего 10 комнат). В левом надворном флигеле была прачечная в первом этаже, в среднем надворном флигеле — контора графа А. П. Шувалова. В заднем малом надворном флигеле находились гараж Ф. Н. Фальковского и склад Ивана Спиридонова.

В мае 1915 г. имущество перешло во владение отставного генерал-майора Н. А. Невельского, владевшего домом до 1918 г.¹

Этот дом стал героем повести «Крестовые сестры» известного русского писателя Алексея Михайловича Ремизова; писатель назвал его «Бурков дом» по фамилии вымышленного владельца. О жизни дома писатель был детально осведомлен, знал обо всех его бытовых перипетиях, так как сам жил здесь с 1907 по 1910 год.

«“Бурков дом — весь Петербург!” Так любили говорить на Бурковом дворе. Парадный конец дома в переулок к казармам — квартиры богатые. Там живет сам хозяин Бурков — бывший губернатор<...>. Этажом выше — присяжный поверенный Амстердамский, две квартиры занимает. Еще выше — Ошурковы муж с женою — десять комнат, все десять разными мелкими вещичками поизнаставлены и аквариум с рыбками, прислуга то и дело меняется. <...> Самого Буркова никто не видал <...>. Всякий день в полдень по пушке на дворе <...> бурковская горничная Сусанна <...> водит по двору красивую губернаторскую собаку — рыжего пса Ревизора, едва сдерживая стальную докучливую цепь. По середам во двор выносятся ковры, а перед праздниками мягкая мебель, и полотеры вытряхивают и выбивают так усердно и с таким громом, что иной раз кажется, на Неве из пушек палят».

На черном конце дома Ремизов «поселил» героя повести Маракулина и опять до мельчайших подробностей описал «другой» Петербург, с маленькими людьми, страдающими, пьющими, нервными, пассивными.

«Черный конец дома — квартиры маленькие и жильцы средние, а больше мелкие. Тут и сапожник, и портной, пекаря <...>. Тут же и углы»; «...свадьбы, покойники, случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, караул и участок, и не то человек кричит, не то кошка мяучит, не то душат кого-то, — так всякий день. “Бурков дом — суцая Вязьма!”»².

Жизнь в Казачьем переулке была наполнена встречами с Василием Васильевичем Розановым, которого Алексей Михайлович очень ценил. Писателей связывало многое. Оба были людьми не богемными и

¹ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Дд. 2512-а., 2512-б.

²Здесь и выше цит. по: Ремизов А. М. Крестовые сестры : Повесть. М., 1989. С. 18–23.

Вязьма, Вяземская лавра — обиходное название дома кн. А. В. Вяземского в окрестностях Сенного рынка, притон, населенный маргиналами.

предпочитали жизнь семейную, домашнюю. Обоих завораживала магия слова, они боролись с его омертвлением, измученностью слова в газетной толчее. Розановы принимали самое горячее участие в жизни Ремизовых, часто одалживали им деньги, дарили необходимые вещи, приглашали к себе в Гатчину на дачу. В эмиграции Ремизов продолжал вести диалог с Розановым, которого уже не было в живых, и создал в 1923 г. своеобразную переписку — диалог в письмах. Это его «автобиографическое пространство».

— Скажите, Василий Васильевич, который теперь час у вас там в вечности?

— Вечер?

— Нет еще?¹

Большой Казачий пер., 11 — доходный дом и народные бани Е. С. Егорова. 1875–1876, 1882–1885 гг., арх. П. Ю. Сюзор.

Глядя на сегодняшнее состояние сразу нескольких домов под одним № 11 трудно поверить, что перед нами одни из самых знаменитых и некогда роскошных бань в Петербурге с громким названием — «Дом народного здравия». Инициатором строительства и владельцем бань был Ефим Савельевич Егоров, действительный статский советник, крупный представитель оптовой и розничной торговли, член многих благотворительных организаций, в 70–80-е гг. XIX в. — гласный Городской думы, выборный от петербургского купеческого сословия. Имел мануфактурные кладовые в Апраксином дворе, доходные дома в Петербурге. Его называли пионером отечественной промышленности, многие московские фабрики были обязаны ему развитием своего производства. Егоров был выходцем из старообрядческой семьи, своим авторитетом не раз спасал старообрядцев от гонений².

Автор проекта архитектор П. Ю. Сюзор получил за него в 1876 г. в Вене золотую медаль. Ефим Савельевич Егоров потратил на строительство «Дома народного здравия», роскошного банного комплекса, настоящего дворца в купеческом представлении, огромные средства.

Здания частично были шестизэтажными с мансардой, частично двухэтажными. От поворота до Загородного проспекта Казачий

¹ Ремизов А. М. Кукха. Розановы письма // Ремизов А. М. Собрание сочинений. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 131.

² См.: Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга : Ист. справочник. СПб., 2000. С. 175–176.

переулок очень узкий, и поэтому корпуса имели ступенчатый фасад. На красную линию выходили двухэтажные постройки, в глубину участка уходившие третьим, четвертым и пятыми этажами. Бани строились долго, Егоров так и не увидел их торжественного открытия. Уже отдавались последние распоряжения, набирали штат прислуги, но накануне открытия хорошо чувствовавший себя хозяин неожиданно скончался. Это случилось 26 января 1895 г.

Конкурсное управление по делам покойного начало подыскивать покупателя на здание бань с предложением частичного переустройства их под жильё. Покупатель нашёлся в лице дворянина Эдгара Александровича фон Геймана. Бани продолжали занимать большую часть зданий, включали в себя разного достоинства и назначения кабинеты: русские бани, римско-турецкие, лечебные (душ Шарко впервые опробовали здесь), серные и соляные, песочные. Посетителям предлагался электромассаж, гимнастический зал, бассейн с подогревом, ресторан, бильярд, читальня, гостиница. При бане работала прачечная, сушильня, гладильня; в дешёвых отделениях помимо классов, работала чайная и пивная. Посетители дорогих и дешёвых номеров никогда не пересекались друг с другом, так как ходили по разным лестницам.

В 1896 г. опять встал вопрос о переделке бань с приспособлением под жильё. Трудностей возникло немало, так как многие помещения были очень больших размеров и слабо освещены. Квартиры, которые предполагалось сдавать ремесленникам, заселялись плохо, поскольку многочисленные дворы были тесны и неудобны для следования подвод с товаром. Некоторые лестницы были направлены таким образом, что по ним ходили и в бани, и в квартиры.

Но все-таки в 1898 г., уже при новом владельце, рижском первой гильдии купце Александре Соломоновиче фон Геймане, обновленный банный комплекс заработал. Он стал напоминать Ноев ковчег: бани еще занимали четыре этажа, но почти все помещения главного шестизэтажного корпуса были отданы Центральному статистическому комитету Министерства внутренних дел; здесь же находились ресторан Г. Ракутина, занимавший 7 комнат, квартиры, прачечная и квасная. С 1900 г. имуществом управляет сын Александра Соломоновича — Феликс Александрович фон Гейман. Но недолго. В 1902 г., после смерти мужа Александра Соломоновича, в дело вступила Фелиция Максимовна фон Гейман. Но, видимо, управлять таким сложным комплексом ей было нелегко, и в 1908 г. за недоимки имущество было продано Рижскому Биржевому банку.

Как выглядел на тот момент бывший «Дом народного здоровья»? Большую часть флигелей по-прежнему занимали бани. Здесь же располагались химический завод, художественная типо-литография, прачечное и квасное заведения, общежитие Обуховской городской больницы, помещение для собрания баптистов, мелкие квартиры, комнаты и т.д. Пожары, которые здесь случались, еще до 1917 г. уничтожили некоторые банные помещения. Но роскошный вестибюль с мраморной лестницей, бассейн еще существовали в этом здании до капитального ремонта 1960-х гг., в результате которого было утрачено остатки бывшего убранства¹.

Большой Казачий пер., 13 — Загородный пр., 45. Доходный дом А. Н. Штальман — 1906–1907 гг., инж. И. Ю. Мошинский.

Интересный и один из самых заметных домов Казачьего переулка и Загородного проспекта. Парадный фасад выходит на Загородный проспект и оформлен с элементами модерна. Отделка фактурной штукатуркой и желтым кирпичом, различные по конфигурации оконные проемы, лепной декор в виде женских масок, совы, гирлянды, ленты, военная арматура над парадным входом выделяют его из окружающей застройки. Интересное решение получил небольшой вход с угла, чуть выступающий из основного объема здания и украшенный завитками волют. К сожалению, дом потерял свой вертикальный акцент — угловую башенку сложной конфигурации.

В 60-е гг. XIX в. на участке стоял каменный трехэтажный дом с каменными жилыми флигелями, принадлежавший вдове чиновника 8-го класса Н. И. Петровой. Весь первый этаж был отдан под торговые заведения: водочный магазин, мелочную лавку, трактир. Сама вдова проживала здесь же, занимая семь комнат в корпусе по Большому Казачьему переулку. Менялись владельцы, ныне существующий дом был построен для вдовы генерал-лейтенанта Анны Николаевны Штальман². Дом частично пяти-, частично шестиэтажный с мансардой на подвалах. Весь первый этаж по Загородному проспекту отдавался под магазины, в остальных этажах 6–8 комнатные квартиры, в мансарде

¹ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7244.

²Предположительно, речь идет о Николае Корниловиче Штальмане. Умер 28 июня 1905 г. в С.-Петербурге. См.: Волков С. В. Генералитет Российской Империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. : В 2 т. М., 2009. Т. 2. Л–Я.

фотоателье. По Казачьему переулку во всех этажах располагались меблированные комнаты. В апреле 1910 г. имущество перешло в собственность графа Александра Алексеевича Мусина-Пушкина¹, владевшего домом до 1918 г. Сам домовладелец жил на Сергиевской ул. (ныне ул. Чайковского), 20. При нем в доме среди прочих работали: гастрономический магазин, парикмахерская, мелочная торговля, в 1917 г. «Курляндская пекарня» и кондитерская П. И. Элрета².

В 1908 г. комнату № 39 по Казачьему переулку, 13 снимала одна из самых экстравагантных женщин Серебряного века Паллада Олимпиаевна Богданова-Бельская. В Петербурге начала XX в. она была очень знаменита. Невысокого роста, щуплого телосложения, в ярких вызывающих нарядах, она эпатировала своим поведением добропорядочных горожан. О ней говорили, ее осуждали, ей хотели подражать. Перешептываясь, обсуждали ее «афинские вечера», ее возлюбленных. К описываемому периоду уже мало что осталось от родительского наследства, и местом проживания был выбран Казачий переулок, причем дважды. В 1915 г. Паллада жила в доме № 9, который имел вход в Егоровские бани. Георгий Иванов писал, что она переехала в здание бань, когда деньги закончились. «С неудобством новой квартиры ее мирило именно то, что она помещалась в банях. Не правда ли, как экстравагантно! Где вы живете? — В бане. Звонят в телефон. — Это баня? Попросите Палладу Олимпиаевну. — Сию минуту. Адски шикарно!»³

Казачий переулок только с виду простоват. Это настоящий памятник истории и культуры Петербурга, архитектурный коридор под открытым небом. И неслучайно он оказался местом проживания такого количества интересных людей.

«Природа рождает людей, жизнь их хоронит, а история воскрешает, блуждая по их могилам»⁴.

¹Александр Алексеевич Мусин-Пушкин (1855–1918) — гофмейстер, сенатор. Служил в Министерстве народного просвещения. Попечитель Одесского и Петербургских учебных округов, владел крупным доходным домом на Каменноостровском пр., 31–33.

²ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2011.

³Барон и Муза. Барон Н. Н. Врангель. Паллада Богданова-Бельская / Сост. А. А. Мурашев и А. Ю. Скаков. СПб., 2001. С. 119–155.

⁴Ключевский В. О. Собрание сочинений : В 9 т. М., 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 425.

М. Б. Шарапова
«ДОМ С РОТОНДОЙ»,
ЕГО ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ОБИТАТЕЛИ

У дома, расположенного на углу набережной реки Фонтанки, 81 и Гороховой улицы, 57, есть особое название. Благодаря круглому в плане помещению парадной лестницы его назвали «Домом с ротондой». На охранной табличке значатся две фамилии: Яковлевых и Евментьева. Это фамилии первых и последнего владельцев дома.

Яковлевы — потомки одного из самых крупных российских заводчиков XVIII в. Саввы Яковлевича Яковлева. Его внуки, дети старшего сына Михаила, унаследовали этот участок земли на берегу Фонтанки после смерти деда в 1784 г. Их отец, Михаил Саввич, умер за три года до этого. Как явствует из метрической книги Успенско-Сенновской церкви, титулярный советник Михаил Саввич и его жена Стефанида Степановна внезапно умерли «горячкою» с разницей в несколько дней. После смерти родителей внуки остались на попечении Саввы Яковлевича.

В Табели оценки домов 1804 г. первым владельцем «дома с ротондой» значится Николай Михайлович, старший внук Саввы Яковлевича¹. Причем, судя по стоимости оценки, дом изначально был построен с размахом. Для сравнения: его оценка — 65 тыс. рублей, тогда как дома А. А. Полторацкой и А. Н. Оленина на Фонтанке

¹Табель означавшая полупроцентный сбор в доход городу подлежащий по силе имянного Его Императорского Величества высочайшего указа, состоящегося сего 1804 года генваря в 19 день, с оценки произведенной городского общества гласными депутатами и старостами обывательских домов и мест в Петербурге. СПб., 1804.

(в современной нумерации №№ 97, 99 и 101) были оценены соответственно в 35, 28 и 33 тыс. рублей.

Здание построено в стиле классицизма, архитектор неизвестен. Если предположить, что сначала вдоль Фонтанки был построен дом с ротондой — парадным входом, а уже затем пристроен корпус вдоль Гороховой, то более объяснимым выглядит ризалит со стороны Гороховой, край которого проходит как раз по линии соединения со вторым зданием, что ясно видно на чертеже 1828 г.¹

Первый владелец дома, Николай Михайлович Яковлев (1761–1813), дослужившись до чина надворного советника в Государственной коллегии иностранных дел, вышел в отставку в 1809 г., получил орден Св. Анны 2 степени². Скорее всего, это было связано с крупным пожертвованием. Награждение за дела благотворительности было распространенным явлением в России. Делами Большой Ярославской мануфактуры и фабрик, доставшихся всем внукам на долю отца, он не занимался. По общей договоренности между братьями, которые эту часть наследства делить не стали, управлял всем средний брат, Иван Михайлович, который с юности приобщался дедом к делам заводов и имел определенный опыт. Семья Ивана Михайловича жила в соседнем доме по набережной Фонтанки, 83 (в современной нумерации). Николай Михайлович скончался на 52-м году жизни, был похоронен неподалеку от могил своих родителей на Лазаревском кладбище. Дом перешел к его вдове.

Дарья Семеновна Яковлева, урожденная грузинская княжна Баратова, пережила мужа на 40 лет. Первые годы все складывалось удачно: Ярославская мануфактура и фабрики приносили значительные доходы. Сын Павел служил коллежским регистратором в канцелярии Министерства внутренних дел, а младший сын Виктор оставался при матери. Дочь Мария вышла замуж за служившего в кавалерии, награжденного многими орденами Егора Антоновича Бистрома. Этот брак, скорее всего, был совершен по любви, т. к. Егор Антонович был из прославленной, но небогатой и нетитулованной семьи.

Но с конца 1820-х гг. все изменилось. В 1828 г. на кавказском фронте погибает зять, генерал-майор, командир бригады Уланской дивизии Егор Антонович Бистром 3-й³. Через пять лет умирает сын

¹ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9940. Л. 1.

²РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 455. Л. 95.

³См.: Русский инвалид. 1828. № 318.

Виктор, к тому времени ставший поручиком¹. Некогда доходная большая Ярославская мануфактура становится убыточной. После смерти Ивана Михайловича, долгие годы руководившего ею, наследники не могли прийти к единому мнению о методах управления и со временем раскололись на группы, превратившись в непримиримых врагов. Примером тому стали Дарья Семеновна с сыном Павлом. Отношения матери с сыном прекратились. Он постоянно жил отдельно на даче, расположенной на Никольской улице Выборгского участка² (ныне это часть Лисичанской улицы). В итоге Дарья Семеновна лишила сына наследства.

Для того чтобы восполнить недостающие средства, Яковлева начинает сдавать квартиры. Среди ее постояльцев, а может быть, и в качестве гостя в середине 1830-х гг. три года жил Александр Гарсеванович Чавчавадзе³. Вероятно, неслучайно грузинский князь поселился в доме грузинской княжны, тем более что грузинский вариант ее девичьей фамилии — Бараташвили.

Но самым большим несчастьем семьи было душевное состояние дочери Марии. При жизни матери тщательно скрывалось, что Мария безумна. Через год после смерти Дарьи Семеновны (1852)⁴ этот факт был обнародован. Бывший когда-то доверенным лицом вдовы Яковлевой отставной генерал-майор Владимир Петрович Жуковский, воспользовавшись болезнью Марии Николаевны, получил от нее неограниченную доверенность. Павел Николаевич однажды уже оплатил долги матери, сделанные из-за недобросовестности Жуковского. Поэтому теперь, защищая интересы сестры, он был вынужден обратиться к предводителю дворянства Н. А. Безобразову с просьбой освидетельствовать доверительницу и признать доверенность недействительной, т. к. Мария

¹Совпадение фамилии, имени, отчества и даты рождения (РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 455. Л. 95 об.) с указанными на памятнике подтверждает предположение о том, что В. Н. Яковлев захоронен на том же Лазаревском кладбище, где были захоронены два предыдущих поколения потомков Саввы Яковлева, в том числе отец Виктора — Николай Михайлович Яковлев. Захоронение и памятник В. Н. Яковлева находится у стены, рядом с Лазаревской усыпальницей, № 772 по плану Некрополя. См.: Некрополь XVIII века (Лазаревское кладбище). Лазаревская усыпальница. СПб., 2006. С. 156.

²РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

³См.: Андроников И. Собрание сочинений : В 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 379.

⁴РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 66. Ранее год смерти Д. С. Яковлевой был неизвестен.

Николаевна «находится не в полном разсудке»¹. О слабости здоровья дочери упоминает и Дарья Семеновна в своем завещании². А из письма Жуковского Безобразову выясняется, что Мария Николаевна уже «более 30-ти лет ведет жизнь затворническую»³. Скорее всего, это с самого начала объяснялось болезнью женщины.

В 1828 г. Дарья Семеновна написала прошение о надстройке первоначально двухэтажного флигеля во дворе еще одним этажом. Во флигеле были устроены лестница и ледник. В отличие от всех других входных дверей со двора, центральный вход в этот флигель оформлен достаточно парадно: более широкие ступени и небольшие пилястры⁴. Можно предположить, что эта постройка использовалась хозяйкой как жилое помещение. Уединенный флигель в глубине двора был наиболее удобен для душевнобольной Марии Николаевны, состояние которой тщательно скрывалось. На эту мысль наводит и прошение действительного статского советника М. Я. Вейсберга, купившего в середине 1850-х гг. соседний участок. Он обратился в Строительный комитет с жалобой на 18 окон, пробитых в брандмауэрной стене флигеля Яковлевой, выходящих на его участок⁵.

Переписка Павла Николаевича Яковлева, В. П. Жуковского и Н. А. Безобразова затянулась. Павел Николаевич в своих письмах сетовал на бесконечную переадресацию его прошений из одной инстанции в другую. Через пять лет он умер и был похоронен на Смоленском кладбище. Из протокола гражданского суда 1859 г. явствует, что его единственной наследницей стала сестра Мария Николаевна, состоящая под опекой своих двоюродных братьев Яковлевых⁶.

Еще при жизни Павла Николаевича были сделаны некоторые работы по изменению облика дома. В 1856 г. по проекту Е. И. Ферри де Пиньи была пробита дверь на месте окна фасада вдоль Гороховой, а также получено разрешение на «устройство колонной лестницы на 2-й этаж»⁷. В литературе указывается именно этот год как год установки чугунной лестницы в ротонде. Мне не удалось найти подтверждение

¹ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 14052. Л. 1.

² РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4.

³ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 14052. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9940.

⁵ Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2380.

⁶ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9940. Л. 11.

этому, а вышеназванное разрешение соответствует плану лестницы от пробитого входа со стороны Гороховой. Хотя, несомненно, ныне существующая лестница в ротонде не является первоначальной.

В дальнейшем, после смерти Павла Николаевича, был сделан еще ряд изменений в облике дома и прилегающей территории, в том числе было получено разрешение на «устройство железного на чугунных колонках зонтика» на центральном фасаде вдоль Фонтанки (зонтик не сохранился) и по проекту архитектора В. Я. Лангвагена было выполнено ограждение вдоль Гороховой улицы¹. Это ограждение сохранялось до постройки в 1940 г. по проекту архитектора Л. М. Хидекеля здания школы (ныне Ленинградский колледж культуры и искусства).

В 1868 г. «умалишенная вдова генерал-майора Мария Бистром»² была принята в ведение дворянской опеки. Она скончалась в лечебнице умалишенных Ведомства Императрицы Марии Федоровны в 1870 г. в возрасте 74 лет³. На ней эта ветвь семьи Саввы Яковлева прервалась. Наследники Марии Бистром, двоюродные братья Яковлевы, к началу 1890-х гг. продали «дом с ротондой» частями.

Часть дома выкупил Петр Иванович Ротин. Еще в 1866 г. он открыл в доме на Фонтанке гостиницу. После смерти отца ему отошли еще 5 заведений, и в том числе на углу Невского и Владимирского проспектов. Этой гостиницей, названной «Москва», он владел около 15-ти лет, а затем продал младшему брату Федору Ивановичу Ротину. В дальнейшем Петр Иванович все свои заведения превращает в трактиры. С годами он постепенно продает их, переезжает в собственный дом на Шпалерной и все больше занимается общественной деятельностью. С 1882 г. он — почетный гражданин и кавалер. К концу жизни у Петра Ивановича остается только один трактир — в «доме с ротондой». Им он владел более 30 лет. После смерти Петра Ивановича ему наследует младший сын Петр. Но, по всей видимости, трактирное дело не прельщало Петра Петровича, и вскоре он продает и дом на Фонтанке, и трактир в нем. В дальнейшем в купечестве не состоит и выступает в качестве домовладельца, купив дом № 13 по Кирочной улице.

В 1897–98 гг. владельцем «дома с ротондой» становится Семен Григорьевич Раменский — крупный домовладелец Петербурга. Вместе с братом Григорием он унаследовал состояние не только отца, но и

¹ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9940. Л. 12, 18.

²Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.

³РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

бездетного дяди. Ну, а в дальнейшем и сам оказался удачлив в делах. Одновременно с покупкой дома на Фонтанке он покупает дом № 13 по Садовой улице, а вскоре был куплен и соседний дом на углу Невского и Садовой. Здесь он живет с семьей до революции. Помимо активной предпринимательской деятельности Раменский много занимался благотворительностью. Именно он пожертвовал участок земли на берегу реки Карповки, на котором возвели Иоанновский женский монастырь. Семен Григорьевич являлся членом правления нескольких благотворительных обществ, и в том числе в приходе церкви св. равноапостольной Марии Магдалины на Малоохтинском кладбище, где в 1907 г. он похоронил свою жену¹. Возможно, именно там был похоронен и его единственный сын, который умер ребенком.

«Домом с ротондой» Раменский владел около 14 лет, а затем продал его Александру Фаддеевичу Евментьеву. Сделка была достаточно хитроумная. Раменский взял в банке на срок 37 лет и 6 месяцев под залог дома ссуду (285 тыс. рублей²) меньше, чем можно было взять по оценке. Уже через месяц состоялась сделка по оформлению купчей на дом с переводом долга Кредитному обществу на нового владельца. Таким образом, продавец дома сразу получил деньги, а покупатель имел рассрочку на 37 лет, ежемесячно выплачивая совсем небольшие суммы, около 3 тыс. рублей в год, при превышающей прибыли от аренды сдаваемого жилья. Практически, Евментьев имел с дома прибыль, не вложив ни копейки в его приобретение.

Александр Фаддеевич Евментьев стал последним владельцем дома. Когда-то он начал свою деятельность со строительных подрядов, потом приобрел кирпичный заводик на правом берегу Невы, в Новосаратовской колонии и, наконец, начал скупать дома. Старший сын Михаил, окончивший в 1897 г. Институт гражданских инженеров, выполнил проект особняка для семьи на Алексеевской улице (ныне ул. Писарева, 16–18), а рядом по его проекту был построен доходный дом.

Купленный на Фонтанке дом намечено было снести и на его месте возвести новый, более крупный доходный дом, а также предполагалось максимально использовать двор, построив там несколько корпусов³. К счастью, проект Михаила Евментьева несколько раз возвращали на доработку. Время шло, когда проект все же был подписан, началась

¹ Саитов С. И. Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 546.

² ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8212. Л. 16.

³ Там же. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9940.

Первая мировая война, а с ней и кризис в экономике. Строительство пришлось отложить. В предреволюционные годы Александр Фаддеевич начинает отходить от дел. Он заметно состарился и начал болеть. Последним его делом стал подряд на постройку «Толстовского дома» на Фонтанке (наб. Фонтанки, 54). В начале 1917 г. Евментьев выехал в Крым на лечение, но там скоропостижно скончался¹.

У Александра Фаддеевича было 7 сыновей и 5 дочерей. Известна дальнейшая судьба только двоих из них. Младший сын Борис умер в блокаду и похоронен на Смоленском кладбище². Сын Василий окончил Политехнический институт, год стажировался за границей, работал инженером, арестован и расстрелян в 1938 г.³ Его жена Нина Ивановна, актриса, после ареста мужа была сослана на поселение за Лугу, в годы войны оказалась в оккупации, была угнана в Германию и, в результате, попала в Нью-Йорк, где работала экономкой у княгини Багратион. Единственная дочь Василия Александровича и Нины Ивановны Лидия Васильевна стала балериной. Училась у А. Я. Вагановой; правда, из-за высокого роста могла претендовать только на вторые партии. Во время блокады Лидия Васильевна осталась с мужем в Ленинграде, тушила зажигательные бомбы. После войны окончила педагогическое отделение хореографии при консерватории и в дальнейшем работала вместе с Агриппиной Яковлевной Вагановой в балетном училище на улице Зодчего Росси. Только в 1957 г. мать и дочь нашли друг друга, и Лидия Васильевна добилась возвращения матери на родину⁴.

Возвращаясь к «дому с ротондой», надо добавить, что помимо сдающихся в аренду жилых помещений, в нем постоянно содержались увеселительные заведения. Началось все с 1860-х гг., когда Кузьма Матвеевич Марцинкевич, проживая здесь с семьей⁵, открыл свои

¹Евментьева Л. В. Записки балерины. Л., 1991. С. 7–8.

²Блокада, 1941–1944. Ленинград : Книга памяти. СПб., 2001. Т. 9. Д–Е. Электрон. версия (27.01.2014): http://vizz.nlr.ru/search/lists/blkd/229_27.html

³Ленинградский мартиролог (1937–1938). СПб., 2009. Т. 10. Май–сент. 1938 г.

Электрон. версия (27.01.2014): Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных // Возвращенные имена. Книги памяти : Сайт / Российская национальная библиотека. URL: http://vizz.nlr.ru/search/lists/t10/229_0.html

⁴Евментьева Л. В. Записки балерины. С. 154.

⁵Справочная книга о лицах, получивших на 1865 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1865. С. 249.

знаменитые танцклассы. Рекламируя их как семейные вечера, Марцинкевич много сил положил, чтобы они таковыми и стали. Его чрезмерная забота о нравственности стала темой для многих едких шуток со стороны газетчиков. О так называемых Марцинках можно было прочесть не только в фельетонах. Марцинки мелькали на страницах произведений Н. Г. Гарина-Михайловского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Лейкина, В. О. Михневича. После смерти Кузьмы Матвеевича (1867)¹ его дело пыталась продолжить жена Екатерина Ивановна, но ей это не удалось. Через пару лет заведение было закрыто. Если и при Кузьме Матвеевиче танцклассы прославились своими драками и дебошами, то в последние годы их частенько называли притоном.

В 1880-х гг. практически целое десятилетие в доме на Фонтанке был открыт «Танцевальный зал Александрова». По сравнению с другим детищем Георгия Александровича Александрова — «Аквариум», одним из самых крупных и наиболее известных увеселительных заведений Петербурга, танцевальный зал у Семеновского моста оставался местом менее популярным, но достаточно доходным, чтобы деловой и расчетливый Александров содержал его столько лет. Расположение близ Сенного рынка, былая слава танцклассов Марцинкевича и соседство в этом же здании трактира определяли круг посетителей этого заведения. Зал увеселений для полусвета, таковым оставался он и при следующем своем владельце, не менее известном антрепренере Петре Вионоровиче Тумпакове.

После открытия заведения Тумпаков жил в этом доме², а затем уже переехал на Фонтанку, 37. При нем танцевальный зал начал называться Варьете. Петр Вионорович владел Варьете более 15-ти лет. Последним владельцем Варьете стал М. С. Харитонов. Надо отметить, что здание, наверное, побило рекорд в Петербурге по содержанию увеселительных заведений, которые существовали здесь почти 60 лет!

Наряду с увеселительными заведениями в доме постоянно существовали различного рода питейные заведения, что привлекало сюда соответствующий контингент публики и сохраняло сложившуюся

¹Сайтов С. И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 56.

²Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1897 по 1 февраля 1898 свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб., 1898. С. 566.

известность одного из самых значных мест Петербурга. Например, в 1898 г. в доме одновременно были открыты: буфет при танцевальном зале Тумпакова, трактир с крепкими напитками Мальта, ренсковый погреб Шитта и портерная Силичева¹.

Параллельно с трактиром в 70-х гг. (приблизительно по 1878 г.) в доме был открыт трактир Герасима Васильевича Самолетова. Известно, что в 1870 г. он арендовал в доме на Фонтанке два помещения². Вполне возможно, что Герасим Васильевич открыл свое заведение вместо танцклассов Марцинкевич, а затем его сменил своим «Танцевальным залом» Александров. Во всяком случае, трактир Самолетова существовал именно в промежутке времени между бытностью этих двух увеселительных заведений. При этом где-то до 1877 г. семья Самолетова проживала здесь же³, а затем переехала на Моховую улицу, дом № 47.

Трактир Ротина в конце 1890-х гг. приобретает Василий Иванович Минеев. К этому времени трактир уже получил название «Мальта». Заведение было настолько выгодным, что через 5 лет Минеев купил собственный дом на Николаевской улице (ныне ул. Марата). Следующему владельцу трактира Александру Павловичу Зубареву тоже хватило 5 лет, чтобы «встать на ноги». При нем трактир стал рестораном. В следующей пятилетке владелец ресторана — Лев Михайлович Тихомиров. Затем ресторан перешел к Ивану Федоровичу Старикову и Ивану Ивановичу Волкову и стал называться «Луна-Парк». В канун революции у него был уже один владелец — И. И. Волков.

После революции значные заведения закрылись. Анфилады комнат были превращены в коммунальные квартиры. У «дома с ротондой» началась новая жизнь.

¹Справочная книга... С. 566, 503, 618; Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 год. СПб., 1897. Стб. 297.

²ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1307. Л. 3.

³Справочная книга о лицах, получивших в течении 1875 года и января месяца 1876 года купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1876 году. СПб., 1876. С. 514.

А. И. Чепель
«КАРАНДАШ» И БУМАГА:
КОНКУРСНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В
ТВОРЧЕСТВЕ АРХИТЕКТОРА
А. Л. ЛИШНЕВСКОГО

В первый год XX в. архитектор Александр Львович Лишневский (1868–1942)¹ из Елисаветграда (ныне Кировоград) «переехал на жительство в Петербург», где «посвятил себя художественно-архитектурной деятельности, главным образом, участвуя в архитектурных конкурсах»². Мастер известен, прежде всего, своими петербургскими постройками³, важнейшая из которых — Дом городских учреждений (Садовая ул., 55–57 / Вознесенский пр., 40–42⁴), созданный на основе премированного конкурсного проекта⁵.

Сразу включившись в конкурентную борьбу, А. Л. Лишневский быстро стал одним из самых активных участников конкурсного проектирования предреволюционных лет. Документально подтверждается участие архитектора в 24-х конкурсах, на семи из которых он завоевал первое место, на девяти — второе, а две работы комиссия судей хотя и не

¹См. о нем: Федоров С. Г. И образ, и функция: страницы творческой биографии А. Л. Лишневского // Стр-во и архитектура Ленинграда. 1980. № 6. С. 31–35; Чепель А. И. Об архитекторе А. Л. Лишневском // Невский архив: ист.-краевед. сб. СПб., 2010. Вып. 9. С. 163–177.

²ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 164. Д. 1020. Л. 11 об.

³Список построек см.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / Авт.-сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков. СПб., 1996. С. 196–197.

⁴Здесь и далее указываются современные петербургские адреса.

⁵Об этой постройке и о предшествовавшем ее возведению конкурсе см.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. СПб., 2011. Кн. 1. С. 433–467.

премировала, но «рекомендовала к приобретению», т.е. в отзыве специально указала на высокое качество проектов, предложив заказчикам конкурсов выкупить чертежи у автора. Все его конкурсные проекты выполнены в 1902–1910 гг., сведений о дальнейшем участии архитектора в конкурсах, вплоть до 1917 г., обнаружить не удалось.

Какое место конкурсное проектирование занимало в творчестве архитекторов начала XX в.? Этот вид деятельности называют «обыденной практикой, неперменной и важнейшей составляющей занятий архитектора». В архитектурной среде того времени конкурсный «парад идей» рассматривался как средство улучшения художественного качества построек и повышения престижа профессии. Конкурентная борьба была соткана из противоречий. С одной стороны, проекты представлялись на конкурс анонимно, под девизами, и это, казалось бы, могло служить гарантией объективности судейства. С другой стороны, в относительно узком кругу зодчих, где одни и те же авторы участвовали в разных состязаниях, профессиональный почерк большинства архитекторов весьма трудно было скрыть за девизом. Бывало, дело доходило до того, что члены конкурсного жюри, заподозренные в необъективности, становились мишенями для стрел беспощадной, нередко зубодробительной критики. В ответ архитектурные общества, объявлявшие конкурсы, постоянно обдумывали возможности упорядочить процедуру; вводили правила, согласно которым судья, входивший в жюри конкурса, не имел права участвовать в этом же конкурсе в качестве соперника. Помимо этической стороны, требования объективности судейства были связаны с довольно значительными подчас денежными премиями, которые заказчики конкурсов выплачивали победителям¹. Так, за 9 лет участия в конкурсах Лишнецкий заработал в общей сложности около 15 тыс. руб. (на эти деньги, к примеру, тогда можно было в течение 15 лет оплачивать проживание в пятикомнатной квартире со всеми удобствами). Он также часто находился по другую сторону барьера, выступая в качестве судьи конкурсного жюри, и это также значительная сфера его биографии. Здесь мы обратимся к творчеству мастера как конкурента (так в начале XX в. называли участников

¹ О конкурсной практике начала XX в. см.: Заварихин С. П. Архитектурные конкурсы в Санкт-Петербурге // Петербургские чтения: (к юбилею города): тез. докл. конф. СПб., 1992. С. 12–15; Басс В. Г. Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб., 2010.

конкурсов) и рассмотрим некоторые из его проектов. Многие из них предназначались для Петербурга, и у нас появляется возможность увидеть иные варианты существующих петербургских зданий, а также проследить взаимное влияние конкурсных идей зодчего и осуществленных им построек.

В марте 1902 г. были подведены итоги объявленного в самом конце декабря 1901 г. конкурса на перестройку принадлежавших В. П. Сукачеву фабричных зданий (наб. р. Смоленки, 20/12-я линия В. О., 55) в доходные дома для небогатой публики. Заказчик предписывал конкурентам: «Предпочтение следует отдать квартирам с меньшим числом комнат, и при планировке больших квартир необходимо иметь в виду возможность удобной сдачи в наем отдельных комнат. Ванн при квартирах не требуется, но на каждой лестнице следует проектировать одну комнату для ванной, которой могли бы пользоваться все живущие на данной лестнице». Также «желательно, чтобы фасады были проектированы без затейливых украшений, но в выдержанном стиле, выбор которого представляется на усмотрение составителя проекта»¹. В верхних этажах предусматривались мастерские для художников. Жюри рассмотрело 20 работ, и проект А. Л. Лишневого удостоился 3-й премии: «Разбивка участков удачная <...>. Фасады недурны» (1-ю премию завоевал В. В. Гейне, который вскоре и перестроил здания по собственному проекту, 2-ю — соавторы Н. В. Васильев и С. С. Кричинский)². В проекте А. Л. Лишневого ощутимо влияние нарождающегося модерна. Воплощать в своем творчестве идеи модерна он начал еще 1890-е гг., в период работы городским архитектором Елисаветграда³, и первые конкурсные работы зодчего, осуществленные в Петербурге, продолжили эту линию.

Архитектор обогатил силуэт дома В. П. Сукачева высокими крышами и фигурными фронтонами над карнизом. Аттиковая стена, оснащенная тумбами с завершением в форме таблеток, плавно

¹Строитель. 1902. № 6. Стб. 201–211.

²Там же.

³О творческих исканиях А. Л. Лишневого в период работы в Елисаветграде см.: Кириченко О. Стильові пошуки архітектора Олександра Лішневого в Елисаветградський період творчості (1895–1901 роки) // Українське мистецтвознавство : матеріали, дослідження, рецензії : зб. наук. праць. Київ, 2009. Вип. 9. С. 218–222.

изгибается — словно от напора лучкового сандрика. Фасады обработаны дощатым рустом. Окна разнообразны по форме: помимо застекленных больших «лежачих» прямоугольников, отмечающих мастерские художников в верхнем этаже, использованы обычные прямоугольные, узкие сдвоенные и окна с едва заметным округлением в верхней их части, а также шестиугольные — со срезанными верхними углами. Некоторые окна с помощью декора объединены по вертикали, и этот прием сбивает ритм поэтажных членений.

В мае 1902 г. А. Л. Лишневецкий получил 3-ю премию на конкурсе проектов здания Симбирской земской управы (1-я премия — А. И. Дмитриев, 2-я — Ф. Л. Глинский). На конкурс поступило 11 работ¹. В том же году он получил 1-ю премию за проект панорамы Севастополя. Всего поступило 12 проектов (2-я премия — С. В. Беляев, 3-я — Б. Штифельман)².

1903 год оказался для архитектора очень удачным: он создал 7 конкурсных работ. По итогам конкурса проектов петербургского здания для Императорского человеколюбивого общества (ул. Егорова, 26), предназначенного «для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей в мастерство», среди 25 соревнующихся он вышел на 2-е место, представив проект под девизом «С миру по нитке»³. На проект церкви при детской больнице в Петербурге (Большой Сампсониевский пр., 65 / Литовская ул., 2 / ул. Александра Магросова, 3) поступило 9 работ, и чертежи А. Л. Лишневецкого были рекомендованы к приобретению, но жюри отметило, что фасады «лишены самостоятельности»⁴. Конкурс проектов застройки владений Московского мещанского общества принес архитектору 2-ю премию (1-я — С. Г. Гингер, 3-я — М. М. Черкасов и С. Е. Яковлев)⁵.

Два проекта 1903 года в духе раннего модерна ориентированы на венскую школу О. Вагнера. На конкурс проектов переделки лицевого фасада петербургского городского дома (Большая Морская ул., 63)

¹Зодчий. 1902. № 21. С. 244; № 22. С. 256.

²Там же. № 22. С. 258.

³Об этом конкурсе и последующей постройке здания см.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. Кн. 1. С. 413–431.

⁴Зодчий. 1903. № 24. С. 299. Церковь так и не была построена: см.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. Кн. 1. С. 269–271.

⁵Зодчий. 1903. № 7. С. 85.

поступило 37 работ. Выполненный А. Л. Лишневым проект, получивший 2-ю премию, произвел на комиссию судей, «в общем, приятное впечатление». Дугообразное завершение ризалита, массивные тумбы, напоминающие гигантские таблетки, и многократно повторяющиеся на фасадах «вагнеровские» короткие каннелюры, из которых средняя длиннее крайних, — все это говорит об «австрийских» истоках проекта. (1 место получил В. А. Покровский, 3-е — Л. А. Ильин, представивший проект «в русском стиле»; оставшийся без премии анонимный автор обработал фасад «в духе петровского времени», который, по мнению жюри, «по замыслу мог бы подойти», но конкурента подвела неопытность: «декоративная отделка хромает, обделка окон мало разработана и нарисована несколько робкой рукой»)¹. Ни один из проектов не был реализован, и до наших дней здание сохранило облик, приданный ему в середине XIX в.

На бумаге остался еще один проект в «вагнеровском» стиле — здание физических методов лечения в г. Севастополе. Здесь архитектор добился 1-го места среди 15-ти конкурентов, и жюри констатировало, что «общий прием плана крайне прост, характерен и красив по массам» (2-е место досталось М. М. Перетятковичу, 3-е — С. С. Кричинскому)². Созданный в том же 1903 г. проект доходного дома Строгановского училища в Москве (Мясницкая ул., 24), также обратил на себя «особенное внимание весьма удачной общей распланировкой», и А. Л. Лишневым получил 1-ю премию³. 2-е место досталось А. Н. Калинин и Г. М. Тер-Микелову; 3-е — В. И. Рубанову и В. С. Саркисову; 4-е — Р. Р. Бернгарду⁴, но постройку осуществил не кто-либо из конкурентов, а Ф. О. Шехтель⁵.

Премированный в последних числах декабря 1903 г. упомянутый выше проект Дома городских учреждений демонстрирует «готическое» направление в творчестве архитектора. Переработанный проект был окончательно утвержден весной 1905 г., а начатое летом того же года строительство завершилось в конце 1906 г.

В период между конкурсом и рабочим проектом, в 1904 г., зодчий стал участником конкурсного соревнования на проект доходного дома

¹Зодчий. 1903. № 18. С. 234.

²Строитель. 1903. № 9–12. Стб. 371.

³РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 85. Л. 81–81 об.

⁴Строитель. 1903. № 19–24. Стб. 843–844.

⁵Кириченко Е. И. Федор Шехтель. М., 1973. С. 108.

Санкт-Петербургского Купеческого общества (ул. Рубинштейна, 23). А. Л. Лишнеvский занял 3-е место; 1-е досталось С. В. Беляеву, 2-е — А. И. Владовскому, 4-е — Г. А. Косякову и Н. Л. Подберескому, 5-е — М. М. Перетятковичу¹. Проект не был осуществлен (в 1911–1912 гг. на этом участке был выстроен дом по проекту А. А. Барышникова²), но некоторые находки этой работы архитектор воплотил в облике Дома городских учреждений. Это, например, аркада первого этажа, а также массивные щипцы, опирающиеся на собранные воедино шесть узких окон.

Влияние Дома городских учреждений и дома Купеческого общества можно найти в других созданных для Петербурга, но так и не воплощенных в жизнь проектах мастера: 1905 г. — Училищного дома имени Петра Великого, выполненного «в духе неоромантического направления модерна со стилизацией мотивов готики и северного ренессанса»³ и 1906 г. — доходного дома А. Н. Перцова (Лиговский пр., 44), фасада которого, по мнению жюри, «в современном английском духе, не особенно оригинален, но подходит для большого доходного дома»⁴.

Петербургские постройки Лишнеvского этого периода — дом Э. Л. Петерсена (1906 г., Лиговский пр., 125 / Рязанский пер., 2); дом И. Ф. Алюшинского (1907–1908 гг., Малый пр. П. С., 66 / ул. Ленина, 32); дом Е. А. Рыбиной (1908 г., Прядильный пер., 5 / Люблинский пер., 2) — относят к «северному модерну». Здесь средневековые, «готические» мотивы не отпускают архитектора, и он вспоминает о них если не при составлении проектов, так в процессе строительства. Так, вход в парадную дома Рыбиной, задуманный с балочным перекрытием, переродился в натуре в обшитый рваным камнем арочный проем⁵, через который уличное пространство, плавно огибая скругленный угол, «втекает» внутрь, где система «готических» арок ведет к лестнице,

¹Зодчий. 1905. № 52. С. 602.

²Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. С. 33.

³Кириков Б. М. Училищный дом имени Петра Великого — программный памятник «петербургского ренессанса» // Невский архив: ист.-краевед. сб. СПб., 1995. Вып. 2. С. 247.

⁴Известия Общества гражданских инженеров. 1906. № 3. С. 78. О доме А. Н. Перцова и предшествовавшем его постройке конкурсе см.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 374–381.

⁵ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3749; Ф. 515. Оп. 4. Д. 3075.

поставленной под углом к вестибюлю. У входящего создается ощущение, что он оказался в «крепостном захабе», и как знать, что там ждет, за поворотом... Жутковатое впечатление поддерживается масками чертенят, взирающих со стен.

О скульптурном убранстве готических соборов напоминает отделка фасадов дома И. Ф. Алюшинского¹. В собственном петербургском доме архитектора на Лахтинской ул., 24 «из стены вылезает Мефистофель со складчатыми крыльями летучей мыши» — словом, «гротескные скульптурные детали и inferнальные мотивы прочно закрепились в репертуаре Лишневого»². В этот петербургский «демонический» ряд можно было бы добавить прилепившуюся под эркером принадлежавшего архитектору дома на Зверинской ул., 27 загадочную фигуру с перепончатыми крыльями³, но здание, построенное к началу 1910 г., не дожило до наших дней: вероятно, дом серьезно пострадал в годы революций и войн, и разборка его «кирпичного остова» завершилась в 1924 г.⁴

Со строительством дома Э. Л. Петерсена связана скандальная история, ставшая предметом обсуждения на заседании Петербургского общества архитекторов. А. Л. Лишневецкий был членом жюри конкурса на проект этого здания, и в итоге постройка была поручена именно ему, а не кому-либо из премированных конкурентов. По этому поводу А. И. Дмитриев высказался следующим образом. Он напомнил случай, когда А. Л. Лишневецкий «уверял, что лицо, участвовавшее в жюри, не имеет права производить постройку. Он очень старался убедить, что такие случаи возмутительны», но судейство в конкурсе на дом Э. Л. Петерсена не помешало тому, «который так ратовал против, постараться перехватить эту работу». Впрочем, здесь могли сыграть роль деловые связи архитектора с заказчиком, налаженные в ходе строительства Дома городских учреждений⁵. Можно предположить, что

¹См.: Чепель А. И. О жизни и творчестве архитектора П. П. Светлицкого // Открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2007–2010. СПб., 2010. С. 107–108.

²Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. Кн. 1. С. 464–465.

³ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 1436. Л. 6–7.

⁴ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 376. Л. 108.

⁵См.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. Кн. 1. С. 444.

именно с упомянутым казусом была связана последующая перепалка А. Л. Лишневого и А. Ф. Бубыря (одного из авторов проекта, получившего на этом конкурсе 1-ю премию) о возможной дуэли между ними¹. В доме Э. Л. Петерсена А. Л. Лишневецкий применил прием, сходный с подходом в трактовке угловой части Дома городских учреждений. Он усилил роль узкого флигеля, игравшего значительную роль в застройке Лиговской улицы (как раз эта градостроительная задача не была решена в премированном проекте): «Главным композиционным узлом стала угловая часть, акцентированная массивной круглой башней со шлемовидным завершением»².

В «северном модерне» выполнен также оставшийся на бумаге проект Николаевского вокзала, представленный зодчим на конкурс в 1906 г. под вполне «северным» девизом «Скалы и сосны». И снова возвращаемся в эпоху рыцарей и замков: «романтический характер возникшего здесь образа дополнительно “разъясняется” при помощи введенных в композицию своего рода ссылок на средневековое зодчество в виде башен, напоминающих крепостные, или проемов стрельчатой формы»³.

В 1904 г. проект доходных домов, составленный А. Л. Лишневецким для Московского политехнического общества, был рекомендован к приобретению (всего поступило 35 работ, и 1-е место взял А. Б. Минкус, 2-е — В. Ф. Валькот), а проект здания для Училища живописи, ваяния и зодчества в Москве принес ему 3-ю премию (1-я — А. М. Гуржиенко и И. М. Рыбин, 2-я — С. Г. Гингер)⁴.

В 1905 г. архитектор вышел на 1-е место в конкурсе на проект здания русского театра в Варшаве с работой под девизом «Скоморох»: «План прост и целесообразен, места для зрителей прекрасно расположены». Из поступивших 14-ти проектов жюри рекомендовало к приобретению проект С. Г. Гингера, отметило 2-й премией работу И. Ф. Носовича, 4-й — Г. А. Косякова и Н. Л. Подбереского. 3-е место взял проект «Лель» Б. Я. Боткина и В. И. Романова, предложивших «фасады в русском стиле», которые «напоминают мотивы новгородской архитектуры». «К сожалению, не удалось своевременно сфотографировать

¹ЦГИА СПб. Ф. 528. Оп. 1. Д. 297. Л. 60 об. – 61 об.

²Бусырева Е. П. Лев Ильин. СПб., 2008. С. 29–30.

³Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII – начала XX века: поиски национального стиля. М., 2009. С. 401.

⁴Зодчий. 1904. № 16. С. 194; № 27. С. 316.

фасад проекта», предложенного А. Л. Лишневым, потому о внешнем убранстве нам остается догадываться только по описанию: «фасады, оригинально задуманные и талантливо спроектированные, вполне отвечают идее “Русского театра”»¹. В творчестве А. Л. Лишневого встречается лишь одна постройка в неорусском стиле — петербургский доходный дом Б. Я. Купермана (Чкаловский пр., 31 / Плутова ул., 2 / ул. Всеволода Вишневого, 10), и здесь архитектор показал себя как градостроитель, включив здание в среду с учетом существовавшей на соседнем участке церкви².

В 1907 г. работа А. Л. Лишневого получила 1-е место из 23-х проектов в конкурсе на перестройку Пермского городского театра; мастер предложил «общий прием решения плана», который «достаточно ясен и красив» (2-я премия была присуждена трем авторам, представившим каждый свой проект: Н. А. Ладовскому, С. А. Моравицкому, А. И. Ржепишевскому)³.

Премированные проекты поступали в собственность заказчика конкурса, и он имел полное право использовать лучшие идеи при составлении окончательного проекта постройки. Генеральный план, предложенный А. Л. Лишневым в 1906 г. на конкурс проектов больницы имени Петра Великого под девизом «Эскулапу», оказался лучшим, поэтому задуманный им «трезубец» главных аллей был положен в основу рабочего проекта, составленного другими архитекторами, и эта планировка была осуществлена в натуре⁴.

Многие другие конкурсные проекты мастера также выделялись выверенными планировочными решениями. Самым рациональным из всех представленных был признан составленный архитектором в 1908 г. проект застройки участка церкви Св. Екатерины (Невский пр., 32–34). Следующие премии распределились так: 2-я — «студент Института гражданских инженеров Сикорский», 3-я — И. В. Падлевский, 4-я — А. И. Клейн, 5-я — М. С. Лялевич⁵.

¹Зодчий. 1905. № 27. С. 315–319.

²Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII – начала XX века: поиски национального стиля. С. 532; Чепель А. И. Собственные дома архитектора Лишневого на Петербургской стороне // Открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2007–2010. СПб., 2010. С. 87–90.

³Зодчий. 1907. № 50. С. 510.

⁴Бусырева Е. П. Лев Ильин. С. 46–53.

⁵Известия Общества гражданских инженеров. 1908. № 7–8. С. 87.

«Цельное, простое и красивое решение» предложил А. Л. Лишнеvский для застройки петербургского участка инженера-технолога И. И. Пирогова (пер. Бойцова, 4)¹. Итоги конкурса, на который поступило 68 проектов, подвели в марте, а уже в апреле 1910 г. домовладелец приступил к строительным работам (сначала самостоятельно, затем пригласил архитектора М. С. Ляевича), расположив новые корпуса в полном соответствии с удостоенным 2-й премии конкурсным предложением А. Л. Лишнеvского, представленным под девизом «Красота — радость жизни» (1-е и 3-е места получили соавторы Д. Д. Смирнов и А. О. Вейвод, 4-я — Е. Ф. Эдель)².

В 1910 г. А. Л. Лишнеvский, в соответствии с изменившимися художественными веяниями, представляет на конкурсы проекты неоклассического направления, но до постройки дело не дошло. В фасадных композициях Русского торгово-промышленного банка в Санкт-Петербурге (Большая Морская ул., 15) и Екатеринославского отделения Санкт-Петербургского коммерческого банка ведущую роль играет ордер: колонны центральных лоджий обрамлены ризалитами с более скромной отделкой³. Боковые протяженные части петербургского доходного дома Первого российского страхового общества (Каменно-островский пр., 26–28), проект которого А. Л. Лишнеvский представил на конкурс под девизом «Карандаш», близки к безордерному классицизму, акцентом же служит глубокая эседра, замыкающая перспективу внутреннего проезда, прорезающего участок на всю его 100-метровую глубину — чем не внутриквартальная улица? Жюри вынесло заключение: «С улицы видна вся глубина участка с парадным двором посередине <...>, с декоративной обработкой стены в глубине участка в виде ниши, что дает интересный фон в глубине двора». Из всех конкурентов только А. Л. Лишнеvский предложил на конкурс абсолютно равные по длине лицевые корпуса — в полном соответствии с классицистическими канонами, и это также было специально отмечено судьями: «Фасад прост и красив, притом вполне симметричный». Проект получил 2-ю премию⁴.

¹Зодчий. 1910. № 17. С. 183.

²ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9795.

³Заварихин С. П., Фалтинский Р. А. Капитал и архитектура: история архитектуры и строительства банковских зданий в России. СПб., 1999.

⁴Зодчий. 1911. № 9. С. 100. Об этом конкурсе см. также: Кириков Б. М. Александр Дмитриев. СПб., 2004. С. 174–186; Лисовский В. Г., Гашо Р. М. Николай Васильев: от модерна к модернизму. СПб., 2011. С. 174–180.

Идею внутриквартальной улицы архитектор все же осуществил, но в меньших масштабах. Дом, построенный на одном из принадлежавших А. Л. Лишневному петербургских участков (ул. Ленина, 41 / Полозова ул., 28), раскрывается на параллельные улицы высокими арками, «в решении которых можно ощутить прямо-таки пиранезиевскую мощь»¹. Под ними-то и проходит эта своего рода улица.

Почему после 1910 г. имя А. Л. Лишневного больше не встречается среди конкурентов? Вот некоторые предположения. Может быть, отвлекала от участия в конкурсах обширная строительная практика? Так, в 1910–1916 гг. архитектор построил в Петербурге 15 крупных доходных домов. О расширении бизнеса говорит принятое в декабре 1914 г. решение организовать архитектурно-строительное бюро, под маркой которого А. Л. Лишневский и строительный подрядчик Б. Ю. Либерман планировали заниматься проектированием и постройкой «различного рода гражданских сооружений» по заказам «частных лиц или учреждений»².

Возможно и другое объяснение. Имена авторов проектов, представленных на конкурс, но не удостоенных премии, оставались неизвестными, и от архитектора попросту отвернулась удача? Не исключено также, что архитектор, все чаще приглашавшийся к участию в жюри, согласно правилам, был вынужден отказываться конкурировать. Он сам говорил о подобной ситуации так: «Вы знаете, что мы часто отказываемся от участия в жюри. Ваш покорный слуга отказывается всегда, когда собирается работать, если же нет, то всегда согласен»³. После 1910 г. его имя в качестве судьи жюри встречается довольно часто. Как знать, возможно, маститый архитектор, имевший большой опыт в проектировании и строительстве зданий различного назначения, посчитал более важным давать профессиональную оценку многочисленным конкурсным работам своих коллег, пожертвовав для этого собственными амбициями.

¹Лисовский В. Г. Архитектура Петербурга: три века истории. СПб., 2004. С. 300.

²ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 927.

³Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 297. Л. 59.

Приложение

Краткие сведения об авторах

Аксельрод Владимир Ильич — к. пед. н., методист, декан Юношеского университета Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», учредитель РОО «Институт Петербурга».

Абакумова Наталия Евгеньевна — исследователь, член РОО «Институт Петербурга».

Гольцов Николай Николаевич — исследователь, член РОО «Институт Петербурга».

Лихтшангоф Александр Зиновьевич — к. мед. н., профессор Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

Манизер Наталия Марковна — исследователь, член РОО «Институт Петербурга».

Москвина Анна Александровна — исследователь, член РОО «Институт Петербурга».

Нестерук Елена Валерьевна — исследователь, экскурсовод, член Совета РОО «Институт Петербурга».

Печникова Марина Анатольевна — врач Городской поликлиники № 34, член РОО «Институт Петербурга».

Рудая Зинаида Абрамовна — заведующая Центром петербурговедения библиотеки им. В. В. Маяковского.

Сапрыкина Людмила Юрьевна — исследователь, экскурсовод, лектор, член Совета РОО «Институт Петербурга».

Смирнова Татьяна Геннадьевна — зав. сектором исторического краеведения и школьного музееведения, руководитель ГМО методистов по краеведению и школьному музееведению ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Стальмак Елена Павловна — зам. директора Театрально-концертного комплекса, педагог дополнительного образования ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Тагирджанова Альмира Наимовна — краевед, член РОО «Институт Петербурга», член научного центра «Петрополь» Дома национальных культур.

Шарапова Марина Борисовна — экскурсовод, член РОО «Институт Петербурга».

Шельганова Татьяна Валерьевна — учитель русского языка и литературы школы № 658, выпускница и лектор «Университета Петербурга».

Чепель Александр Иванович — к. ист. н., доцент кафедры истории СПбГМТУ, член Совета РОО «Институт Петербурга».

Список сокращений названий учреждений и организаций

- АМН СССР — Академия медицинских наук СССР
БАН — Библиотека Российской Академии Наука
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ» — Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение Центр образования «Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных»
ГМО — городское методическое объединение
МПС — министерство путей сообщения
РНБ — Российская национальная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РОО — Региональная общественная организация
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГПБ им. В. В. Маяковского — Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского
СПбГМТУ — Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук

Дипломные работы 2011 года

Деркач Лариса Леонидовна

История музыкальных фабрик Петербурга по изготовлению клавишных инструментов.

Заварзина Марина Викторовна

«Место, где я живу. Приморский район — Коломяги». Программа и тематическое планирование факультативного курса для учащихся 4-х классов.

Задорожная Екатерина Ивановна

Иван Яковлевич Урлауб и развитие оптико-механического производства в Санкт-Петербурге (конец XIX – начало XX веков).

Иванова Наталья Николаевна

История автобусного движения в Ленинграде-Петербурге.

Кириш Нина Феофановна

Вокруг дома Циммермана.

Князькина Альбина Вячеславовна

Храмы Васильевского острова (Материалы к экскурсии).

Кушаковская Светлана Сергеевна

Прогулки по Пороховым (Материалы к экскурсии).

Лапкина Галина Павловна

Размышления о художественной жизни небольшой части Невского проспекта.

Плясунова Алина Сергеевна

Экскурсия «Улица Пестеля разных периодов».

Тукиянен Ирина Александровна

«Самые известные храмы Санкт-Петербурга» (Справочник — путеводитель).

Тюлюкина Татьяна Ивановна

Экскурсия по Воскресенскому Новодевичьему монастырю и на Новодевичье кладбище.

Хохлова Евгения Константиновна

История церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице.

Дипломные работы 2012 года

Москвина Анна Александровна

История петербургской фотографии.

Смаглиенко Татьяна Георгиевна

Офицерское прошлое Песков (Страницы истории одного района).

Струценко Екатерина Олеговна

Как из студенческого курса вырос театр (Театр «Мастерская» Г. М. Козлова).

Шарапова Марина Борисовна

Судьбы владельцев «Дома с ротондой» и его обитателей.

Шушкова Екатерина Евгеньевна

Трактирные заведения на Петергофской дороге.

Чернега Александр Викторович

Ржевка-Пороховые. Проектирование, строительство, жизнь района.

Дипломные работы 2013 года.

Галюк Ирина Васильевна

Архимандрит Игнатий Бренчанинов. (1834–1857 — настоятель Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в Стрельне).

Гринева Надежда Викторовна

Цикл экскурсий: «Современные кадетские корпуса Санкт-Петербурга и ЛО»

Дич Татьяна Ивановна

История одного дома. (13 линия Васильевского острова, д. 30).

Иванушко Галина Ивановна

Судьбы представительниц Серебряного века, похороненных на Никольском кладбище Александро-Невской лавры

Разумовская Ольга Никитична

Художник Николай Николаевич Бажин

Юлтыева Наиля Тановна

Бернгард И. И. и Бернгардовка